

СТАРОДУБЬЕ.

ЗАПИСКИ

протоіеря с.-петербургской никольской единовѣрческой церкви

Т. А. ВЕРХОВСКАГО

ВЫСОЧАЙШЕ командированнаго въ 1845—1848 г. ГОСУ-
ДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИ-
ЧЕМЪ для устройства единовѣрія въ черниговскихъ старо-
обрядческихъ посадахъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1843 г.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1874.

76133cc

Verdovsky

СТАВРОДАРЕ

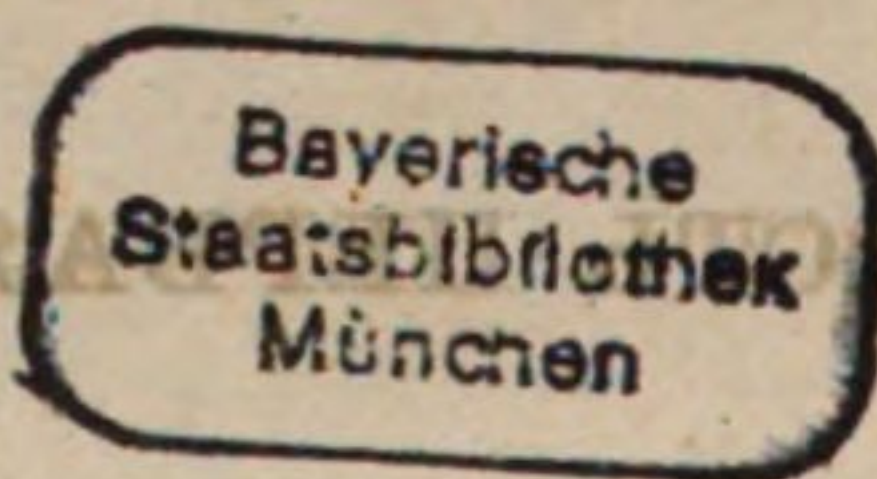
ЗАПИСКИ

изданы по повелению Императорского Высочайшаго Указа

Т. А. ВЕРХОВСКАГО

Печатать дозволяется. Цензоръ экстраординарный профессоръ казанской академіи Николай Ивановичъ.

ВЫСОЧАЙШЕ повелѣно въ 1845—1848 г. ГОСУ-
ДАРСТВ. ПЕЧАТНОМУ ДѢЛУ ПРАВИ-
ТЕЛЯ въ Удѣлѣ канцеляріи въ казанской старо-
обрядческой типографіи.

1845 г.

Приложеніе къ „Православному Собесѣднику“ 1874 г.

ВЪ УДѢЛѢ канцеляріи въ казанской старо-

1874 г.

76143911

ГЛАВА I.

Проѣздъ Государя Императора Николая Павловича въ маѣ 1845 г. чрезъ старообрядческій посадь Добрянку. — Приготовленіе старообрядцевъ ко встрѣчѣ Государя. — Хлѣбъ — соль, поднесенная старообрядцами Государю. — 70-лѣтній старецъ Григорій Поляскій. — Гнѣвъ Императора, непринявшаго хлѣба — соли отъ старообрядцевъ. — Разговоръ Николая Павловича съ старообрядцами. — Уныніе старообрядцевъ по отъѣздѣ Императора. — Приѣздъ черниговскаго губернатора въ посадь. — Прибытіе въ посадь Добрянку въ августѣ мѣсяцѣ генералъ-губернатора князя Н. А. Долгорукова. — Причина гнѣва Государя на старообрядцевъ. — Попеченіе и способы принимаемые Его Величествомъ къ вразумленію старообрядцевъ. — Высочайшее повелѣніе объ отобраніи всѣхъ бѣглыхъ священниковъ отъ старообрядцевъ и о закрытіи ихъ церквей и объ уничтоженіи звона.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1845 года жителямъ старообрядческаго посада Добрянки, черниговской губерніи городническаго уѣзда — сдѣлалось извѣстнымъ, что Государь Императоръ Николай Павловичъ, проѣздомъ изъ Кіева, будетъ въ Добрянкѣ. Кто не знаетъ, какъ русскій народъ встрѣчаетъ своихъ царей, въ селахъ и деревняхъ, и какъ цѣлые десятки лѣтъ рассказы о этихъ царскихъ посѣщеніяхъ переходятъ изъ устъ въ уста и остаются на долго въ народѣ.

Добрянцы старались приготовиться къ встрѣчѣ своего Царя, сколько имъ внушала любовь и преданность къ помазаннику Божію, и сколько дозволяли средства и возможность къ исполненію похвального своего желанія. Когда сдѣлалось имъ извѣстно время проѣзда Его Величества чрезъ ихъ посадь, они позаботились съ главной улицы все лишнее убрать, улицу вымести и въ назначенный день проѣзда усыпали ее пескомъ, а сами жители посада отъ стараго до малаго всѣ одѣлись въ праздничное лучшее платье, какъ мушины, такъ

и женщины, и день этотъ былъ для нихъ великимъ праздникомъ.

Представители посада и члены ратуши одѣлись въ мундиры и изъ среды себя избрали почетнѣйшаго изъ всего общества своего семидесяти-лѣтняго старца Григорія Полянскаго съ сѣдой бородой и волосами на головѣ, для встрѣчи Государя съ хлѣбомъ и солью отъ посада. Почтенный старецъ Полянскій, съ двумя ассистентами по сторонамъ, также изъ стариковъ старообрядцевъ Добрянки, съ благоговѣніемъ, соединеннымъ со страхомъ, ожидали Его Величество у станціоннаго дома.

Вдругъ изъ-за клубовъ пыли показался царскій поѣздъ, — и коляска Государя Императора мгновенно очутилась у крыльца станціи. Мѣстный исправникъ подвелъ старца Полянскаго къ царской коляскѣ и доложилъ Государю о желаніи старообрядцевъ поднести Царю своему русскую хлѣбъ-соль. Государь быстро всталъ въ коляскѣ и, смотря на старика, спросилъ его, — что это такое? Представитель Добрянки ⁽¹⁾ отвѣчалъ — „Ваше Величество! жители посада, Ваши вѣрнопопданные, осмѣливаются встрѣтить Васъ хлѣбомъ — солью и низайше просятъ Ваше Величество осчастливить ихъ принять хлѣбъ — соль“. Государь, возвысивъ голосъ, грозно сказалъ: — „не хочу я вашего хлѣба — соли, вы не вѣрнопопданные мои! вы не ходите въ церковь Богу молиться“.

Старикъ оробѣвъ, измѣнился въ лицѣ, но, собравшись съ духомъ, со страхомъ сказалъ: — „Государь! гдѣ же намъ и молиться Богу, какъ не въ церкви, и мы всѣ ходимъ въ церковь!“ — „Вздоръ! отвѣчалъ Импера-

(1) Песадъ Добрянка отстоитъ въ $32\frac{3}{4}$ верстахъ отъ уѣзднаго города, и имѣютъ въ себѣ 3645 душъ обоего пола, жители богаты и зажиточны, издавна купцы и мѣщане; во владѣніи обывателей посада одной земли 2092 десятины.

торъ, вздоръ!“ и потомъ, указывая въ ту сторону, гдѣ виднѣлись ихъ старообрядческія церкви, продолжалъ:— „неужели это церковь? Это не церковь, а сѣрище вольницы; бывшіе попы ваши дезертиры, нарушители клятвы, измѣнники своихъ обязанностей. Забытъ, забытъ и не думать объ нихъ! Я вольничать вамъ не позволю! Я выстрою вамъ церковь, и прѣйду Богу молиться, и когда вы пойдете въ нее и будете со Мною молиться, тогда я и приму отъ васъ хлѣбъ—соль; слышите ли, вольничать не позволю“.

Говоря это и поднявъ руку, Государь строго грозилъ старообрядцамъ своимъ державнымъ перстомъ.

Какъ громомъ поражены были всѣ старообрядцы словами Государя и, нѣсколько времени, какъ ошеломленные, не зная, что имъ дѣлать. Старикъ Полянскій, все еще державшій въ рукахъ хлѣбъ—соль въ томъ положеніи, въ какомъ подносилъ ихъ Государю, едва пришелъ въ себя и обратившись къ исправнику спросилъ:— „Ваше высокоблагородіе! что мы теперь будемъ дѣлать?“— „Что дѣлать?—отвѣчалъ исправникъ—итти по домамъ, да и думать, что волю царскую не отложно должно исполнить!“

Въ мрачномъ уныніи разбрелись по домамъ старообрядцы, чувствуя себя подавленными тяжестью царскаго гнѣва... Бѣднаго старца Полянскаго, на пути къ дому долженъ былъ поддерживать исправникъ; у него едва двигались ноги по землѣ. Возвратившись домой, старикъ слегъ въ постель. Напрасно слобожане уговаривали его выпить чашку чаю, онъ не могъ.

На другой же день послѣ сего событія, прѣхалъ въ посадь Добрянку гражданскій губернаторъ Павель Ивановичъ Гессе, чтобы лично узнать, чѣмъ Государь былъ приведенъ въ неудовольствіе, послѣ того какъ выѣхалъ изъ Чернигова веселый и покойный.

Исправникъ, встрѣтившій губернатора, тотъ часъ же отправился къ Полянскому, и въ утѣшеніе стари-

ку говорилъ, что губернаторъ самъ непременно посѣтитъ его, при чемъ съ участіемъ спрашивалъ старика, какъ онъ провелъ ночь, покойно ли? Полянский отвѣчалъ: — „помилуй батюшка, гдѣ спать! какой тутъ сонъ! какъ только закроешь глаза, въ тужъ минуту такъ и видишь — какъ на яву; грозить тебѣ палецъ Государя, и палецъ то такой великій и страшный“.

Больной все больше и больше хирѣлъ послѣ страха царскаго и никуда уже не выходилъ со двора. Въ августѣ пріѣхалъ въ Добрянку военный генералъ губернаторъ князь Николай Андреевичъ Долгорукій. Ему приготовлена была квартира въ домѣ Полянскаго; но князь приказалъ все, что приготовлено для него, перенести въ другой домъ, за то, что Полянский и самъ не согласился и другихъ своимъ примѣромъ удерживалъ отъ согласія на принятіе законнаго священника. Это послѣднее обстоятельство, такъ подѣйствовало на семидесятилѣтняго больного старика, что онъ на другой же день умеръ.

Грозный палецъ Государя, не одному Полянскому видѣлся потомъ долго во снѣ, но и многимъ другимъ.

Неожиданное старообрядцами такое грозное и безотрадное для нихъ гнѣвное расположеніе Государя Императора вызвано было самими же старообрядцами. Съ самаго начала своего царствованія, онъ не переставалъ заботиться и принимать разныя мѣры и способы къ вразумленію ихъ и обращенію къ св. церкви. По Его Высочайшей волѣ, командируемы были Святѣйшимъ Синодомъ въ разныя мѣста миссіонеры и устроивались единовѣрческія церкви. Но когда мѣры эти мало соотвѣтствовали ожиданіямъ Государя, то онъ въ 1838 году Высочайше повелѣлъ, отобрать всѣхъ бѣглыхъ священниковъ гдѣ бѣ они ни были при церквяхъ ли, или часовняхъ у старообрядцевъ, и всѣхъ ихъ возвратитъ въ тѣ епархіи, изъ коихъ они самовольно отлучились; — церкви же ихъ закрыть и звонъ уничто-

жить.—Высочайшая воля эта со всею строгостію была исполнена (¹).

Мѣра эта оказалась весьма благотворною и полезною: что оказывается изъ слѣдующаго, а именно:—съ 1787 года со времени освященія первой единовѣрческой церкви, до половины 1838 года въ продолженіе сорока лѣтъ, устроено и освящено пятьдесятъ шесть церквей; а съ половины 1838 года по 1845-й годъ въ шесть лѣтъ устроено и освящено пятьдесятъ четыре церкви. Въ числѣ ихъ въ Черниговской губерніи одна только церковь освящена, и то въ Малиноостровскомъ мужскомъ монастырѣ при открытіи въ ономъ единовѣрія,—а въ шестнатцати посадахъ, съ населеніемъ обо-его пола мужескаго и женскаго до семидесяти тысячъ душъ, ни одной не освятилось и не устроилось церкви. Съ вѣроятностію можно положить, что это-то и было главною причиною негодованія Его величества на старообрядцевъ черниговской губерніи.

(¹) Распоряженія касательно колокольнаго звона и бѣглыхъ священниковъ были сдѣланы нѣсколько ранѣе 1838 года. Употребленіе колокольнаго звона было воспрещено распоряженіемъ отъ 31 дек. 1836 года (Истор. распоряж. по расколу Варадинова, стр. 316). Распоряженія касающіяся бѣглыхъ поповъ относятся къ 1832 и 1834 годамъ, и при томъ распоряженія эти не такъ строги, какъ представляетъ ихъ авторъ «Записокъ». Вслѣдствіе записки графа Блудова, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, было постановлено: «когда дойдетъ свѣдѣніе до правительства о вновь бѣжавшихъ попахъ, то возвращать ихъ въ епархіи, въ распоряженіе епархіальныхъ архіереевъ, и не дозволять вновь появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, а прежнихъ оставлять въ покоѣ». (Распоряж. 31 янв и 23 апр. 1832 г. см. у Варадилова, стр. 302). На воспоминанія достопочтеннаго автора имѣло вліяніе, быть можетъ, то обстоятельство, что въ 1837 году было предписано выслать изъ Стародубья въ епархію одного вновь бѣжавшаго попа, одного діакона и двухъ іеромонаховъ; но послѣднихъ не въ силу какого-нибудь новаго закона, а на томъ основаніи, что, снисходительныя права о прежде бѣжавшихъ священникахъ никогда не распространялись ни на монаховъ, ни на діаконовъ (у Варад. стр. 305). *Примѣч. редакц.*

ГЛАВА II.

Возвращеніе Императора въ Петербургъ.—Распоряженія духовнаго и гражданскаго начальства о построеніи церкви въ Добрянкѣ.—Предписаніе св. Синода преосвященному черниговскому Павлу о немедленномъ построеніи церкви по прилагаемому чертежу. — Сношеніе оберъ-прокурора св. Синода, по сему предмету съ министромъ в. дѣлъ. — Предписаніе епископу калужскому объ избраніи самаго благонадежнаго священника къ оной церкви, и отправкѣ его въ С.-Петербургъ для личнаго представленія государю и полученія отъ него изустныхъ наставленій. — Вопросы Государя Протасову.—Отвѣты на оныя Его Величеству. — Заботы графа о неявкѣ священника.—Распоряженія его на случай дальнѣйшаго замедленія его. — Я у Войцеховича; четвертаго августа у графа Протасова на дачѣ его, а пятаго, въ воскресенье, представленъ графомъ на аудіенцію Его Величества въ петергофскомъ дворцѣ, гдѣ и получилъ лично отъ Его Величества повелѣніе отправиться въ Добрянку.

По возвращеніи Его Величества, въ маѣ мѣсяцѣ, въ С. Петербургъ, сряду же и начались распоряженія объ исполненіи Высочайшей воли, объявленной въ посадѣ Добрянкѣ, какъ со стороны духовнаго высшаго начальства, такъ и гражданскаго. Въ слѣдствіе предложенія г. оберъ-прокурора Св. Синода, графа Николая Александровича Протасова, отъ 7-го іюня за № 3966, съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія объ устройствѣ для жителей посада Добрянки, черниговской епархіи, единовѣрческой деревянной церкви, Св. Правительствующій Синодъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: избравъ изъ имѣющихся въ Синодѣ образцовыхъ чертежей для построенія деревянной церкви, приказалъ препроводить одинъ изъ нихъ, — къ Черниговскому преосвященному Павлу съ тѣмъ, чтобы онъ, по сношенію съ мѣстнымъ начальствомъ, приступилъ немедленно къ сооруженію по полученному имъ чертежу деревянной церкви; — такъ чтобы она была окончена осенью тогоже года, и о распоряженіяхъ, какія имъ будутъ сдѣланы, донесъ Св. Синоду чрезъ семь дней по полученіи указа.

Господиномъ оберъ прокуроромъ св. Синода, по сему же предмету сдѣлано отношеніе отъ 19-го іюня

1845 года за № 4218-мъ съ увѣдомленіемъ о Высочайшей волѣ о построеніи церкви, для жителей Добрянки и о опредѣленіи къ оной самаго благонадежнаго священника, — къ министру внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи съ его стороны возможнаго содѣйствія къ приведенію въ исполненіе по сему предмету распоряженій и о прочемъ.

Святѣйшій правительствующій Синодъ 27/28 іюня 1845 года за № 216-й сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: — 1-е въ точное исполненіе августѣйшихъ словъ, произнесенныхъ Государемъ Императоромъ добрянскимъ старообрядцамъ при Высочайшемъ посѣщеніи ихъ посада, предписать преосвященному калужскому епископу Николаю, чтобы онъ немедленно избралъ и отправилъ въ Черниговъ, для опредѣленія къ добрянскимъ единовѣрцамъ, самаго благонадежнаго священника, какъ по опытности въ служеніи по старопечатнымъ книгамъ, такъ и по нравственнымъ качествамъ и благочестію, подъ личною строжайшею отвѣтственностію преосвященнаго предъ Его Величествомъ за сей выборъ и всѣ послѣдствія онаго.

Въ половинѣ Іюля мѣсяца угодно было Его Величеству спросить у графа Протасова; — будетъ ли готова церковь въ Добрянкѣ къ 22-му августа? „Надѣюсь, Ваше Величество, что будетъ готова“, отвѣчалъ графъ. — Затѣмъ Государь вновь спросилъ: „а скоро ли сюда пріѣдетъ священникъ изъ Калуги? и почему его и до сего времени нѣтъ?“ — „Ваше Величество, отвѣчалъ графъ. — калужскій архіерей весьма озабоченъ и затрудняется выборомъ священника, страшась за неудачный выборъ подвергнуться неминуемой и строгой отвѣтственности. Впрочемъ, ему предписано вновь Синодомъ, чтобы онъ ускорилъ неотложнымъ исполненіемъ, безъ малѣйшаго замедленія, выборомъ священника и присылкою его въ Петербургъ“.

Графъ послѣ такихъ вопросовъ Государя Императора, былъ огорченъ замедленіемъ присылки ожидаемаго изъ Калуги священника, который предварительно

въ С. Петербургѣ долженъ былъ лично быть представ-
ленъ Государю Императору, для полученія изустныхъ
наставленій.

28 іюля 1845 года, я былъ приглашенъ въ 7 ча-
су вечера къ Алексѣю Ивановичу Войцеховичу, жив-
шему тогда въ большей улицѣ Морской, и явившись
къ нему былъ принятъ имъ въ кабинетѣ весьма лас-
ково. Подали чай.—„Отъ чего это мы съ вами, отецъ
Тимоѣей, сказалъ Алексѣй Ивановичъ, до сихъ поръ не
знакомы“?

— „Думаю, отъ того, — отвѣчалъ я, что вамъ во
мнѣ не было нужды. Я также не рѣшался беспокоить
васъ, хотя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, и имѣлъ
нужду и думалъ обратиться къ вамъ“.

Г. Войцеховичъ, замѣтивъ, что съ этого времени
онъ чаще будетъ видѣться со мною, продолжалъ:

— „Вамъ конечно извѣстно, что Государь Импе-
раторъ Николай Павловичъ, путешествуя по Россіи,
нерѣдко посѣщаетъ встрѣчающіяся на пути церкви, не
исключая и единовѣрческихъ. Ему угодно было обра-
тить вниманіе на различіе въ литургіи между право-
славными церквами и единовѣрческими. Онъ пожелалъ
узнать ближе, въ чемъ состоитъ это различіе. Графъ
Николай Александровичъ, желая сдѣлать угодное Го-
сударю, приказалъ мнѣ обратиться къ Вамъ и пору-
чить, чтобы вы на поляхъ вотъ этой книжки потруди-
лись выписать изъ этого стариннаго служебника раз-
личіе въ текстѣ вездѣ, гдѣ вы найдете“. При этомъ
Алексѣй Ивановичъ подалъ мнѣ лежавшій у него подъ
рукою служебникъ литургіи Іоанна златоустаго въ ма-
ломъ форматѣ и большой старинный служебникъ Іо-
сифовской печати.

— „Мой любезный батюшка, прибавилъ онъ, — я
думаю, вы не откажетесь исполнить желаніе графа,
при томъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нельзя ли устро-
ить это дѣло если не къ завтрашнему дню, то непре-
мѣнно къ десяти часамъ понедѣльника? Вы сами и
представите свой трудъ графу на дому“.

Я съ удовольствіемъ взялся исполнить желаніе графа.

Возвратившись домой, я тотчасъ же принялся за трудъ, и продолжалъ его на другой день поутру, лишь только всталъ, сказавши домашнимъ, чтобы они, если кто-нибудь будетъ спрашивать меня, говорили, что меня нѣтъ дома. Я дѣлалъ выписки церковно-славянскими буквами, стараясь удержать въ письмѣ и форму печати стариннаго служебника. Это мнѣ удавалось весьма хорошо, только работа подвигалась впередъ въ пять разъ медленнѣе. Ровно въ 12 часовъ бойко зазвучалъ колокольчикъ у дверей, давая знать о нетерпѣннѣйшемъ посетителѣ. Когда онъ вошелъ въ переднюю, я узналъ по голосу, что это былъ Ѳеодоръ Степановичъ Яковенко. Спросивши дома ли я, онъ тотчасъ явился ко мнѣ въ кабинетъ. Первымъ словомъ его было: „что почтеннѣйшій, идетъ ли дѣло? сежъ бо Алексій Ивановичъ, прислалъ до тебе узнать какъ дѣло идетъ“. „Скажите ему, отвѣчалъ я, что трудъ мой, какъ Вы видите, идетъ успѣшно, и увѣрьте А. Ивановича, что завтра въ десять часовъ, я непременно представлю его графу“. „Сежъ бо что такое?“—сказалъ Яковенко,—„вы какъ печатаете—пишете. Прощай бо, почтеннѣйшій“. И съ этими словами онъ ушелъ отъ меня“.

Окончивъ свой трудъ, въ одиннадцать часовъ на другой день я былъ уже у графа. Графъ принялъ меня ласково, и былъ очень доволенъ исполненіемъ порученія. Печатный старинный служебникъ онъ отдалъ мнѣ, а маленькій, съ моими выписками, оставилъ у себя, долго дивясь, при этомъ, моей способности писать церковными буквами.

Черезъ недѣлю послѣ перваго моего посѣщенія, въ субботу 4-го августа, Алексій Ивановичъ прислалъ за мною курьера, чтобы я тотчасъ же явился къ нему. Я явился. Встрѣтивъ меня, Войцеховичъ спросилъ: „доставилъ ли я графу служебникъ?“

— „Да, отвѣчалъ я, доставилъ“.

— „Графъ желаетъ васъ видѣть, — сказалъ Войцеховичъ. — Поѣзжайте теперь же къ нему съ Богомъ. Онъ теперь на дачѣ, а дача его по Петергофской дорогѣ на лѣвой рукѣ, не доѣзжая Сергіевой пустыни“.

Такъ какъ было уже не рано, то А. Ивановичъ совѣтовалъ мнѣ, не теряя времени, взять карету и поспѣшить на дачу, чтобы не опоздать явиться къ графу.

Возвратившись домой и переодѣвшись, я въ то же время и отправился на дачу.

Графа не было дома; но онъ, по словамъ лакеевъ, скоро долженъ былъ возвратиться домой. Когда я вошелъ въ гостинную, человекъ показывавшій мнѣ дорогу, вышелъ, но черезъ пять минутъ опять вошелъ съ большимъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли чайникъ, сахарница и весь чайный приборъ. Ставя подносъ на столъ, онъ сказалъ мнѣ, что графъ приказалъ просить меня чаемъ. Лишь только я вынулъ чашку чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, поданную человекомъ, какъ графъ быстро вошелъ въ комнату.

— „А, вы здѣсь батюшка! сказалъ онъ. Очень радъ. Благословите“.

Мы сѣли.

Графъ зналъ, что моя первая служба была въ Малороссіи. Онъ пожелалъ узнать, какъ я попалъ туда, сколько времени жилъ тамъ, и есть ли у меня въ Малороссіи въ настоящее время кто-нибудь изъ знакомыхъ. Когда я удовлетворилъ его желанію, онъ продолжалъ спрашивать меня, какъ велико у меня семейство, и въ какомъ оно находится положеніи. „Ну, семейство ваше“, — замѣтилъ онъ, „будетъ устроено“. Отвѣчая на вопросы графа, я никакъ не могъ объяснить себѣ, къ чему все это клонится. А графъ продолжалъ говорить:

— „Да! я помню, вы просили отпечатать малый Катихизисъ? отпечатаютъ его непременно“.

Я отвѣчалъ на это, что дѣйствительно просилъ, чтобы этотъ Катихизисъ былъ отпечатанъ, и при томъ

въ типографіи св. Синода, въ видахъ пользы для св. церкви, объясняя графу, по какимъ побужденіямъ хлопоталъ я объ отпечатаніи Катихизиса въ синодальной типографіи. Книжка эта, — говорилъ я, пользуется у всѣхъ старообрядцевъ большимъ уваженіемъ, а безпоповцамъ она совершенно связываетъ уста, такъ что они ничего не въ состояніи сказать противъ изложенныхъ въ ней истинъ. Самый Катихизисъ въ сущности одно и то же съ православнымъ исповѣданіемъ: вопросы и отвѣты въ нихъ однѣ и тѣ же. Но Катихизисъ уже былъ отпечатанъ въ Москвѣ, въ то время, какъ православное исповѣданіе только что явилось въ рукописи. Это обстоятельство заставляло меня думать, не составляетъ ли православное исповѣданіе списка съ малаго Катихизиса, съ прибавленіемъ новыхъ цитатъ, которыхъ больше въ послѣднемъ, чѣмъ въ первомъ. Отпечатаніе Катихизиса съ благословенія св. Синода и въ его типографіи, по моему мнѣнію, положило бы конецъ укоризнамъ отъ старообрядцевъ на православныхъ пастырей, будто они на словахъ только дозволяютъ двуперстное крестное знаменіе, а на дѣлѣ, въ предисловіяхъ къ своимъ часовникамъ и псалтырямъ, проклиная его, и значить только обманываютъ ихъ. Но будь, говорю, отпечатанъ Катихизисъ, съ его изхожденіемъ о двуперстїи, по благословенію св. Синода, старообрядцы не имѣли бы повода ошибочно думать о православной церкви и чуждаться ея и пастырей церкви.

Графъ, выслушавъ меня, повторилъ, что Катихизисъ будетъ отпечатанъ. Потомъ, быстро перемѣнивъ разговоръ, сказалъ, что завтрашній день онъ намѣренъ представить меня лично Государю Императору въ Петергофѣ.

Это было для меня совершенно неожиданно. Первою моею мыслию было, оправдаю ли я ту цѣль, для которой графъ вздумалъ представлять меня Государю. Въ недоумѣніи я всталъ, почтительно поклонился графу, поблагодарилъ его за честь, которой онъ намѣренъ удостоить меня, и просилъ Его Сїятельство милостиво уволить меня отъ представленія. Представленіе, гово-

рилъ я, конечно имѣть непремѣнно свою цѣль; но какова бы ни была она, неизвѣстная мнѣ, цѣль, я не только не надѣюсь оправдать ея, но боюсь еще, чтобы мнѣ не испортить дѣла, по которому Его Сіятельство желаетъ представить меня Государю Императору.

Графъ всталъ и взявъ меня за руки сказалъ: „это конченное дѣло! Завтра вы должны быть представлены Государю непремѣнно“.

Я рѣшился спросить графа, что я буду отвѣчать на вопросы, которые Государю будетъ угодно сдѣлать мнѣ?

Графъ на это сказалъ: „каковъ бы ни былъ вопросъ Государя, вы должны отвѣчать, какъ знаете, но остерегаться полуотвѣтовъ, которыхъ Государь терпѣть не можетъ. Если не знаете, что отвѣчать на иной вопросъ, такъ и говорите ему, что не знаете. Государь хочетъ говорить съ вами о раскольникахъ. Не коснется ли разговоръ поминовенія Высочайшей фамиліи на литургіи? Это вопросъ, который часто затрудняетъ насъ въ Синодѣ. Одни изъ единовѣрцевъ произносятъ на литургіи Высочайшую фамилію по общей формѣ, а другіе отказываются отъ нея. Если случится Вамъ говорить объ этомъ съ Государемъ, постарайтесь припомнить, что онъ скажетъ объ этомъ“.

Затѣмъ графъ спросилъ у меня, привезъ ли я съ собою старинный служебникъ, изъ котораго дѣлалъ выписки. Когда я отвѣчалъ, что его со мною нѣтъ, графъ, пожавъ плечами, сказалъ: „а какъ Государь спроситъ его? Впрочемъ, я сейчасъ же пошлю за нимъ курьера: вѣдь ваша супруга знаетъ, гдѣ онъ у васъ лежитъ“? Какъ было знать моей женѣ, гдѣ лежитъ служебникъ, когда его не было у меня въ домѣ. Послѣ перваго свиданія съ графомъ я зашелъ прямо отъ него въ чайный магазинъ къ Козьмѣ Егоровичу Вялову. Со мною былъ и служебникъ. Напившись чаю, я пошелъ домой, а служебникъ забылъ въ лавкѣ. Съ того времени онъ и въ голову мнѣ не приходилъ. Поэтому я долженъ былъ отвѣчать графу, что едвали домашніе отыщутъ его.

— „А попытаемся, сказалъ графъ, авось отыщутъ. А вамъ пора и отправляться въ Петергофъ... Но гдѣ же вы тамъ сегодня ночуете“? Попросивъ графа не беспокоиться о моемъ ночлегѣ, я однакоже нашелъ нужнымъ спросить его, не позволитъ ли онъ мнѣ остановиться у Ивана Васильевича Рождественскаго ⁽¹⁾?

— „И прекрасно! сказалъ графъ. Рождественскій и мнѣ пріятель“. А завтра, въ десять часовъ утра, въ Петергофѣ найдите министерскій домъ и ожидайте меня въ моей квартирѣ № 10.

Простившись съ графомъ Протасовымъ и пріѣхавъ въ Петергофъ, я отыскалъ Рождественскаго и рассказалъ ему: по какому поводу явился въ Петергофъ. — „Это не шутка говорить съ Николаемъ Павловичемъ“, сказалъ Рождественскій. На-ка тебѣ Библію, да прочитай завтрашній апостолъ и евангеліе.... Да зачѣмъ же графъ представляетъ тебя? Долженъ же онъ сказать тебѣ это и приготовить тебя“. Я отвѣтилъ, что самъ графъ только догадывается, что дѣло идетъ о раскольникахъ.

На другой день, это было 5-го августа 1845 года, поутру, въ восемь часовъ, я всталъ и, простившись съ хозяевами, отправился во дворецъ.

ГЛАВА III.

Петергофскій царскій дворецъ. — Пріемное зало. — Представленіе мое министру вн. дѣлъ графу Перовскому. — Разговоръ съ нимъ о различіи поповщины отъ безпоповщины. — Представленіе министру Гос. Им. графу Киселеву. — Кабинетъ Государя Николая Павловича въ петергофскомъ дворцѣ. — Личное объясненіе мое съ Государемъ въ кабинетѣ его о старообрядцахъ. — Присутствіе при этомъ Государя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Императора. — Объясненіе Государю отличія обѣдн единовѣрческой отъ православной. — Взглядъ Императора Николая Павловича на коповодовъ раскольниковъ. — Мое возвращеніе изъ Петергофа.

Августа 5-го, въ исходѣ десятаго часа, я былъ уже въ квартирѣ графа Протасова и ожидать его, какъ

⁽¹⁾ Протоіерей, нынѣ членъ св. Синода.

мнѣ было приказано. Не прошло и двадцати минутъ, какъ графъ вбѣжалъ въ залъ, держа въ рукахъ служебникъ. Замѣтивъ, что я съ удивленіемъ смотрю на книгу, онъ сказалъ, улыбаясь: — „вотъ и книгу нашли“!

Послѣ я узналъ, что графъ, разставшись со мною, послалъ человека къ Войцеховичу съ приказаніемъ отыскать у меня на дому служебникъ и доставить къ нему на дачу. Войцеховичъ въ ту же минуту послалъ ко мнѣ на домъ курьера, и запретилъ ему возвращаться назадъ съ пустыми руками. Курьеръ настоятельно требовалъ отъ моихъ домашнихъ служебника. Жена искала его до самого утра и не могла найти, а курьеръ знать ничего не хочетъ; стоитъ себѣ, да и только. Наконецъ, женѣ пришло въ голову, не оставилъ ли я когда нибудь этой книги въ лавкѣ Вялова; она знала, что я у него часто бываю. Курьеръ посланъ былъ съ человекомъ въ лавку, и книга была найдена.

Графъ посадилъ меня съ собою на софу. Поговоривъ нѣсколько о разностяхъ въ литургіи у православной русской церкви съ греческою, онъ послалъ своего камердинера узнать, гдѣ будетъ слушать обѣдню Государь Императоръ, въ большой или малой дворцовой церкви? Камердинеръ возвратился съ отвѣтомъ, что Государь будетъ молиться въ большой церкви. Графъ началъ одѣваться. Окончивъ свой туалетъ, онъ простился со мною, сказавъ мнѣ при выходѣ, чтобы я въ одиннадцать часовъ ровно былъ у главнаго дворцоваго подъѣзда и сказалъ швейцару, что я пришелъ отъ графа Протасова.

Я такъ и сдѣлалъ. Меня допустили во дворецъ и ввели въ столовый залъ, въ которомъ былъ накрытъ уже завтракъ. Окна столоваго зала выходили къ фонтану Сампсона и другимъ фонтанамъ, разбросаннымъ по петергофскому саду. Я отъ нечего дѣлать любовался великолѣпнымъ видомъ воды, которая била на различную высоту, отражая въ себѣ тысячи солнечныхъ лучей. Не успѣлъ я довольно насмотрѣться, какъ графъ вошелъ въ залъ и взявъ меня за плечо сзади сказалъ:

„А! вы уже здѣсь. Это хорошо! Что вы тутъ стоите? Можетъ быть намъ придется ждать не менѣе часа своей очереди идти въ кабинетъ Государя. Стоя на ногахъ вы можете утомиться, а мнѣ хочется, чтобы вы были свѣжи въ лицѣ. Садитесь-ко вотъ здѣсь, на стулъ“. Съ этими словами графъ оставилъ меня.

Не прошло и пяти минутъ, какъ графъ возвратился ко мнѣ съ какимъ-то генераломъ. Подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій пожелалъ лично видѣть васъ, батюшка, и познакомиться съ вами“.

Я благодарилъ и того и другаго за вниманіе и честь, которыхъ они меня удостоивали. Графъ Перовскій спросилъ у меня о моей родинѣ Малороссіи и о слобожанахъ старообрядцахъ. На всѣ вопросы я старался отвѣчать удовлетворительно. Графъ Перовскій слушалъ очень внимательно и спросилъ меня: „есть ли какая нибудь разница между такъ называемой безпоповщиной и поповщиной“?

Я отвѣчалъ утвердительно и объяснилъ, въ чемъ состоитъ различіе между этими вѣтвями раскола.

Графъ Протасовъ, обращаясь къ Перовскому, замѣтилъ при этомъ, что напрасно послѣ этого многіе не хотятъ видѣть никакого различія между безпоповщиною и поповщиною.

Только что ушелъ отъ меня Перовскій, смотрю: графъ Протасовъ идетъ ко мнѣ съ какимъ-то новымъ господиномъ. Указывая на него онъ сказалъ мнѣ: „графъ Киселевъ желаетъ видѣть васъ, батюшка“.

Я поклонился. Киселевъ сказалъ мнѣ, что я, согласно волѣ Государя, отправляюсь въ Малороссію къ старообрядцамъ, и что онъ желаетъ мнѣ успѣха въ исполненіи Высочайшаго порученія. Я благодарилъ.

Черезъ полчаса послѣ этого, снова вошелъ въ столовый залъ графъ Протасовъ и на этотъ разъ уже одинъ.—„И до насъ дошла очередь быть въ кабинетѣ Государя“,—сказалъ онъ и пригласилъ меня идти за собою.

Я спросилъ у графа: „Что мнѣ дѣлать, когда я войду въ кабинетъ, и какъ поклониться Государю?“

Графъ отвѣчалъ: „поклониться нужно также, какъ и всѣмъ кланяются“.

Мы прошли два довольно большихъ зала и остановились въ комнатѣ передъ царскимъ кабинетомъ. У дверей стоялъ часовой. Графъ, указывая на отворившуюся передо мною дверь въ кабинетъ, сказалъ, чтобы я не робѣя вошелъ, а самъ остался въ залѣ.

Я вошелъ въ кабинетъ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ стоялъ спиной къ столу, а лицомъ къ двери. На правой сторонѣ отъ двери, у книжнаго шкафа, стоялъ Государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ ⁽¹⁾. Только что я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, какъ Государь, оставивъ мѣсто, на которомъ стоялъ, подошелъ ко мнѣ, и сказалъ: „графъ Протасовъ такъ хорошо отзывался о тебѣ. Я хочу самъ посмотрѣть тебя; иди за мной“!

Государь остановился по правую сторону стола, лѣвымъ бокомъ къ окну. Я долженъ былъ встать предъ лицомъ Его Величества правымъ бокомъ къ окну.

Прежде всего Онъ спросилъ меня: давно ли я служу въ Петербургѣ при единовѣрческой церкви?

— Съ 5-го августа 1827 года, — отвѣчалъ я.

— А прежде гдѣ были?

— Въ Малороссіи, черниговской губерніи, въ стародубскихъ слободахъ.

— Да тамъ въ слободахъ живутъ все раскольники?

— Такъ точно, говорю, Ваше Величество, но въ четырехъ слободахъ есть единовѣрческія церкви, хотя и съ небольшимъ числомъ прихожанъ, а въ Радулѣ почти всѣ слобожане ходятъ въ единовѣрческую церковь.

⁽¹⁾ Нынѣ царствующій Государь Императоръ.

— Ты и родился въ черниговской губерніи?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество.

— А гдѣ ты родился?

— Я родился въ костромской губерніи.

— А какъ же ты жить, говоришь, въ черниговской губерніи?

— Государь! отвѣчалъ я. Отецъ мой былъ сельскій священникъ костромской губерніи. Увлеченный примѣромъ двухъ свояковъ своихъ, священника и дьякона, ушедшихъ къ раскольникамъ, онъ также со всѣмъ своимъ семействомъ, бѣжалъ въ 1815 году отъ своего прихода и поселился въ черниговской слободѣ Клинкахъ между раскольниками.

— А ты былъ тамъ священникомъ?

— Точно такъ, Государь! Богу угодно было, чтобы я не оставался въ расколѣ. По смерти моихъ родителей, онъ призвалъ меня, по своему милосердію, къ святой церкви своей, и я былъ рукоположенъ во священника въ единовѣрческій женскій монастырь, той же губерніи, устроенный въ 1817 году.

— Ты и тамъ былъ единовѣрческимъ священникомъ, и здѣсь служишь также у единовѣрцевъ. Скажи же мнѣ: отчего у единовѣрцевъ обѣдня идетъ дольше, чѣмъ въ православныхъ церквахъ?

— У единовѣрцевъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я, въ началѣ обѣдни читають три часа, а въ православной церкви два, при томъ у первыхъ медленнѣе, а во второй скорѣе. Далѣе, послѣ первой великой эктеніи „миромъ Господу помолимся“ въ православной церкви одна за другою слѣдуютъ двѣ малыя эктеніи, а у единовѣрцевъ поють на оба клироса по стихамъ положенныя между эктеніями антифоны изъ псалмовъ. Также, въ концѣ обѣдни, священникъ въ единовѣрческихъ церквахъ раздаетъ народу антидоръ всѣмъ—и мужчинамъ и женщинамъ, сколько бы ни было ихъ въ церкви, въ православныхъ же церквахъ этого нѣтъ.

— А что же въ это время дѣлають въ церкви? спросилъ быстро Государь.

— Поютъ, Ваше Величество, псаломъ: *Благословлю Господа на всяко время*, на оба клироса, по стихамъ.

— А какимъ напѣвомъ? спросилъ Императоръ, и запѣлъ самъ, удачно подражая напѣву, какой употребляется у единовѣрцевъ. — Не такимъ ли напѣвомъ? спросилъ онъ.

— Совершенно, говорю, такъ, Ваше Величество. Меня крайне удивило знаніе Государево напѣва старообрядческаго до такой степени, что онъ пѣлъ самъ точно бывалъ на клиросѣ старообрядческомъ. Государь Наслѣдникъ, бывшій въ кабинетѣ, какъ вошелъ я, тотчасъ же вышелъ изъ кабинета и я остался одинъ съ Государемъ и пересталъ робѣть предъ нимъ и съ каждымъ новымъ отвѣтомъ дѣлался смѣлѣе и смѣлѣе. Отвѣты мои были удачны, это меня ободрило.

— А что, я хочу взять въ Добрянку своихъ пѣвчихъ, сказалъ Государь Николай Павловичъ, могутъ ли они пѣть со старообрядцами?

— Не могутъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я.

— А это почему?

— Потому, Государь, что у старообрядцевъ древній столповой напѣвъ съ прононсомъ греческаго тона.

Государь усмѣхнулся и сказалъ: ты хочешь сказать, они поютъ въ носъ?

— Да, Ваше Величество! отвѣчалъ я. Старообрядцы носовой напѣвъ считаютъ немалымъ украшеніемъ своего церковнаго пѣнія, признакомъ его древности. У нихъ и самые нотные знаки другіе, чѣмъ принятые въ православной церкви: они не походятъ ни на обыкновенныя, ни на партесныя ноты, и старообрядцы дорожатъ ими, приписывая изобрѣтеніе ихъ св. Іоанну Дамаскину, пѣснопѣвцу греческой церкви.

— Да правда ли это? спросилъ Императоръ.

— Не знаю, Ваше Величество, отвѣчалъ я. Ученые объ этомъ не спорили, а только еще начинаютъ споръ. Знаю только, что нотные знаки, принятые старообрядцами, были употребляемы въ Россіи съ глубокой древности.

— Ну, а по пропѣтїи псалма и по раздачѣ антидора, чѣмъ оканчивается служба? — возобновилъ Государь прерванный разговоръ.

— Призываніемъ благословенія Божія на всѣхъ присутствующихъ, отвѣчалъ я; при чемъ священникъ самымъ дѣломъ преподаетъ народу благословеніе рукою. Затѣмъ слѣдуетъ отпустъ съ крестомъ. Священникъ осѣняетъ крестомъ cadaго богомольца порознь и даетъ ему цѣловать крестъ. На это также требуется не мало времени. Всѣ эти особенности единовѣрческой службы отъ службы православныхъ церквей, взятая вмѣстѣ, значительно удлиняютъ богослуженіе единовѣрцевъ.

Государь спросилъ, нѣтъ ли какого различія въ службѣ у самихъ единовѣрцевъ, или они во всемъ согласны между собою?

— Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я, и единовѣрцы не пользуются этимъ счастьемъ. И между ними есть много взаимныхъ претензій, да разногласій, которыя хотя и не важны сами по себѣ, однакоже разъединяютъ единовѣрцевъ между собою. Одни изъ присоединившихся къ единовѣрію весьма большіе защитники православія, такъ что, если бы не мѣшало имъ двуперстное сложеніе и произвольныя опущенія противъ устава въ богослуженіи православныхъ церквей, то, нѣтъ сомнѣнія, они присоединились бы не къ единовѣрію, но безусловно къ православію. Другіе изъ единовѣрцевъ сильно стоятъ за старину. Они никакъ не могутъ согласиться съ тѣмъ, что не будутъ въ отвѣтъ передъ Богомъ за общеніе съ трехперстно молящимися, брадобривцами, табачниками. Они не въ состояніи смотрѣть безразлично на этихъ людей, избѣгаютъ общенія съ ними въ общежитіи, а молиться съ ними вмѣстѣ считаютъ непростительнымъ грѣхомъ. Сильно соблазняетъ ихъ и принятая въ православныхъ церквахъ иконная живопись, въ итальянскомъ вкусѣ. О церкви, въ которой замѣтно преобладаніе итальянскаго вкуса на иконахъ, они обыкновенно говорятъ:

церковь-то больно хороша, да помолиться въ ней не-
чему! Изъ этого класса единовѣрцевъ встрѣчаются и
такіе ревнители старины, которые отказываются хо-
дить даже въ свои единовѣрческія церкви, если въ ко-
торой-нибудь изъ нихъ на великомъ входѣ произно-
сится августѣйшая фамилія Вашего Императорскаго
Величества по разсылаемой отъ св. Синода формѣ. Они
не отказываются и согласны молиться за августѣйшій
домъ, слушаютъ поминаеніе Высочайшей фамиліи на
великой и сугубой эктеніи и молятся при этомъ усерд-
но, безъ всякихъ отговорокъ, но на великомъ входѣ,
по ихъ мнѣнію, не должно быть подобнаго поминае-
нія, потому что оно не положено въ старинныхъ пат-
ріаршихъ служебникахъ. Поэтому и здѣсь въ Петер-
бургѣ въ нѣкоторыхъ единовѣрческихъ церквахъ сино-
дальная форма не принята.

— И безъ нихъ за меня есть кому молиться! ска-
залъ отрывочно Государь. Жаль, что все изъ-за мело-
чей идетъ такой непріятный раздоръ, а народъ-то вѣдь
старообрядцы хорошій и исправный! Жаль, что духо-
венство православное совершенно бросило ихъ и не
хочетъ заняться ими, какъ бы слѣдовало по обязан-
ности и пастырскому долгу.. Гражданское начальство
находитъ свои выгоды въ существованіи раскола, тѣмъ
болѣе, что во главѣ невѣжественной толпы раскольни-
ковъ стоятъ ихъ богачи, которые командуютъ массой,
какъ хотятъ, и пользуются отъ нея слѣпымъ повинове-
ніемъ. Чтобы съ пользою дѣйствовать на расколъ долж-
но неослабно, и всѣми возможными средствами, дѣйст-
вовать на богачей раскольниковъ. Если найдутся меж-
ду ними упорные, противъ такихъ можно употребить
свои мѣры: вѣдь больной зубъ выдергиваютъ же вонъ.—
Я отправляю тебя въ Добрянку. Тамъ строится цер-
ковь, ты долженъ присмотрѣть за ея устройствомъ, что-
бы раскольники не имѣли чѣмъ укорить за нее. Ты
освятишь её къ моему пріѣзду. Съ Богомъ, до свиданія
въ Добрянкѣ!

Государь подалъ мнѣ руку, я поцѣловалъ еѣ и, поклонившись, пошелъ къ двери. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ Государь сказалъ мнѣ въ слѣдъ: желаю тебѣ счастливаго пути!

Я обратился и поклонился ему еще разъ.

Когда я уже совсѣмъ выходилъ изъ кабинета, Государь сказалъ громко, такъ что его голосъ слышали графъ Протасовъ и всѣ бывшіе въ залѣ предъ кабинетомъ Государя: поѣзжай съ Богомъ!

Графъ Протасовъ взялъ меня крѣпко за руки и сказалъ, видимо съ большимъ чувствомъ: слава Богу!

Онъ приказалъ мнѣ отправиться въ домъ Министерства и тамъ ожидать его въ номерѣ.

Черезъ часъ онъ явился ко мнѣ и сказалъ:

— Слава Богу! Государь весьма доволенъ тобой. Спасибо тебѣ. Я очень радъ, весьма радъ, что ты не поддался робости!

— Ваше Сіятельство! отвѣчалъ я. Я не только не робѣлъ, но чувствовалъ величайшее удовольствіе отъ того, что Господь удостоилъ меня быть въ кабинетѣ у Государя и говорить съ нимъ, особливо по такому вопросу, какъ старообрядчество...

— И прекрасно! замѣтилъ графъ, и приказалъ подать чаю. При этомъ графъ пожелалъ узнать, что говорилъ со мною Государь. Я пересказалъ ему отъ слова до слова весь разговоръ съ Его Величествомъ.

— Спасибо, очень благодарю! сказалъ графъ, и велѣлъ мнѣ возвратиться въ Петербургъ, гдѣ ѣхать прямо къ А. И. Войцеховичу.

— Въ половинѣ шестаго часа вечеромъ тогоже дня я былъ уже у Войцеховича. Алексѣй Ивановичъ засыпалъ меня вопросами о томъ, что со мною было. Отвѣчая на его вопросы, я посматривалъ на часы. Было уже шесть часовъ. На другой день у меня въ церкви былъ главный храмовой праздникъ Преображенія Господня, поэтому я просилъ Алексѣя Ивановича уволить меня отъ дальнѣйшей бесѣды. Онъ отпустилъ меня съ условіемъ, чтобы я на другой день послѣ обѣдни, часу

въ двѣнадцатомъ, непременно былъ у него. Отъ Войцеховича я пріѣхалъ прямо въ церковь, къ началу все-нощной. Пятое августа 1845 года, совпадающее съ днемъ полученія мною въ 1827 году указа объ опредѣленіи меня къ Никольской церкви, останется незабвеннымъ днемъ въ моей жизни.

Въ этотъ день я непреложно узналъ, что русскій Царь скорбитъ душою о старообрядцахъ и ихъ заблужденіи, но считаетъ ихъ своими подданными, какъ и всѣхъ, желая обратить ихъ на путь истины и порядка... Дума царева среди великихъ вопросовъ сложнаго управленія 62 милліоннымъ царствомъ, видимо, занята была и старообрядцами не менѣе, чѣмъ другими великими вопросами... И горько стало мнѣ за заблудшихъ, и благоговѣніе къ Царю, какъ отцу, огорченному нѣкоторыми изъ своенравныхъ дѣтей своихъ, возрасло во мнѣ, съ этой минуты, сильнѣе прежняго.. Желаніе оправдать довѣріе и надежды Государя сдѣлалось во мнѣ самымъ искреннимъ и первымъ изъ всѣхъ въ жизни желаніемъ.

ГЛАВА IV.

Первыя вольности стародубскихъ слободъ. — Начало единовѣрія въ посадахъ. — Протоіерей Андрей Іоанновъ. — Инокъ Никодимъ, прошеніе его князю Потемкину, о дарованіи имъ хорепископа. — Ревностныя о семъ хлопоты Потемкина и Румянцева графа. — Перемена обстоятельствъ. — Смерть старца Никодима. — Дѣло о епископѣ поступило къ московскому митрополиту Платону. — При производствѣ его не было и рѣчи о епископѣ. — Платоновы правила о единовѣріи, утвержденіе ихъ Императоромъ Павломъ. — Разнорѣчіе и несогласіе старообрядцевъ съ мнѣніемъ митрополита Платона. — Потеря инициативы, принадлежащей Румянцову, о епископѣ. — Неудовлетвореніе ожиданій какъ той, такъ и другой стороны. — Медленность калужскаго епископа въ избраніи священника въ Добрянку. — Докладъ графа Протасова Государю, 4 августа 1845 года. — Высочайшая резолюція. — Осмотръ иконостаса, приготавливавшагося для добрянской церкви въ Петербургѣ. — Мой отъѣздъ изъ С.-Петербурга въ Малороссію.

Непривѣтливость старообрядческихъ слобожанъ была мнѣ хорошо извѣстна съ того времени, какъ я еще жилъ среди нихъ. Населенныя російскими бѣгле-

цами со временъ царствованія благочестивыхъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, и соцарствовавшей имъ Софіи Алексѣевны, слободы эти сохранили въ себѣ духъ вольности и своенравія. Долго не было никакого молитвеннаго особаго храма, ни пастыря духовнаго, и жили они, ничего не зная, и ни о чемъ не помышляя. Ежели у кого былъ новорожденный младенецъ, то счастіе его, если прилучался какой-нибудь вѣтковскій попъ, или монахъ; а то младенецъ долгое время некрещенымъ оставался. Чаше же всего исправляли это дѣло домашніе старики, или бабки. Въ праздники и воскресные дни, если они съ усердіемъ съ семействами своими помолятся Богу дома, то и довольствовались симъ. — А въ послѣдствіи уже устроились у нихъ въ поселеніяхъ общественныя часовни; а затѣмъ и церкви.

Когда Вѣтка была еще въ славѣ, тогда російскіе суетвѣры цѣлыми семьями убѣгали туда на жительство, но не зная чрезъ глухіе лѣса за границу дороги, попадали въ стародубовщину. Тамъ просили слобожанъ быть имъ проводниками, которые водили ихъ по кривымъ дорогамъ мимо заставъ, и случалось что до означеннаго мѣста не всѣхъ доводили, но на дорогѣ, въ помянутыхъ лѣсахъ безжалостно и нерѣдко убивали, а бывшее при нихъ имѣніе забирали въ свои руки...

Въ концѣ XVIII вѣка въ слободахъ этихъ явилось единовѣріе и извѣстный протоіерей петербургскій Андрей Іоанновъ, исполняя также Высочайшую волю, какъ и мнѣ приходилось, много потрудился тогда въ этомъ добромъ дѣлѣ, но успѣхи единовѣрія были слабы. Старообрядцы считали тогда себя обманутыми... Имъ не дали особаго старообрядческаго епископа, какъ они желали, и какъ имъ обѣщали сначала. Въ 1783 году извѣстный старецъ Никодимъ подалъ прошеніе ⁽¹⁾

(1) Прошеніе это напечатано въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» 1860 г. № 4.

всесильному тогда князю Потемкину—таврическому о дарованіи старообрядцамъ законнаго, благословеннаго священства, во главѣ коею д. быть поставленъ отдѣльный хорепископъ, и исторія эта была доселѣ свѣжа въ памяти жителей посадовъ. Румянцевъ и Потемкинъ усердно хлопотали, чтобы сдѣлано было все согласно данному ими обѣщанію ⁽¹⁾... Но измѣнились обстоятельства.

Никодимъ въ маѣ 1784 года умеръ. Дѣло затянулось. Затѣмъ одинъ за другимъ умерли и Потемкинъ и Румянцевъ. Скончалась и Екатерина. Митрополитъ Гавріилъ былъ въ немилости у Павла 1-го, дѣло пе-

⁽¹⁾ Что Румянцевъ и Потемкинъ хлопотали о дарованіи старообрядцамъ законнаго священства вообще, что Потемкинъ *предъ старообрядцами* высказывался положительно и въ пользу отдѣльнаго старообрядческаго епископа,—это не подлежитъ сомнѣнію, но чтобы онъ и Румянцовъ хлопотали объ этомъ послѣднемъ пунктѣ предъ правительствомъ—въ этомъ можно очень сомнѣваться. Дѣло въ томъ, что Потемкинъ едва ли раздѣлялъ мысль о возможности устройства отдѣльнаго старообрядческаго епископства. Въ прошеніи Никодима, напечатанномъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и др.» за 1860 г. сказано, что противъ 3 пункта, въ которомъ излагается просьба о хорепископѣ, рукою Потемкина помѣчено: *епископы сельскіе сиречь хоръ-епископы, отмѣнены соборами*, а противъ 6 п. въ коемъ излагаются обязанности хорепископа помѣчено: *сею дозволить невозможно, потому что такой архіерей будетъ какъ патріархъ вселенскій*. Причины же неуспѣха единовѣрія въ стародубскихъ слободахъ и малоуспѣшности миссіи прот. Андрея Іоаннова обстоятельно разъяснены въ прекрасной статьѣ священника Н. И. Верховскаго, подъ названіемъ «Согласные и несогласные», напечатанной въ журналѣ «Странникъ» и отдѣльною брошюрою. Главною изъ этихъ причинъ, по справедливости слѣдуетъ признать проэктъ Потемкина о переселеніи стародубскихъ старообрядцевъ въ новороссійскій край; вслѣдствіе этого проэкта нежелавшіе переселяться старообрядцы очень долго не могли получить обѣщаннаго имъ благословеннаго священства, должны были оставаться безъ совершенія таинъ, и сверхъ того терпѣть насмѣшки отъ несогласныхъ. Такъ понимали дѣло и сами старообрядцы. Въ 1787 году «согласники» писали С.-Петербургскому митрополиту Гавріилу. «Мы церкви рачители, скажемъ: въ пятьдесятъ бы кратъ было приращеніе, ежели бы вскорѣ дано было благословенное священство, а нынѣ ни подъ какимъ видомъ уже церкви приращенія столько не будетъ» («Согласные и несогласные» отд. брош. стр. 14).
Прим. Ред.

редали учителю этого Императора, московскому митрополиту Платону. Оно продолжалось, но объ особенномъ архіереѣ для старообрядцевъ, о просимомъ ими хорепископѣ, не было и рѣчи... Составлены были Платономъ и въ октябрѣ 1800 года утверждены Павломъ I „правила единовѣрія“⁽¹⁾. О хорепископѣ пройдено молчаніемъ и, сверхъ того, Платонъ не согласился простить бѣглыхъ поповъ, бывшихъ у старообрядцевъ. „Прежнихъ ихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей сана своего, къ таковой (единовѣрческой) церкви не допускать“, написалъ онъ на второй пунктъ просьбы старообрядцевъ, желавшихъ оставить у себя бывшихъ у нихъ священниковъ, къ которымъ они привыкли, и которымъ вручали свою совѣсть. Такимъ образомъ мѣра, инициатива которой принадлежитъ Румянцеву—Задунайскому, не состоялась вполнѣ, и потому не были удовлетворены ожиданія ни той, ни другой стороны...

Когда благоутодно было Его Императорскому Величеству, въ маѣ мѣсяцѣ 1845 года, обратить на стародубскихъ старообрядцевъ особенное свое царское вниманіе; то быстро слѣдовали одно за другимъ по сему предмету, какъ отъ высшаго начальства духовнаго, такъ и гражданскаго, распоряженія къ исполненію сей державной воли.—Между прочимъ по одному

⁽¹⁾ Основаніемъ для правилъ м. Платона было прошеніе московскихъ старообрядцевъ, довольно обстоятельно обозначившихъ условія церковнаго единенія, тогда какъ прежде эти условія не были подробно выяснены. Большая часть этихъ условій были приняты, нѣкоторыя измѣнены, иныя же отклонены. О самостоятельномъ епископѣ старообрядческомъ не было рѣчи не только въ прошеніи московскихъ старообрядцевъ, но и въ предшествовавшихъ прошеніяхъ старообрядцевъ, послѣ Никодима. Церковная власть справедливо смотрѣла и смотритъ на вопросъ объ отдѣльномъ старообрядческомъ епископѣ, какъ на такой, положительное рѣшеніе коего сопряжено съ большими затрудненіями съ точки зрѣнія церковныхъ каноновъ, и при томъ едва ли полезно съ точки зрѣнія церковнаго единенія. Мысль эта раздѣляется лучшими представителями и современнаго единовѣрія. См. бес. Москов. единов. Ник. монаст. игумена Павла; Душ. Чтен. 1872 г. сент. *Примѣч. Редакц.*

изъ таковыхъ распоряженій г-нъ оберъ-прокуроръ св. Синода, не получая отъ епископа калужскаго объ избраніи имъ для добрянскихъ старообрядцевъ священника увѣдомленія, вошелъ къ Государю Николаю Павловичу 4-го августа съ особымъ докладомъ о томъ, что такъ какъ нѣтъ еще отъ преосвященнаго калужскаго увѣдомленія объ избраніи имъ для добрянскихъ единовѣрцевъ постоянного священника, то представляется необходимымъ, впредь до назначенія такового, отправить туда временно извѣстнаго уже по своей опытности единовѣрческаго священнослужителя, который бы могъ совершенно удовлетворительно открыть тамъ единовѣрческое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ въ Высочайшемъ присутствіи. На сей конецъ, докладывалъ Протасовъ въ началѣ августа мѣсяца, „не соизволите ли Ваше Императорское Величество повелѣть, чтобы представленъ былъ лично на Высочайшее усмотрѣніе находящійся въ С.-Петербургѣ при единовѣрческой церкви священникъ Верховскій, заслужившій отличное одобреніе духовнаго начальства по его способностямъ и поведенію и пріобрѣтшій съ тѣмъ вмѣстѣ особенное довѣріе какъ у с.-петербургскихъ единовѣрцевъ, такъ и у жителей клинцовской и другихъ слободъ въ окрестностяхъ Добрянки, гдѣ онъ прежде нѣсколько лѣтъ находился. Ему могло бы поручено быть и предварительное приготовленіе добрянскихъ единовѣрцевъ къ принятію и водворенію у нихъ какъ назначеннаго уже туда, такъ и вновь могущихъ потребоваться правильныхъ священниковъ по мѣрѣ распространенія тамъ единовѣрія, причѣмъ, я полагаю бы нынѣ же командировать въ черниговскую епархію управляющаго канцеляріею святѣйшаго Синода д. ст. сов. Войцеховича съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ тамошнимъ преосвященнымъ вошелъ въ подробнѣйшія соображенія всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя представляются нужными къ прочному благоустройству единовѣрческихъ приходовъ какъ въ пос. Добрянкѣ, такъ и въ окрестныхъ селеніяхъ при благопріятныхъ началахъ,

положенныхъ уже тамъ къ распространенію едино-
вѣрія“.

„Если Вашему Императорскому Величеству, оканчивалъ докладъ свой графъ Протасовъ, благоугодно будетъ утвердить сіе предположеніе, то осмѣливаюсь съ симъ вмѣстѣ испрашивать Высочайшаго повелѣнія, гдѣ и въ какое время долженъ быть представленъ Вашему Величеству священникъ Верховскій“?

Прочитавъ докладъ графа Протасова, Государь Николай Павловичъ собственноручно написалъ карандашомъ на докладѣ: „завтра послѣ обѣдни“.

Такимъ образомъ миссіонерскій жребій палъ на меня и 5 августа я, какъ описано было выше, предсталъ предъ Государя въ его кабинетѣ, во дворцѣ Петергофскомъ. Все въ этомъ случаѣ было для меня неожиданно, и Высочайшее миссіонерское посольство застало меня въ распlohъ. Но дѣлать было нечего; положившись на помощь Божію, нужно было готовиться къ отъѣзду. А. И. Войцеховичъ торопилъ этимъ отъѣздомъ болѣе другихъ.

Августа 6 послѣ обѣдни онъ, торопя меня отъѣздомъ, предложилъ напередъ съѣздить съ нимъ осмотрѣть иконостасъ, который приготавлился для вновь устрояемой церкви въ Добрянкѣ. Иконостасъ не былъ еще готовъ вполнѣ. Престоль, жертвенникъ, аналой были уже готовы; они были складные, для удобства при укладкѣ ихъ въ дорогу. Осмотрѣвъ иконостасъ, мы поѣхали къ иконописцу, который приготавлиалъ для него иконы. Работа заказана ему была недавно, и по времени она шла скоро. Иконописецъ обѣщалъ поспѣшить окончаніемъ работы, увѣряя насъ, что изъ за него мастера его и ночей не знаютъ...

На слѣдующій день, во вторникъ, въ десять часовъ утра, я былъ опять у Войцеховича. Алексѣй Ивановичъ, встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Знаете ли, почтеннѣйшій и любезнѣйшій о. Тимоѣй, съ пятаго августа вы теперь состоите у насъ лицомъ административнымъ! Постарайтесь оправдать

возложенное на васъ самимъ Государемъ лично порученіе. Государю вы понравились, графъ расположенъ къ вамъ. Онъ сказалъ, что радъ имѣть у себя изъ духовныхъ такого человѣка, котораго можно употребить въ дѣло тамъ, гдѣ по неволѣ иногда употребляется свѣтское лице. Теперь поѣзжайте къ графу; онъ ждетъ васъ у себя. А завтра, какъ хотите, вамъ непременно нужно выѣзжать въ дорогу; иначе я, пожалуй, осрамлю васъ, если прежде васъ пріѣду въ слободы. Вы остановитесь въ Добрянкѣ, осмотрите какъ тамъ идетъ постройка: туда уже посланъ Викторъ Владиміровичъ Юзефовичъ ⁽¹⁾ для наблюденія за нею.

Въ это время возвратился чиновникъ съ подорожною.

Войцеховичъ прочиталъ её, и, подавая мнѣ, сказалъ:

— По этой подорожной вы не будете имѣть ни малѣйшей задержки на станціяхъ; прогоны и деньги на подъѣмъ завтра, въ десять часовъ утра, привезутъ къ вамъ на квартиру. Съ Богомъ, прощайте, до свиданія въ Черниговѣ! желаю вамъ добраго пути, а больше всего хорошаго здоровья.

Мы обнялись и разстались.

Только что стукнула за мной одна дверь, какъ черезъ десять минутъ отворилась предъ мною другая, въ кабинетъ графа Протасова. Графъ принялъ меня такъ, какъ будто не видалъ не двое только сутокъ, а Богъ знаетъ сколько времени,—протянулъ ко мнѣ обѣ руки, и просилъ садиться.

Я благодарилъ графа за лестную его рекомендацію обо мнѣ предъ Его Величествомъ. Графъ не далъ мнѣ продолжать. Онъ съ своей стороны началъ благодарить меня за то, что я оправдалъ его рекомендацію у Государя, и сказалъ мнѣ, что Государь вчера за обѣдомъ въ петергофскомъ дворцѣ отозвался обо мнѣ съ удовольствіемъ.

⁽¹⁾ Братъ родной попечителя кіевскаго учебнаго округа.

— А знаете-ли, батюшка сколько вы пробыли у Государя въ кабинетѣ? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; думаю впрочемъ, что довольно времени.

— Ровно часъ и пять минутъ.

За тѣмъ разговоръ зашелъ о дорогѣ.

— Скажите, что вы собрались и ѣдете завтра непременно? сказалъ Протасовъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, собрался и завтра ѣду.

— Прекрасно! сказалъ графъ. Я увѣренъ, что вы съумѣете поладить съ раскольниками, и дѣла не испортите. Государь будетъ въ Добрянкѣ 25-го числа августа. Дай Богъ, чтобы церковь была готова къ его пріѣзду. Вамъ доведется освящать её, встрѣчать Государя и служить въ присутствіи Его Величества. Если Государю будетъ угодно обратиться къ вамъ съ какимъ нибудь вопросомъ, постарайтесь отвѣчать ему свободно, безъ стѣсненія и робости, что Государю не нравится. Съ Богомъ.

Мы прощались; въ это время вошелъ Войцеховичъ. Графъ встрѣтилъ его приказаніемъ, чтобы онъ занялся безостановочнымъ отправленіемъ меня въ дорогу.

Поклонившись ему, мы съ А. Ивановичемъ вышли изъ кабинета.

Алексѣй Ивановичъ долго потомъ говорилъ со мною о строящейся въ Добрянкѣ церкви и поручилъ мнѣ писать ему обо всемъ подробно и откровенно. Я обѣщалъ въ точности исполнить все, что отъ него слышалъ и просилъ его не ставить мнѣ въ вину, если я какъ человѣкъ, поставленный на новой, неизвѣстной дорогѣ, ошибусь въ чемъ нибудь, увѣряя его честнымъ словомъ, что отъ меня никогда не будетъ въ донесеніяхъ ни лжи, ни злонамѣренности. Я просилъ его также не оставить меня своимъ вниманіемъ и совѣтами въ исполненіи возложеннаго на меня труднаго порученія.

Время, послѣ свиданія съ Протасовымъ и Войцеховичемъ, прошло у меня въ прощаніи съ знакомыми.

Поутру 8-го августа въ 9-мъ часу, я былъ приглашенъ явиться къ преосвященному Іустину, который принялъ меня ласково и спросилъ, въ концѣ разговора:

— Да паспортъ-то нуженъ вамъ, или нѣтъ?

— Думаю, что нуженъ, Ваше Преосвященство, отвѣчалъ я.

Преосвященный обѣщалъ прислать мнѣ его немедленно.

Отъ пр. Іустина отправился я къ бывшему митрополиту с.-петербургскому Антонію, чтобы испросить у него благословеніе на предстоящую мнѣ многотрудную миссію. Пр. Антоній принялъ меня съ отеческою любовью, благословилъ и пригласилъ сѣсть, при чемъ во время разговора пожелалъ узнать, есть ли у меня въ слободахъ кто-нибудь знакомые? Я объяснилъ, что шесть лѣтъ былъ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей въ слободахъ и, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ расколомъ, имѣлъ возможность близко ознакомиться съ его современнымъ положеніемъ въ малороссійскомъ краѣ.

— Поэтому вы можете быть тамъ болѣе полезны, чѣмъ кто-нибудь другой, сказалъ пр. Антоній. Дай Богъ Вамъ успѣха на пользу святой православной церкви. Когда вы отправляетесь?

— Сегодня же, Владыка св., отвѣчалъ я, и поклонился ему въ ноги, испрашивая отъ него благословенія, и онъ, благословляя меня, произнесъ: Господь Богъ да благословитъ тебя свыше, да даруетъ Онъ тебѣ свою святую помощь, и сохранитъ тя во всѣхъ путехъ твоихъ! Во имя Отца и Сына и святаго Духа! Я поцѣловалъ благословляющую меня святительскую десницу, и простился съ нимъ напутствуемый лобзаніемъ его архипастырскимъ.

Возвратившись домой, я нашелъ казначея съ деньгами. Былъ уже второй часъ пополудни, когда я послалъ на станцію за лошадьми. Проводить меня со-

брались всѣ мои дѣти и очень многіе изъ близкихъ знакомыхъ.

Простившись со всѣми, я зашелъ въ свою церковь, чтобы предъ ея престоломъ испросить себѣ у Господа благодатную помощь. Родные и знакомые проводили меня до Пулкова. Здѣсь мы простились въ послѣдній разъ. Провожавшіе возвратились въ Петербургъ, а я отправился туда, куда указалъ мнѣ путь промыслъ Божій и Высочайшая воля Государя Императора.

ГЛАВА V.

Мой пріѣздъ въ Добрянку.—Заслуги слободскихъ старообрядцевъ предъ Петромъ великимъ во время измѣничества Мазепы.—Быстрота постройки добрянской церкви.—Свиданіе мое въ Черниговѣ съ преосвященнымъ Павломъ и гражданскимъ губернаторомъ П. И. Гессе. Безтактная выгонка старообрядцевъ изъ всѣхъ посадовъ въ Черниговъ.—Крайняя опрометчивость этой мѣры.—Поправленіе растроенныхъ дѣлъ.—Моя бесѣда съ гонимыми старообрядцами.—Успѣхъ.—Непритворныя слезы бѣдняковъ.—Отпущеніе согнанныхъ старообрядцевъ изъ Чернигова по домамъ.—Ихъ радость.

Путешествіе мое до черниговской губерніи не представляло ничего особеннаго. Благодаря словамъ: „Высочайше командированному“, на моей подорожной, вездѣ на станціяхъ давали мнѣ лошадей съ изумительною скоростію. На шестые сутки, по выѣздѣ изъ Петербурга, 13 августа, въ шесть часовъ по полудни, я былъ уже въ посадѣ Добрянкѣ.

Особеннаго враждебнаго настроенія въ стародубцахъ на этотъ разъ я не замѣтилъ. По прежнему они были ласковы, добры, предприимчивы, но замѣтно мягче въ обхожденіи. Очень понятно, что личное присутствіе Государя въ ихъ слободѣ расположило ихъ въ добрую сторону, и это давало мнѣ благопріятныя надежды.

Слобожане эти при Государѣ Императорѣ Петрѣ великомъ, до войны со шведами, правительству почти не были извѣстны. Но въ то время, когда Мазепа из-

мѣнникъ пустилъ непріятеля на російскую границу, и шведы по Украинѣ и Малороссіи продолжали путь безъ всякаго себѣ сопротивленія, до самыхъ стародубскихъ предѣловъ, то слобожане, сами собою собравшись, показали значительный опытъ вѣрности къ Царю и отечеству. Безоружные мужики въ разныхъ мѣстахъ атаковали непріятеля, нѣсколько сотъ побили и живыхъ захвата, въ Стародубъ къ самому Государю, бывшему тогда здѣсь, плѣнниками привели. Не было ничего для Государя пріятнѣе, какъ видѣть, что непріятель въ старообрядцахъ побѣдителей себѣ нашелъ!.. Обрадованный Государь тогда же велѣлъ раскольничьи слободы полковнику Горгольскому переписать, и, имяною грамотою, собственно за собою утвердить ихъ съ тѣмъ, чтобъ впредь оными никто не могъ владѣть. Эта первая перепись тѣмъ счастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими и торговлею и до нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются. Тогда бѣглецы, какого званія ни были, Всеилостиѣйше были прощены, а земли, на которыхъ они безъ позволенія у пановъ поселились, въ штрафъ пановъ вѣчно и потомственно во владѣніе слобожанамъ отведены и утверждены...

Противъ польскихъ конфедератовъ въ 1772-мъ году, во время ихъ возмущенія, старообрядцы такой страхъ на поляковъ навели, что границу свою безпрепятственно очистили отъ мятежниковъ... Всѣмъ этимъ и нынѣ слобожане хвалятся, а мнѣ это обстоятельство давало надежное оружіе въ руки; оставалось съ этой стороны на нихъ съ умѣньемъ подѣйствовать и расположить къ исполненію царскаго желанія.

Въ Добрянкѣ отыскавъ Виктора Владиміровича Юзефовича, я отправился съ нимъ на мѣсто, гдѣ по волѣ Государя, какъ бы чудомъ возникала благолѣпная единовѣрческая церковь. Работа кипѣла. Плотниковъ было много; они работали посмѣнно днемъ и ночью, ночью при свѣтѣ пылавшихъ дегтярныхъ бочекъ. По распоряженію архитектора, вся плотничная

работа была раздѣлена на три отдѣла. Въ то же время на мѣстѣ, предназначенномъ для церкви, каменщики выводили кирпичный фундаментъ; онъ былъ почти готовъ; приготовлялось желѣзо для крыши, вырубались и обшивались бѣлымъ желѣзомъ кресты на церковь и колокольню. Архитекторъ и подрядчикъ въ одно слово увѣряли меня, что къ 20 числу августа церковь непременно будетъ готова, что всѣ части ея почти окончены, остается только собрать ихъ въ одно. Чудное и неслыханное дѣло дѣлалось тогда въ Добрянкѣ! Самъ Царь строилъ для своихъ, немощствующихъ въ вѣрѣ, подданныхъ церковь, чтобы отеческимъ царскимъ вниманіемъ своимъ расположить въ нихъ и вызвать наружу ту вѣрноподданническую любовь, въ которой онъ не сомнѣвался, которая дѣйствительно жила и живетъ всегда у старообрядцевъ и которая всегда вспыхнетъ сильнымъ пожаромъ, когда обстоятельства вызовутъ къ тому духъ русскій...

Недавній польскій мятежъ 1863 года и угрозы Европы русскому царю за мятежниковъ вызвали наружу русское чувство всей Россіи и въ этомъ общемъ чувствѣ слились и всѣ старообрядцы... Русская кровь заговорила въ подданныхъ всей Россіи, но эта же кровь течетъ и въ жилахъ старообрядцевъ и она не могла также не сказаться... Все несчастіе послѣднихъ заключается только въ вѣковыхъ недоумѣніяхъ и церковной размолвкѣ...

Успокоенный касательно постройки церкви, я, переночеваль у Виктора Владиміровича, на другой день въ четыре часа по полудни поѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ со слезами радости встрѣтилъ меня старый пріятель мой Ѳедоръ Козмичъ Сорокинъ. Не успѣли мы успокоиться отъ изліянія радостныхъ чувствъ, какъ явился полицмейстеръ, чтобы отъ имени гражданскаго губернатора Павла Ивановича Гессе поздравить меня съ благополучнымъ пріѣздомъ и просить къ Его Превосходительству. Я просилъ полицмейстера взять на себя трудъ благодарить отъ меня г. губернатора за

его поздравленіе и вмѣстѣ выразить ему мое глубокое сожалѣніе о томъ, что не могу представиться Его Превосходительству, пока не явлюсь Его Преосвященству, архіепископу черниговскому Павлу. Когда ушелъ полицеймейстеръ, мы съ Ѳеодоромъ Козмичемъ почти всю ночь пробесѣдовали, и все еще не могли наговориться; меня весьма интересовали сообщаемыя имъ свѣдѣнія, какъ очевидца, о дѣйствіи г. губернатора со старообрядцами, вытребованными изъ посадовъ—которыхъ на его дворѣ проживало до 50 чел.

По утру, въ семь часовъ, я поспѣшилъ къ преосвященному архіепископу черниговскому Павлу. Преосвященный принялъ меня съ отличавшею его простотою, и посадилъ рядомъ съ собою на диванѣ. Преосвященнаго Павла я видѣлъ въ первый разъ. Онъ былъ въ тепломъ на ватѣ подрясникѣ, валенкахъ и громадной шапкѣ, также толсто подбитой ватою, и сидѣлъ среди дивана почти неподвижно. Не смотря на то, что онъ былъ такъ тепло одѣтъ, и не смотря на отличную погоду, стоявшую на дворѣ, гостинная, въ которой онъ принялъ меня, была натоплена, и двери и окна были заперты. Первые его слова были выраженіемъ его удовольствія, о назначеніи меня къ нему изъ Петербурга. Послѣ того преосвященный жаловался, что ему не на кого изъ своихъ единовѣрческихъ священниковъ положиться и возложить какое бы то ни было порученіе съ увѣренностію, что оно будетъ исполнено, какъ слѣдуетъ. Я замѣтилъ, что преосвященный можетъ употреблять для этого миссіонеровъ, опредѣленныхъ по Высочайшей волѣ въ главные старообрядческіе посады. Преосвященный же Павелъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ отозвался, что онъ до сихъ поръ не видалъ отъ нихъ ничего хорошаго, кромѣ однихъ непріятностей и хлопотъ. Прислали, говоритъ владыка, кажется, Богъ знаетъ кого, людей вдовыхъ, съ раскольниками вовсе незнакомыхъ, непонимающихъ духа ихъ. Одинъ только изъ нихъ, по отзыву преосвященнаго, былъ человѣкъ дѣльный, умѣвшій ладить съ

старообрядцами, — это определенный въ Лужки, священникъ тамбовской епархіи Павелъ Смѣльскій.

— А вотъ, что-то теперь будетъ? продолжалъ владыка. Съ мая у насъ весь Черниговъ переполненъ слобожанами. Они и въ полиціи, они и въ острогѣ, они и на постоялыхъ дворахъ, вездѣ они.

— Да что же, говорю, преосвященный, съ ними дѣлаютъ?

— А Богъ знаетъ! я ни во что не вхожу, да при томъ мнѣ изъ Петербурга нѣтъ никакихъ предписаній. Г. губернаторъ съ своими чиновниками особыхъ порученій постоянно занимается съ ними. Чиновникъ Малаховъ разъѣзжаетъ по посадамъ и цѣлыми артелями высылаетъ слобожанъ, кого заблагоразсудитъ, сюда въ Черниговъ.

— Это порученіе весьма выгодное для чиновника, — замѣтилъ я.

— Да, пожалуй и такъ! сказалъ владыка.

Дѣйствительно, какъ оказалось, старообрядцы, высылались въ Черниговъ такіе, которые никуда не годятся, а не тѣ, кого бы надо было выслать, кто стоялъ въ головѣ посадовъ, а это были все люди богатые. Конечно, они же и указывали чиновнику, кого ему выслать въ Черниговъ, предварительно, разумѣется, поблагодаривъ его за снисхожденіе къ себѣ, на основаніи кореннаго своего правила: *искупующе время, яко дніе лукави суть...* Назначенныхъ къ высылкѣ обыкновенно уговаривали, что за вѣру-де пострадать великое дѣло; какъ бы грѣхи велики ни были, Господь все проститъ страдальцамъ, а мы-де ваши семейства не пустимъ по міру, да и вамъ не дадимъ долго быть въ заточеніи: минетъ мало времени, все перемѣнится, и вы будете дома по старому и проч.

Все это меня сильно встревожило; я увидѣлъ во очію и въ черниговской губерніи одну изъ тѣхъ тысячныхъ, неудачныхъ мѣръ, которыя принимались противъ старообрядцевъ и которыя оканчивались лишь раздуваніемъ пожара вмѣсто тушенія его...

Обратившись къ преосвященному я сказалъ:

— Позвольте оставить васъ, владыка. Встревоженный вашимъ рассказомъ, я поспѣшу отправиться къ г. губернатору, тѣмъ болѣе, что онъ еще вчера приглашалъ меня къ себѣ чрезъ г. полицеймейстера.

— Ну, съ Богомъ, о. Тимоѳей, сказалъ преосвященный. Да вечеркомъ-то пожалуйста ко мнѣ; мнѣ еще нужно съ вами о многомъ поговорить.

Я обѣщался исполнить это желаніе преосвященнаго.

Черниговскій губернаторъ г. Гессе встрѣтилъ меня въ залѣ и повелъ въ свой кабинетъ, гдѣ и усадилъ меня, придвинувъ свое кресло къ моему. Первымъ желаніемъ его было узнать отъ меня, когда Государь будетъ въ Добрянкѣ? Получивъ отъ меня отвѣтъ, губернаторъ началъ рассказывать мнѣ, какъ Государь, въ маѣ этого года, проѣзжая чрезъ Добрянку, не принялъ отъ добрянцевъ хлѣба-соли, и, въ царскомъ своемъ негодованіи, выразился, что онъ не признаетъ ихъ своими вѣрнопоподанными, потому что они не ходятъ въ церковь Богу молиться, и что тогда только онъ приметъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, когда они, въ будущій пріѣздъ его, вмѣстѣ съ нимъ пойдутъ молиться въ церковь, которую онъ выстроитъ для нихъ въ ихъ посадѣ. Съ того времени до сихъ поръ, продолжалъ г. Гессе, мы согласно Высочайшей волѣ, вызываемъ изъ посадовъ старшихъ жителей, и всѣми силами стараемся склонить ихъ къ исполненію воли Государя, къ принятію правильныхъ священниковъ. Жители главныхъ посадовъ: Клинцовъ, Добрянки, Злынки, Климовой и города Новозыбкова, изъявили уже желаніе принять священниковъ; каждый посадъ отдѣльно подалъ прошеніе, объясняя основанія, на которыхъ желаетъ имѣть ихъ. Просьбы старообрядцевъ, болѣе или менѣе, всѣ разногласили между собою; въ нѣкоторыхъ прошеніяхъ было упомянуто и о пунктахъ, Высочайше утвержденныхъ для единовѣрія въ 1800 г. Хотя жители и другихъ слободъ изъявили согласіе на подачу подобныхъ

прошеній, но до сихъ поръ не подали ихъ, и какъ будто выжидаютъ чего-то. Изъ Добрянки взято въ Черниговъ и содержится подъ присмотромъ полиціи 36 человѣкъ самыхъ упорныхъ, изъ Климовой 26, изъ Митьковки 16 человѣкъ, и изъ Покровскаго монастыря извѣстный игумень Рафаиль. Сильно затрудняютъ меня, говорилъ губернаторъ, эти арестанты, и ставятъ въ непріятное положеніе. Я боюсь, какъ бы они, или ихъ посадскіе единомышленники, не вздумали подать на меня жалобу Государю, когда онъ будетъ проѣзжать чрезъ Добрянку.

Ну, думалъ я, дѣло испорчено здѣсь порядочно и надобно скорѣе поправлять его... Въ этомъ смыслѣ я высказался и предъ губернаторомъ. Губернаторъ сталъ просить меня взять на себя трудъ повидаться съ арестованными слобожанами и склонить ихъ къ исполненію Высочайшей воли.

Видя бѣду неминуемую, я изъявилъ на это готовность.

Гессе тотчасъ-же приказалъ собрать старообрядцевъ въ домъ купческаго общества и, пожелавъ мнѣ успѣха, просилъ къ себѣ въ четыре часа откушать хлѣба—соли.

Въ домѣ купческаго общества чрезъ нѣсколько времени ожидала меня большая толпа вызванныхъ въ Черниговъ слобожанъ; но въ числѣ ихъ не было о. Рафаила. На вопросъ мой, давно ли они гостятъ въ Черниговѣ, слобожане отвѣчали: кто два, кто три мѣсяца. Да и не по своей волѣ, говорили они озлобленно, гостимъ мы здѣсь: рады бы домой, да не отпускаютъ! Я очутился, такимъ образомъ, прямо лицомъ къ лицу съ народомъ уже озлобленнымъ... Это дало мнѣ понять всю трудность моего положенія и въ то же время сообразить, что я долженъ употребить мѣры самой нѣжной кротости и искренней любви къ огорченнымъ, чтобы сначала смягчить ихъ положеніе, а потомъ уже надѣяться и повліять на нихъ. Собравшись съ силами и призвавъ мысленно на помощь Бога, я голосомъ са-

мой снисходительной кротости заговорилъ съ обижающимися и раздраженными старообрядцами.

— Послушайте любезные мои! Вамъ непріятно быть въ Черниговѣ, я это знаю, но вѣрьте, что это сдѣлано потому, что вамъ желаютъ не худа, а добра. Вамъ обѣщаютъ дать священниковъ хорошихъ, а не такихъ, какіе у васъ до сихъ поръ были. Они не будутъ вольничать, будутъ служить у васъ, соблюдая и выполняя все по древнему. Если же ктонибудь изъ нихъ сдѣлаетъ что несогласно съ святыми древлепечатными до Никона книгами, онъ подвергнется за это строгой отвѣтственности; если не исправится, будетъ удаленъ отъ мѣста, а вы выберете себѣ другаго по своему желанію. Ваши священники не будутъ самовольно переходить съ мѣста на мѣсто, какъ прежде за частую бывало у васъ. Напримѣръ, старшіе прихожане или такъ называемые у васъ попечители, чтобы исправить провинившагося въ чемънибудь священника, отберутъ у него ризы, и запретятъ ему совершать по домамъ требы и править службу въ церкви. Что же, исправлялся онъ? Вовсе нѣтъ! Онъ же, бывало, обругаетъ всѣхъ, да и уѣдетъ въ другой посадъ, гдѣ нѣтъ священника, и его принимаютъ тамъ съ радостію, несутъ ему хлѣбъ-соль, даютъ квартиру и все хозяйственное заведеніе.

— Не правда ли?

— Правда, правда! слышалось въ толпѣ.

Это было для меня добрымъ знакомъ. Я замѣтилъ напряженное вниманіе въ слушателяхъ.

— Развѣ не бывало между вашими священниками такихъ, продолжалъ я, которые, перебивавъ во всѣхъ посадахъ, и не оставляя своихъ дурныхъ и безобразныхъ привычекъ, уѣзжали на Донъ, и тамъ уже оканчивали свою карьеру. Казаки, которые не любятъ, (какъ рассказываютъ ваши же слобожане, бывавшіе на Дону), чтобы священники уѣзжали отъ нихъ, отправляли ихъ на жительство въ тихій Донъ. Лучше развѣ было, какъ пріѣзжали къ вамъ священники съ чужими

женами? Какое лучше и что за хорошо! говорили мои слушатели, — да что же намъ дѣлать-то? по нуждѣ чего не бываетъ?

— Ну, вотъ то-то же! отвѣчалъ я. Помните, какъ въ 1825 году въ Новозыбковѣ пріѣзжалъ изъ Калуги о. Иванъ съ дворовой дѣвкой, у которой баринъ выстригъ волосы за то, что она связалась съ попомъ, а въ Малиноостровскій монастырь около того же времени явился лакей и танцоръ одной помѣщицы, выдавая себя за попа?..

— Что же дѣлать намъ?—это было давно уже, а теперь нѣтъ и никакихъ, отвѣтили нѣкоторые.

— Помните, какъ въ тридцатыхъ годахъ пожаловалъ въ Злынку работникъ одного священника, обольстившій дочь хозяина, и укравшій чрезъ нее у отца ставленную священническую грамоту; онъ выдавалъ себя между вами за попа, а свою спутницу за попадью? Кто изъ васъ скажетъ, что этого не было? Не сами ли ваши слобожане выдали этихъ трехъ самозванцевъ съ ихъ подружіями въ руки гражданскому начальству?

— Да кудаже ихъ дѣвать-то? отвѣчали въ народѣ голоса, туда имъ и дорога!

— Бога ради одумайтесь, друзья мои, продолжалъ я голосомъ искренняго радушія къ нимъ; пожалѣйте себя и свои души! Государь, по отеческой любви своей къ вамъ, не хочетъ стѣснять васъ въ богослуженіи; молитесь, какъ молились, безъ малѣйшей перемѣны, да и мало того безъ перемѣны, вы можете молиться съ большею полнотою противъ прежняго, исполняя въ точности все, положенное въ св. книгахъ. Но на теперешнихъ священниковъ вашихъ Государь не можетъ смотрѣть иначе, какъ и на бѣглыхъ солдатъ. Подумайте, какой уже это слуга Царю и отечеству—бѣглый воинъ? Я знаю, что совѣсть у васъ хорошая и справедливая. Съ молитвою къ Богу и Его пречистой Матери, возложите все упованіе свое на Ея заступленіе, и не оскорбляйте недовѣрчивостію Помазанника Божія. Не грѣшите противъ святаго писанія, я

думаю, что вы нерѣдко слышите въ своихъ церквахъ, да и дома читывали въ св. Апостолѣ, что *нѣсть власть аще не отъ Бога, и противляйся власти, Божію повелѣнію противляется.* Чего желаетъ отъ васъ Богоизбранный Государь? Онъ не требуетъ отъ васъ ни перемѣны, ни измѣненія въ св. вѣрѣ, онъ желаетъ только, чтобы у васъ были хорошіе священники, согласно заповѣди св. апостола, *не пїяницы, не бїйцы, не сквернословцы, домъ свой добрѣ правяще.* А таковы ли ваши теперешніе и бывшіе священники? Скажите Господа ради, друзья мои, не исполняется ли на нихъ положенное во псалтири пророческое слово, въ псалмѣ 108; *воистину не о вашихъ ли полахъ тамъ сказано: вѣгда судитися ему, да изыдетъ осужденъ, и молитва его буди въ грѣхъ. Да будутъ днѣе его мали, и епископство его прїиметъ инъ. Да будутъ сынове его сиры, и жена его вдова. Движущеся да преселятся сынове его, и вопрошени будутъ, и изгнани будутъ изъ домовъ своихъ. Да взыщетъ заимодавецъ вся елико суть его, и да восхитятъ чуждїи труды его. Да не будетъ ему заступника, ниже будетъ ущедрити сироты его. Да будутъ чада его въ пагубу въ родъ единъ, и да потребится имя его.* Подумайте, возлюбленные мои, что сталося съ дѣтьми вашихъ священниковъ, гдѣ послѣ нихъ семейства ихъ, а священниковъ у васъ въ посадахъ было многое множество, и всѣ немалосемейныя. И я не знаю, и вы не найдете ни послѣ одного изъ нихъ благословеннаго потомства. Не ясно ли, что гнѣвъ Божій постигалъ ихъ, обращая ихъ въ пагубу и потребляя самое имя ихъ!

Слобожане слушали съ большимъ вниманіемъ все, что я говорилъ имъ, и наша бесѣда длилась долго и они слушали съ усердіемъ и низко поклонившись мнѣ, всѣ до одного изъ слушателей моихъ отвѣчали, что они бесѣдой моею весьма довольны и благодарятъ меня за нее, но откровенно сознались, что безъ согласія своихъ обществъ ничего рѣшительнаго сказать не могутъ, — что они въ своихъ обществахъ люди маленькіе, а дома

остались богачи, которые заправляют дѣлами общества. Чиновники губернаторскіе, значить, подумалъ я, понимали свое дѣло хорошо и выслали въ Черниговъ лишь беззащитныхъ бѣдняковъ... Мнѣ стало душевно жаль безвинныхъ и несчастныхъ страдальцевъ, у которыхъ можетъ быть всего три четыре десятины было посѣяно хлѣба, да и тотъ пропадалъ въ полѣ несжатымъ...

А между тѣмъ эти бѣдняки сквозь слезы просили меня:

— Отпустите насъ Бога ради, отецъ родной, по домамъ! Здѣсь мы прожились. У насъ оставлены дома. Мы расскажем нашимъ старшимъ все, что слышали отъ тебя. Вѣдь ты говорилъ все правду, да и мы сами понимаемъ, что лучше имѣть правильнаго священника, чѣмъ бѣглаго и неизвѣстнаго обществу.

Многіе рукавомъ отирали при этомъ слезы.

— Такъ вы хотите домой?—спросилъ я ихъ.

— Какъ не хотѣть? Посмотрите на насъ: мы совсѣмъ пообносились, проѣлись, хотъ съ голоду умирай...

— Хорошо, сказалъ я,—я попрошу за васъ г. губернатора и вы будете отпущены.

Непритворныя слезы радости наполнили глаза старообрядцевъ. Всѣ кланялись и благодарили. Признаться я и самъ былъ тронутъ, и не одна слеза навернулась у меня на глазахъ. Мы поняли, значить, другъ друга: слушатели проповѣдника, а проповѣдникъ слушателей; а это уже весьма много значить. Старообрядцы не знали какъ и благодарить меня, кланялись въ ноги мнѣ, цѣловали руки, и обѣщались за меня усердно молиться Богу. Я простился съ ними, и пожелалъ счастливо возвратиться имъ въ дома свои и къ своимъ семействамъ.

Между собравшимися слобожанами не было игумена Покровскаго старообрядческаго монастыря, о. Рафаила. Мнѣ хотѣлось видѣть его. Полицмейстеръ проводилъ меня на квартиру къ нему, гдѣ онъ находился почти безвыходно. О. Рафаиль отдыхалъ, когда я во-

шелъ къ нему. Опасаясь, чтобы присутствіе полице-
мейстера не стѣсняло почтеннаго старца, и не помѣ-
шало ему быть откровеннымъ со мною, я просилъ чи-
новника отправиться къ г. Гессе и извѣстить его, что
я скоро явлюсь его превосходительству.

О. Рафаиль былъ необыкновенно удивленъ моимъ
неожиданнымъ появленіемъ. Онъ не вѣрилъ своимъ гла-
замъ, и думалъ что онъ видитъ меня во снѣ.

Это вы, о. Тимоѳей? спрашивалъ онъ меня, со сле-
зами на глазахъ, — да какъ вы здѣсь явились?

Я обнялъ его, какъ стараго знакомаго и пріате-
ля, и отвѣчалъ, что самъ Богъ послалъ меня къ нему,
чтобы выручить его изъ заключенія. Да какъ вы, о.
Рафаиль, сами то сюда попали?

За грѣхи мои видно Богъ наказалъ меня. Г. гу-
бернаторъ пригласилъ меня честію пріѣхать въ Черни-
говъ. А какъ я пріѣхалъ, онъ объявилъ мнѣ, что же-
лаетъ имѣть меня помощникомъ въ исполненіи царской
воли о водвореніи въ слободахъ правильнаго священ-
ства. Ну что, братъ, какой я помощникъ ему? Лучше
сказать, онъ боялся, чтобы я, оставаясь въ своемъ По-
кровскомъ монастырѣ, не сталъ удерживать старообряд-
цевъ отъ принятія благословеннаго священства. Вотъ
онъ и вздумалъ имѣть меня всегда у себя на глазахъ.
Богъ съ нимъ, я имъ очень доволенъ, онъ меня ничѣмъ
не тѣснить. Онъ уже знаетъ, что всѣмъ старообрядцамъ,
которые приходятъ ко мнѣ съ вопросами, о томъ какъ
имъ быть, я говорю, — и говорю по совѣсти, — что луч-
ше быть со священниками, чѣмъ безъ священниковъ,
лучше принять ихъ, когда даютъ, чѣмъ тихонько и
крадучись увозить. Право, напрасно Его Превосходи-
тельство беспокоится. Доложите ему, Бога ради, что я
не противникъ царской волѣ, а еще менѣе доброму
дѣлу. Вы, любезный братъ, знаете нашъ народъ. Если
бы была польза отъ моего согласія на принятіе свя-
щенства, если бы и они, глядя на меня, согласились
бы имѣть правильныхъ священниковъ, то я, видитъ
Богъ, съ радостію, далъ бы свое согласіе. А то — сдѣ-

лай это первый, такъ испортишь дѣло, что и поправить его трудно будетъ. Они всѣ, въ одинъ голосъ закричатъ, что я вѣроотступникъ, что я перемѣнилъ вѣру изъ честолюбія, славы ради.

Послѣ такого искренняго объясненія, я нелишнимъ считалъ спросить о. Рафаила, не хочетъ ли онъ просить у губернатора увольненія въ свой монастырь.

Не смѣю, любезный отецъ, просить его объ этомъ, боюсь оскорбить его.

Ну, такъ я попрошу г. губернатора отпустить васъ, о. Рафаиль, съ миромъ въ обитель вашу, позвольте мнѣ поручиться за васъ предъ его превосходительствомъ. Я увѣренъ, что онъ не откажетъ мнѣ.

Благодарю тебя, отецъ Тимоѳей, за любовь твою. Богъ тебя не оставитъ, попроси, любезный братъ. Увѣряю тебя, что я буду полезенъ доброму дѣлу.

Я коротко зналъ о. Рафаила, онъ былъ человѣкъ благонамѣренный и правдивый, чуждый фанатизма, готовый помогать и служить ближнему, кто бы онъ ни былъ, православный, единовѣрецъ, обливанецъ-малороссъ, или старообрядецъ: всѣ они были чадами Божиими въ глазахъ его.

Простившись съ о. Рафаиломъ, я отправился къ г. Гессе. Онъ благодарилъ меня, за мою бесѣду съ слобожанами, которую передалъ ему полицмейстеръ. Я рассказалъ о своемъ свиданіи съ о. Рафаиломъ и нашемъ разговорѣ съ нимъ: новый знакомый остался доволенъ мною. Послѣ обѣда, за чашкою кофе, я возобновилъ рѣчь о старообрядцахъ задержанныхъ въ Черниговѣ. По моему мнѣнію, говорилъ я, лучше было отпустить ихъ домой, потому что сколько ни держи ихъ въ Черниговѣ, толку отъ этого никакого не будетъ. Они всѣ люди безгласные въ своихъ обществахъ. Нужно отпустить ихъ съ тѣмъ условіемъ: (и это условіе прямо поставить имъ на видъ): чтобы они посоветовались и единодушно согласились съ своими единовѣрцами касательно исполненія воли начальства. Подумавши немного, Павелъ Ивановичъ спросилъ меня:

„да будетъ ли хорошо то, что мы отпустимъ ихъ по домамъ?“ Я отвѣчалъ, что въ настоящее время трудно отвѣчать, будетъ ли это хорошо, можно только быть увѣреннымъ, что вреда тутъ никакого не будетъ. Павелъ Ивановичъ согласился со мною и далъ слово приказать на другой же день отпустить слобожанъ. Я просилъ губернатора уволить и о. Рафаила, увѣряя его, что я коротко знаю его, какъ человека благонамѣреннаго, который скорѣе будетъ содѣйствовать видамъ правительства, чѣмъ противодѣйствовать имъ. Павелъ Ивановичъ изъявилъ готовность уволить о. Рафаила. Послѣ этого губернаторъ подалъ мнѣ полученные имъ отъ слободъ, Клинцовъ, Добрянки, Климовой, Елеонки, Злынки и Новозыбкова просьбы о благословенномъ священствѣ.

ГЛАВА VI.

Вопросъ г. губернатора, что дѣлать съ просьбами представленными старообрядцами?—Мой отвѣтъ на оный.—Съ моей стороны вопросъ о томъ, что будетъ дѣлать съ просьбами высшее начальство?—Соображеніе мое о просьбахъ этихъ.—Одобреніе моего плана г. губернаторомъ, и распоряженіе его о исполненіи онаго; командировка по этому предмету особыхъ порученій чиновника Тютчева въ посады.—Отчетъ мой за два минувшихъ дня преосвященному Павлу.—Порученіе владыки обозрѣть единовѣрческія церкви въ его епархіи.—Напутственное благословеніе владыки на мой отъѣздъ въ посады.

Господинъ губернаторъ, подавъ просьбы мнѣ, изволилъ спросить: что же мы будемъ теперь дѣлать съ этими просьбами? Представить ли ихъ, куда слѣдуетъ, или вытребовать таковыя же просьбы и отъ остальныхъ посадовъ, и тогда представить всѣ вмѣстѣ высшему начальству?

Конечно, лучше вмѣстѣ, чѣмъ порознь,—отвѣчалъ я. Но позвольте, говорю и мнѣ, Ваше Превосходительство, предложить вопросъ: что же будетъ дѣлать съ этими просьбами высшее—то правительство? каждая просьба, какъ изволите видѣть, состоитъ пунктовъ изъ семнадцати и болѣе, и притомъ во многомъ разнорѣ-

чивыхъ. Если уважить и исполнить всѣ просьбы, то между слобожанами начнется болѣе разногласіе и раздоръ, чѣмъ теперь. Если уважить которую нибудь одну просьбу, обидятся тѣ слобожане, просьбы которыхъ будутъ отвергнуты. Если согласить всѣ просьбы и составить, на основаніи ихъ, одну общую, привести ее въ исполненіе, тогда одни изъ слобожанъ скажутъ, мы этого не просили, а другіе—мы этого. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, Ваше Превосходительство, старообрядцы найдутъ поводъ къ неудовольствіямъ на правительство и разъединенію между собою. Осмѣлюсь предложить Вашему Превосходительству другую мѣру, на мой взглядъ болѣе вѣрную и полезную. Пусть изъ cadaго посада самими слобожанами будетъ выбрано по нѣскольку человекъ, болѣе представительныхъ, уважаемыхъ своими обществами и извѣстныхъ начальству съ хорошей стороны. Выборные соберутся въ Покровскій монастырь и сами разсудятъ, какъ имъ лучше поступить въ такихъ важныхъ для нихъ вопросахъ? Я считаю возможнымъ согласить ихъ самихъ, составить одну общую просьбу, которая удовлетворяла бы всѣхъ. Подобная просьба, составленная представителями всѣхъ слободскихъ обществъ, будетъ имѣть въ глазахъ ихъ болѣе вѣсу и значенія, чѣмъ отдѣльныя и разнорѣчивыя просьбы. Нужно только, чтобы жители посадовъ знали предварительно, для какой цѣли предположено сдѣлать изъ нихъ общее собраніе въ Покровскомъ монастырѣ. Губернаторъ выслушалъ и одобрилъ мой планъ и выразилъ желаніе привести его въ исполненіе до пріѣзда Государя, чтобы общую просьбу, составленную такимъ порядкомъ, поднести Государю во время его проѣзда чрезъ Добрянку. Полагая примѣрно, проѣздъ Государя чрезъ оную 25 числа, г. Гессе находилъ возможнымъ окончить дѣло до его прибытія въ слободы. По этому онъ тотчасъ же приказалъ изготовить для меня открытый листъ, по которому мнѣ должны были на станціяхъ немедленно давать лошадей. Позвавъ къ себѣ чиновника особыхъ порученій Ивана Ив. Тютчева, онъ ве-

лѣлъ ему немедленно ѣхать въ посады, побудить слобожанъ къ избранію представителей, и собрать ихъ въ Покровской монастырь къ 20 числу августа.

Быль уже восьмой часъ вечера, когда я, распростившись съ губернаторомъ, поѣхалъ къ преосвященному Павлу съ отчетомъ въ событіяхъ минувшаго дня. Владыка видимо былъ доволенъ принятымъ оборотомъ дѣла съ старообрядцами.

— Значить, вы скоро и отправитесь въ слободы? — спросилъ онъ меня.

— Такъ точно, Ваше Высокопреосвященство! отвѣчалъ я. Завтра же я долженъ ѣхать туда съ чиновникомъ Тютчевымъ.

— Прошу васъ, сказалъ преосвященный, обозрѣть и единовѣрческія церкви черниговской губерніи. Я такъ мало знаю ихъ, а между тѣмъ сколько поступило ко мнѣ отъ единовѣрцевъ разныхъ жалобъ на какія-то нововведенія, допущенныя, будто бы, въ богослуженіи тамошними единовѣрческими священниками.

— Я покорный слуга Вашего Высокопреосвященства, сказалъ я. Только не знаю, успѣю ли я исполнить Ваше порученіе до пріѣзда Государя Императора? Много отниметъ времени предположенное собраніе старообрядцевъ въ Покровскомъ монастырѣ: скоро его не уладишь.

— Все-таки Вы возьмите отъ меня предписаніе причтамъ, сказалъ Владыка, подавая мнѣ бумагу, о принятіи васъ и исполненіи всѣхъ вашихъ требованій. Не успѣете исполнить мое порученіе до пріѣзда Государя, можете исполнить его послѣ.

Пробило десять часовъ. Не желая болѣе беспокоить преосвященнаго своимъ присутствіемъ, да и самъ утомившись до послѣдней степени, я всталъ и просилъ его благословить меня въ дорогу. Владыка также поднялся съ дивана, три раза перекрестился, обратившись къ иконѣ Спасителя, и, благословляя меня, пожелалъ мнѣ отъ души добрыхъ успѣховъ въ исполненіи возложеннаго на меня порученія.

Я былъ радъ былъ благополучному обороту дѣла неменѣе преосвященнаго.

На другой день, 16-го августа, въ четвергъ, очень рано утромъ, явился ко мнѣ чиновникъ Тютчевъ узнать, когда я намѣренъ выѣхать изъ Чернигова. Я сказалъ, что готовъ ѣхать хоть сейчасъ. Тютчевъ обѣщалъ немедленно прислать лошадей со станціи и самъ явиться, лишь только увѣдомить губернатора о времени нашего отъѣзда. Въ половинѣ девятаго, напившись чаю и закусивши, мы выѣхали изъ квартиры Сорокина, у котораго я останавливался. Тютчевъ приказалъ остановиться у дома губернатора, который предъ выѣздомъ пожелалъ видѣть меня еще разъ, и встрѣтилъ меня извиненіемъ, что онъ не успѣлъ еще просить меня, чтобы я во всѣхъ нужныхъ случаяхъ обращался письменно прямо къ нему, обѣщая немедленно исполнять мои желанія.

Мы снова простились, и я отправился съ Тютчевымъ въ путь.

Только что мы доѣхали до первой станціи, какъ я неожиданно узналъ отъ смотрителя, что недавно, чрезъ его станцію, проѣхалъ въ Черниговъ изъ Петербурга генералъ Войцеховичъ по казенной надобности.

Нечего было дѣлать; нужно было вернуться въ Черниговъ, гдѣ я нашелъ Войцеховича въ гостинницѣ Царьградъ.

— Легко ли, десять дней не видались! сказалъ Войцеховичъ. Умница, что вернулся въ Черниговъ. Ну, какъ поживаете, что тутъ подѣлываете?

Я рассказалъ ему подробно обо всемъ. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что слобожане отпущены домой.

Во время чаю, Войцеховичъ рассказалъ мнѣ, что въ Петербургѣ со времени моего отъѣзда все было благополучно, и что Государь въ Добрянкѣ будетъ 25-го августа. Къ пріѣзду его, говорилъ Войцеховичъ, нужно поспѣшить окончить постройку церкви и освятить ее.

Мы поѣхали заразъ къ губернатору. Нечаянное появленіе Войцеховича до нельзя изумило Павла Ива-

новича Гессе; они были товарищи по московскому университету. О многомъ переговори́ли они между собою, но болѣе всего было рѣчи о старообрядцахъ. Моя поѣздка съ Тютчевымъ была отложена; онъ поѣхалъ въ слободы одинъ.

Отъ Павла Ивановича мы поѣхали съ Войцеховичемъ къ пр. Павлу.

Преосвященный заставилъ насъ ожидать своего выхода болѣе четверти часа, принялъ Войцеховича во всей святительской формѣ, и, благословивъ насъ, пригласилъ садиться. Разговоръ остановился на раскольникахъ.

Преосвященный сказалъ, что онъ тогда только ожидаетъ пользы отъ начатаго дѣла съ старообрядцами, когда его и продолжать будутъ съ такою же горячностью, съ какою начали.

— А то вѣдь у насъ, говорилъ Владыка, — начнутъ, да и бросятъ, а раскольникамъ это и нужно, они православнымъ тому, да другому въ руку... Ну, дѣло и испорчено. У насъ вѣдь все такъ!

Во время этого разговора я просилъ Владыку указать мнѣ, отъ кого я могу получить антиминсъ для новой цѣркви? По его приказанію, тотчасъ же принесены были ризничимъ старинный антиминсъ, освященный при патріархѣ Іосифѣ, для храма Преображенія Господня, и св. муро. Преосвященный благословилъ мнѣ взять ихъ съ собою.

Утромъ 17-го августа я снова поѣхалъ къ Войцеховичу. Онъ писалъ письмо къ графу Протасову, въ которомъ съ похвалою отзывался о моихъ дѣйствіяхъ, особенно объ увольненіи изъ Чернигова слобожанъ. Отославъ письмо на почту, Войцеховичъ совѣтовалъ мнѣ, не теряя напрасно времени въ Черниговѣ, ѣхать въ Добрянку, обѣщая и самъ быть туда чрезъ два дня. Онъ просилъ меня присмотрѣть за постройкою и ускорить ее, потому что до пріѣзда Государя оставалось немного времени, а работы надъ нею было еще довольно.

Въ тотъ же день я и выѣхалъ изъ Чернигова, который былъ сильно взволнованъ вѣстію о скоромъ пріѣздѣ Государя Императори Николая Павловича въ Добрянку. Начальство готовилось къ встрѣчѣ официальной, жители собирались выѣзжать изъ Чернигова въ Добрянку, чтобы посмотреть на Царя своего.

ГЛАВА VII.

Бесѣда съ членами ратуши посада «Добрянки». — Поднесеніе хлѣба — соли. — Депутація изъ числа отпущенныхъ изъ Чернигова старообрядцевъ — Увѣщанія и слезы. — Пріѣздъ А. П. Войцеховича въ Добрянку — Прибытіе транспорта изъ С.-Петербурга съ иконостасомъ, иконами и церковными вещами. — Любопытство по этому случаю старообрядцевъ. — Привезеніе въ Добрянку колоколовъ и ризницы изъ упраздненнаго Лаврентіевскаго монастыря. — Стеченіе народа въ Добрянку къ встрѣчѣ Государя Императора. — Толки въ народѣ — Страхъ и опасенія старообрядцевъ. — Ожиданія кончины вѣка. — Явленіе уставщика и пѣвчихъ старообрядческихъ въ моей квартирѣ — Рѣшительная минута. — Первая служба, открытая мною въ Добрянкѣ. — Первый благовѣстъ колокольный, неслышанный въ Слободахъ съ 1838 года. — Страхъ и удивленіе старообрядцевъ. — Первая литургія. — Освященіе вновь выстроенной Государевой церкви. — Вѣсть о приближеніи Императора Николая Павловича къ Добрянкѣ.

Въ Добрянкѣ меня уже ожидали.

Когда я хотѣлъ остановиться, по прежнему, на одной квартирѣ съ Юзефовичемъ, нарочный, выбранный слобожанами, отъ лица всего общества, просилъ меня помѣститься въ другой, приготовленной для меня квартирѣ.

Я нашелъ двѣ чистыя комнаты, хорошо убранныя. Въ передней встрѣтилъ меня человѣкъ, который просилъ у меня позволенія остаться при мнѣ для услугъ и посылокъ. Но со мною былъ уже человѣкъ, взятый нарочно для этого изъ Петербурга, и я, сообразивъ, что услужливые Добрянцы не безъ цѣли придумали прикомандировать ко мнѣ своего человѣка, отказался отъ услугъ, приказавъ поблагодарить отъ меня за усердіе тѣхъ, отъ кого человѣкъ былъ ко мнѣ присланъ.

Въ десять часовъ утра 18-го августа явились ко мнѣ, въ полной формѣ, члены ратуши поздравить меня съ прїѣздомъ и поднести мнѣ хлѣбъ—соль. За поздравленіе я благодарилъ, но отъ хлѣба—соли отказался, объясняя имъ свой отказъ тѣмъ, что я не смѣю принять отъ нихъ хлѣба—соли послѣ того, какъ самъ Государь, который послалъ меня къ нимъ, не принялъ его отъ нихъ, во время проѣзда своего чрезъ Добрянку. Гости пробыли у меня долго. Въ разговорѣ съ ними я старался, сколько можно, быть ближе къ ихъ пониманію и насколько возможно успѣшнѣе объяснить: какую пользу получаютъ они отъ исполненія воли Государя Императора.

— Вы не только не нарушите, говорилъ я моимъ гостямъ, древняго чиноположенія въ Богослуженіи, какой предписанъ церковнымъ уставомъ, напротивъ Государь такъ милостивъ и добръ къ вамъ, что самъ, своею Царскою властію, утвердитъ неприкосновенность старинныхъ обрядовъ для васъ и потомства вашего. Священниковъ вашихъ никто тогда не будетъ преслѣдовать и ловить, потому что, выбранные вами самими, они будутъ утверждены начальствомъ, и не будутъ уже самовольно, вопреки правиламъ св. отецъ, переходить отъ церкви къ церкви. Вы избавитесь отъ напрасныхъ расходовъ и справедливыхъ укоризнъ въ томъ что у васъ попы „бѣглые“; да какіе еще попы?—нечего вамъ и говорить объ этомъ. Каковы были у васъ въ 1820 году священникъ О. Михайлъ и діаконъ Степанъ Мироновичъ, а послѣ нихъ О. Иванъ? Мало ли вы пострадали за него по поручительству, когда онъ тихонько ускользнулъ отъ васъ въ Лужки, а добрые Лужковцы припрятали его у себя и отвѣчали передъ начальствомъ. Члены ратуши переглянулись между собою. Я спросилъ ихъ: вѣдь правда?—Молчаніе.—Не оскорбитесь, сказалъ я, моими наминаніями, любезные. Я припоминаю бывшее единственно для того, чтобы расположить васъ добровольно къ лучшему и болѣе полезному для васъ.—Мы вѣримъ! сказали депутаты.—Да и священ-

ники ваши, продолжалъ я, не будутъ въ постоянномъ страхѣ отъ мѣстной гражданской власти, которая, когда ей вздумается теперь, арестуетъ вашихъ священниковъ, заставляя и ихъ и васъ дорогонько отплачиваться отъ ареста. Дайте свое согласіе, что вы будете имѣть у себя такихъ священниковъ, которыхъ уважать будетъ само начальство, которые, какъ отцы и добрые пастыри, самихъ васъ будутъ защищать отъ несправедливостей и притѣсненій. Цѣлое столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы остались при своихъ „бѣглыхъ“ священникахъ; много перебывало ихъ у васъ въ посадахъ. Укажите же мнѣ хотя одного, на котораго можно было бы полюбоваться и порадоваться душою? Да и быть у васъ такихъ священниковъ не можетъ. Ваши священники не отъ Бога посылаются къ вамъ; ихъ привлекаютъ къ вамъ страсти ихъ, и какая страсть къмъ изъ нихъ владѣетъ, ту они и удовлетворяютъ милостію вашею. Съ тридцать восьмага года у васъ даже и такихъ не стало. — Что же дѣлать? — говорили депутаты. Не лучше ли, говорю, друзья мои, не противиться волѣ Помазанника Божія, которая послужитъ не въ разореніе ваше, а въ созиданіе и спасеніе. Исполнивъ его волю, вы расположите его въ свою пользу и заставите забыть неудовольствія на васъ. Я увѣренъ, что тогда Государь, по милосердію своему, ни въ чемъ не откажетъ вамъ, а развѣ вы ни въ чемъ не нуждаетесь?

Выслушавъ меня, слобожане отвѣчали, что они не смѣютъ и думать противиться Богу въ лицѣ Помазанника его, что многіе изъ нихъ уже выразили свое согласіе на принятіе правильныхъ священниковъ письменными просьбами, и что если эти священники будутъ исправлять службу такъ, какъ у нихъ, старообрядцевъ, было до сихъ поръ, то для чего и остальнымъ удаляться отъ нихъ и не сдѣлаться ихъ прихожанами.

Тѣмъ и кончилось мое первое свиданіе и бесѣда съ обязательными Добрянцами.

Впечатлѣніе, произведенное на нихъ бесѣдою, было въ мою пользу; я это ясно видѣлъ; оставалось ждать результатовъ этого впечатлѣнія...

Послѣ членовъ ратуши явились ко мнѣ съ благодарностію за свободу отпущенные, при моемъ участіи, изъ Чернигова, изъ тридцати человекъ, болѣе половины. По возвращеніи изъ Чернигова, они проповѣдывали по слободамъ, что изъ Петербурга Государь прислалъ де священника добраго, который по божески рассудилъ ихъ дѣло.

— Кто бы ни отпустилъ васъ изъ Чернигова, говорилъ я депутатамъ, вы не должны забывать условія, на которомъ получили увольненіе отъ губернатора, то есть, чтобы вы сообща подумали объ исполненіи Высочайшей воли и расположили другъ друга къ принятію правильныхъ священниковъ. А то посудите, сколько лѣтъ прошло, какъ ни въ одномъ посадѣ не было святой и божественной литургіи, и вы не были у исповѣди и св. причастія? Вѣдь вы, друзья мои, не безпоповцы. Помните ли какъ бывало, въ великій постъ, особенно на первой недѣлѣ, тѣсно было отъ народа въ церкви, въ которой вы молились со слезами на глазахъ! А какъ настанетъ, бывало, суббота, день причащенія, съ какимъ усердіемъ на канунѣ ходили вы другъ къ другу просить христіанскаго прощенія во взаимныхъ обидахъ, и ночь на субботу проводили безъ сна, чтобы врагъ сонною грезой не помѣшалъ кому нибудь достойно приступить къ святынь Тѣла и Крови Господней. Въ слушателяхъ моихъ, стали обнаруживаться вздохи.—Правда, правда! говорили нѣкоторые.—Съ какою духовною радостію, продолжалъ я, бывало, выходили вы изъ церкви какъ причастники, будто совершенно новые люди: духовное веселье сіяло тогда на вашихъ лицахъ. Истинно пасхою былъ для васъ этотъ день по духовной радости! А нынче у васъ церковь пуста стоитъ по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. „Чего тамъ слушать? говорите вы,—священника нѣтъ!“ и идете, взявшись подъ руку, въ питейный домъ. Онъ биткомъ набитъ празднолюбцами, а церковь пустехонька. Можетъ быть это и не такъ, вамъ лучше знать; я самъ не видѣлъ давно вашей слободы,—Такъ, такъ ба-

тешка, отвѣчали старообрядцы, охъ!—Что плохо у васъ теперь, говорилъ я, такъ мнѣ сказывали въ Петербургѣ ваши же Григорій Григорьевичъ Полянский, да Переpletчиковъ, оба люди почтенные, и лгать на себя не стануть.—Правда, правда!—Отъ чего-же, говорю, вамъ не взять священниковъ, когда вамъ обѣщаютъ, что они службу Божию будутъ править по старинному, безъ всякой перемѣны? Можетъ быть, вы не видали, какъ правится служба въ единовѣрческихъ церквахъ? Вотъ я на дняхъ буду служить въ вашей же Добрянской церкви; приходите посмотрѣть и помолиться со мною Господу Богу. Даете ли мнѣ слово, любезные, что придете?

— Почему же не придти, родной? извольте, придемъ!—отвѣчали мои собесѣдники въ одинъ голосъ. А когда же вы будете молиться то?

— Какъ услышите въ церкви звонъ, сказалъ я, такъ и приходите. Депутаты посмотрѣли на меня съ изумленіемъ и сказали: вотъ что, и звонить будутъ!.. А мы съ тридцать восьмага года не слыхали и звону то ⁽¹⁾.

— Ну то-тоже, говорю, други мои.

Долго въ этомъ родѣ продолжалась у насъ бесѣда, въ которой искренности и неподдѣльныхъ чувствъ выразилось много и съ моей стороны и со стороны слушателей моихъ...

— Спасибо, родной, говорили мнѣ на прощаніи депутаты; ты много сдѣлалъ добра намъ въ Черниговѣ и теперь, видимъ, ты продолжаешь дѣлать! Не забудемъ добра, не забудемъ...

У многихъ навернулись при разставаніи со мною слезы... Не скрою, что въ этой бесѣдѣ я и самъ былъ растроганъ не менѣе депутатовъ, безъ всякаго побужденія отъ кого либо, изъ одного сознанія глубокой благодарности явившихся ко мнѣ съ благодарностію послѣ отпущенія ихъ изъ Чернигова. Они были люди про-

⁽¹⁾ Въ 1838 году по Высочайшему повелѣнію запрещено производить звонъ въ церквахъ и часовняхъ старообрядческихъ, гдѣ отирали божослуженіе бѣглецы.

стые, этикета и приличій не знали, слѣдовательно могли и не явиться...

19-го августа, въ 10-мъ часу утра, пріѣхалъ въ Добрянку Войцеховичъ и остановился въ домѣ почтеннаго купца Семена Васильевича Переплетчикова. Я отправился къ Войцеховичу и засталъ у него Юзефовича. Оба они собрались идти на постройку; я присоединился къ нимъ. Тамъ дѣло кипѣло. Церковь начали уже крыть, внутренняя отдѣлка шла быстро; архитекторъ съ подрядчикомъ не сходили съ постройки и подводили каменный фундаментъ подъ всю церковь. Привезены были изъ Петербурга иконостасъ, иконы и другія церковныя вещи. Войцеховичъ поручилъ принять ихъ по накладной. Движеніе народа по этому случаю въ Добрянкѣ сдѣлалось огромное. Старообрядцы сбѣжались смотрѣть присланное. Любопытства было много, но неудовольствія никакого. Члены ратуши и депутаты, съ которыми я такъ удачно велъ большія бесѣды, видимо, имѣли уже вліяніе на успокоеніе умовъ..

Я радовался этому отъ души и внутренно благодарилъ Бога за помощь его.

На другой день, 20-го августа, пріѣхалъ губернаторъ Гессе и въ тотъ же день отправилъ чиновника особыхъ порученій съ Семеномъ Васильевымъ, — хозяиномъ дома, гдѣ остановился Войцеховичъ, — за звономъ изъ Лаврентьева монастыря, а въ Покровскій Монастырь одного изъ Добрянцевъ съ предписаніемъ къ игумену Рафаилу о высылкѣ лучшей ризницы своего монастыря въ Добрянку.

Августа 21-го была привезена ризница, а 22-го и колокола.

Семенъ Васильевичъ нашелъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ великолѣпный иконостасъ съ самыми древними иконастасами высокой работы, въ сребровызлащенныхъ ризахъ. Онъ предлагалъ перевезти и иконостасъ въ Добрянскую церковь, для которой онъ былъ, по его словамъ, совершенно въ мѣру, замѣчая, что очень опасно оставлять такое сокровище въ пустомъ мѣстѣ, далеко отъ селенія, подъ приемотромъ только двухъ сто-

рожей. Войцеховичъ сказалъ, что объ этомъ теперь некогда уже хлопотать, а можно устроить это дѣло послѣ. Съ прибытіемъ колоколовъ, въ Добрянкѣ народъ засуетился болѣе прежняго. На улицахъ была просто давка. Добрянка запружалась народомъ съ каждымъ днемъ. Сюда съѣзжались съ разныхъ сторонъ и купечество и представители отъ разныхъ старообрядческихъ обществъ, частію по требованію начальства, а еще болѣе изъ желанія видѣть Государя и лично слышать отъ него объ участи своего старообрядчества и своей собственной... Грозныя слова въ предъидущій проѣздъ его чрезъ Добрянку и рѣшительное требованіе отъ нихъ исполненія Высочайшей воли, лично объявленной Государемъ въ Добрянкѣ, навели на слобожанъ такой страхъ, что они какъ страшнаго суда ждали новаго пріѣзда Государя въ слободы. Чего-то не было говорено въ посадахъ по этому поводу, какихъ предположеній не было высказано; но всѣ толки сходились на одномъ заключеніи, что близко послѣднее время и всемірный конецъ... Въ полномъ убѣжденіи, что отъ этого ни гдѣ не укроешься, они, какъ бы по непреодолимому влеченію какой нибудь страшной таинственной силы, съѣзжались въ Добрянку выслушать себѣ приговоръ на жизнь или смерть, изъ устъ Государя и умереть...

Слыша такія сужденія отъ жителей, то одного, то другаго посада, я почелъ не бесполезнымъ воспользо- ваться такимъ настроеніемъ умовъ какъ Добрянцевъ, такъ и другихъ пріѣзжихъ слобожанъ, и отслужить литургію въ одной изъ прежнихъ церквей ихъ, прежде чѣмъ освящена будетъ мною новая Государева церковь. Я надѣялся, что и мѣстные слобожане и пріѣзжіе пожелаютъ зайти въ церковь и помолиться со мною. Во всякомъ случаѣ успѣхъ или неудача моего предпріятія должны были заблаговременно показать намъ, чего мы можемъ ожидать для себя отъ старообрядцевъ въ день освященія церкви и въ день Высочайшаго посѣщенія ея Государемъ Императоромъ.

Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ одобрилъ мой планъ и желалъ, чтобы я не откладывалъ его исполненія.

Время было действительно дорого. Нужно было ловить каждую благопріятную минуту,—и, по русской пословицѣ, ковать желѣзо, пока горячо...

Не теряя ни минуты времени, того же дня я переговорилъ о своемъ намѣреніи съ Семеномъ Васильевичемъ, желая узнать отъ него, не встрѣчу ли я какого нибудь противодѣйствія себѣ отъ старообрядцевъ, по этому поводу, и не можетъ ли произойти при этомъ тревоги и смятенія?

Семень Васильевичъ увѣрялъ меня, что слобожане не посмѣютъ препятствовать мнѣ и шума быть не можетъ, ибо всѣ относятся обо мнѣ съ любовью и большимъ довѣріемъ,—что въ народѣ произошла счастливая переменѣна изъ-за дѣйствій моихъ и обхожденія съ ними и большинство благонамѣренныхъ торжествуетъ...

Тогда я просилъ Семена Васильева пригласить къ себѣ раннимъ утромъ уставщика, всѣхъ пѣвцовъ, и пономаря.

Такъ и было сдѣлано.

Только что я всталъ по утру и одѣлся, какъ мнѣ сказали, что уставщикъ и пѣвцы уже пришли.

Я вышелъ къ нимъ и поздоровался, а они подошли къ благословенію...

Радости моей по этому случаю не было границъ. Подойти къ благословенію моему,—уставщику и пѣвчимъ,—это было великимъ подвигомъ старообрядцевъ и давало въ руки мнѣ ключи къ ихъ сердцамъ...

Воспользовавшись такою дорогою минутою, я, подъ вліяніемъ волненія радости, самымъ дружескимъ и искреннымъ голосомъ заговорилъ съ ними.

— Други мои! сказалъ я. Я позвалъ васъ потому, что желаю поближе познакомиться съ вами, и познакомиться не здѣсь, а въ святой церкви вашей. Завтра я буду служить въ ней и усердно со слезами просить Господа Бога вмѣстѣ съ вами, чтобы Онъ по благодати своей, устроилъ все полезное для васъ и церквей вашихъ, даровалъ вамъ пастырей благоговѣйныхъ и богобоязненныхъ, какихъ у васъ давнымъ давно уже не

было. Такъ приготовтесь же, любезные други мои, къ этому святому труду. Въ четыре часа будьте всѣ въ церкви, и постучите въ доску къ канонамъ, а тамъ и къ малой вечернѣ, а въ шесть часовъ мы начнемъ все-нощную, будемъ праздновать Царицѣ небесной всѣхъ скорбящихъ радости, чтобы она умолила Сына своего Царя небеснаго вложить любовь свою въ сердце нашего земнаго царя и исполнить его для всѣхъ насъ благостію и милосердіемъ. Всѣ посмотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи.... Уставщикъ смотрѣлъ на пѣвцевъ, пѣвцы на уставщика. Минута была важная и драгоцѣнная! Отъ нея зависѣло многое и многое... Наконецъ уставщикъ, послѣ волненія, обратившись ко мнѣ сказалъ, что они приготовятся и будутъ въ церкви.

Слава Богу! сказалъ я мысленно, побѣда наша... Отпустивъ клиръ старообрядческій, я поспѣшилъ къ Алексѣю Ивановичу Войцеховичу, но не засталъ его дома. Мнѣ сказали, что онъ у губернатора. Я туда. Войцеховичъ былъ дѣйствительно тамъ. Я рассказалъ обоимъ, что у меня былъ клиръ старообрядческій и далъ мнѣ слово сегодня и завтра молиться со мною въ своей церкви. Меня поздравляли съ успѣхомъ. Скоро напившись чаю мы втроемъ пошли на постройку. Работа кипѣла попрежнему. Слобожане готовились поднимать колокола на колокольню, причемъ болѣе всѣхъ хлопотали при этомъ злынковцы. Иконостасъ былъ уже поставленъ на своемъ мѣстѣ. Я отсталъ отъ своихъ спутниковъ, потому что меня окружили слобожане и осыпали разными вопросами. Нѣкто Алексѣй Филатьевичъ Аксеновъ, изъ купцовъ клинцовскаго посада, совѣтовалъ мнѣ замѣнить двѣ мѣстныя иконы, написанныя за-ново въ Петербургѣ, другими, взятыми изъ добрянской церкви, въ сребровызлоченныхъ ризахъ. Я приказалъ замѣнить. На всѣ вопросы слобожанъ я старался давать краткіе, дружескіе, ясные и успокоительные для нихъ отвѣты... Довольство было написано на лицахъ добрянскихъ.

Славу Богу, Славу Богу! мысленно повторялъ я каждую минуту и трепеталъ все-таки же каждую минуту.

Настало наконецъ четыре часа; я былъ уже въ церкви. Сердце мое стѣснилось отъ радости. Церковь была полна. Служба началась, какъ всегда начинается у старообрядцевъ, келейнимъ правиломъ.

По прочтеніи каноновъ слѣдовала малая вечерня.

Такъ какъ до всенощной оставалось еще немного времени, то уставщикъ пригласилъ меня съ пѣвцами къ себѣ наниться чаю и закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Послѣ всенощной старообрядцы считаютъ за грѣхъ пить и ѣсть. Я съ восторгомъ принялъ предложеніе.

Наконецъ въ шесть часовъ начался благовѣстъ ко всенощной. Колоколъ былъ большой. Звукъ колокольный разлился по всей Добрянкѣ. Надобно было быть въ это время въ слободѣ, чтобы видѣть, какое дѣйствіе произвели его призывные звуки на слобожанъ, которые съ 1838 года не слышали колокольного звона ни въ одномъ изъ своихъ посадовъ. — Особенно когда послѣ благовѣста затрезвонили во всѣ колокола, слобожане какъ будто проснулись послѣ долгаго тяжелаго сна, какъ будто мгновенно ожили подѣ вліяніемъ магическихъ звуковъ. Многихъ растрогало это явленіе страшно... Старый и малый высыпали на улицы, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ... Церковь наполнилась народомъ; одни прибѣжали чтобы помолиться, другіе чтобы посмотрѣть, кто правитъ службу и какъ. Всѣ видѣли, что служба шла точно также, какъ и у нихъ идетъ, читаютъ и поютъ постаринному, безъ всякой перемѣны и нововведеній. Все, что совершалось у нихъ подѣ глазами, казалось имъ какимъ то чудомъ. Ночь послѣ такого торжества я почти не могъ уснуть отъ радости. Что-то будетъ завтра? Задавалъ я себѣ вопросъ не безъ трепета и тайной тревоги...

На другой день радость моя была еще больше. Въ обычное время, также чинно и безъ помѣхи, со-

вершена была мною торжественно божественная литургія. Стеченіе народа было еще бѣльше...

Послѣ обѣдни я явился къ губернатору и Войцеховичу, которые цѣловали даже меня и радостно поздравляли съ успѣхомъ.

Полное уваженіе мое къ старинному чиноположенію при богослуженіи, точность въ соблюденіи всѣхъ предписаній устава касательно чтенія, пѣнія и другихъ священнодѣйствій церковныхъ, предъ глазами многочисленныхъ и самыхъ строгихъ судей въ дѣлѣ обрядности, родили окончательное довѣріе ко мнѣ слободскихъ старообрядцевъ. Они выказывали мнѣ эти чувства на всякомъ уже шагѣ...

Между тѣмъ работы по церкви были уже доведены, благодаря неутомимой дѣятельности строителей, до такой степени, что можно было приступить къ освященію. Среди Добрянки, на открытомъ мѣстѣ, которое до сихъ поръ стояло пустопорожнимъ, въ восемнадцать дней возникла, такимъ образомъ, благолѣпная церковь изъ прочнаго матеріала на каменномъ фундаментѣ, пятиглавая, съ колокольною и колокольнымъ звономъ. Царское слово исполнилось!

Днемъ освященія я выбралъ 24-е число августа.

Наканунѣ пріѣхали въ Добрянку, чтобы принять участіе въ богослуженіи, по моему приглашенію, священникъ черниговской казанской единовѣрческой церкви о. Алексѣй Соколовъ, священникъ климовской успенской единовѣрческой церкви о. Іоаннъ Артемьевичъ Сорокинъ съ діаконѣмъ и діаконъ радульской единовѣрческой церкви.

Въ четыре часа по полудни, 23-го августа, ударили въ церковную доску къ канонамъ. Народу стеклось столько, что если бы церковь была въ пять разъ болѣе, то и тогда не могла бы вмѣстить въ себѣ такого множества народа.

По окончаніи малой вечерни оставалось немного времени и до всенощной. Въ половинѣ седьмого часа въ первый разъ зазвонили на колокольнѣ во всѣ по-

вѣшенныя колокола, перевезенныя изъ Лаврентьева монастыря.

Всенощная служба празднику преображенія Господня съ полною торжественностію продолжалась до двѣнадцати часовъ но́чи. Могу свидѣтельствовать, что въ огромной массѣ богомольцевъ не было видно ни малѣйшихъ признаковъ разъединенія между единовѣрцами и неединовѣрцами.—Всѣ молились единымъ сердцемъ какъ одно Христово стадо. Радость была велика у всѣхъ насъ.

На другой день, 24 августа, по совершеніи водосвятія, мы приступили къ освященію церкви. Обрядъ освященія до такой степени интересовалъ любителей и ревнителей церковной старины, что мы никакъ не могли отказать имъ въ позволеніи присутствовать въ самомъ алтарѣ. Многіе изъ старообрядцевъ, запасшись выписками изъ требниковъ, слѣдили за каждымъ нашимъ дѣйствіемъ и провѣряли его своими тетрадками, и, конечно, сами удостовѣрились въ совершенной точности совершаемаго нами освященія съ древними чинами. Даже женщины старообрядки любопытствовали видѣть священнодѣйствіе, происходившее въ алтарѣ. Жена Семена Васильевича, у котораго занималъ квартиру Войцеховичъ, выпросила у своего гостя позволеніе устроить для нихъ подмости у алтарныхъ оконъ, чтобы покрайней мѣрѣ въ окна видѣть освященіе престола въ недоступномъ для нихъ алтарѣ...

Послѣ освященія церкви и божественной литургіи мы совершили торжественное молебствіе съ многолѣтіемъ державному и великому Императору Николаю Павловичу, волею котораго возникла освященная церковь, въ видахъ духовнаго просвѣщенія слѣпотствовавшихъ старообрядцевъ...

Цѣлый день раздавался звонъ на колокольнѣ новой церкви, которому вторили съ колокольни старой.

Духовное и гражданское начальство, съ нѣкоторыми слободскими знаменитостями, угощалось обѣдомъ въ домѣ церковнаго старосты Переплетчикова. Тор-

жественность праздника увеличивалась единодушiемъ всѣхъ присутствовавшихъ. Можетъ быть и были лица, несочувствовавшiя нисколько общей радости, но они, по крайней мѣрѣ, не показывались между нами и не портили намъ нашего торжества.

Послѣ благополучнаго окончанiя церковной постройки и освященiя церкви, намъ оставалось ожидать прiѣзда въ слободы Государя Императора и заняться приготовленiемъ къ принятию Его Величества.

Не успѣли мы и опомниться, какъ вдругъ раздалась надъ нашими головами вѣсть, что Царь ѣдетъ и чрезъ 4 дня будетъ въ Добрянкѣ.

Слова: Царь ѣдетъ, Царь ѣдетъ!—понеслись по народу, какъ волна по морю...

ГЛАВА VIII.

Бѣглое духовенство, принимаемое жителями старообрядческихъ посадовъ.—Прiѣздъ генераль-губернатора князя Н. А. Долгорукаго въ Добрянку для встрѣчи Государя Императора.—Репетицiя свѣвки старообрядцевъ для принятiя Царя въ новопостроенной церкви.—Споры посадовъ о томъ, кому подносить хлѣбъ—соль Государю Николаю Павловичу.—Разрѣшенiе сего спора княземъ Долгорукимъ.—Выборъ представителей изъ посадовъ старообрядческихъ для принятiя Государя.—Всеношная наканунѣ прiѣзда царскаго. Церковный выходъ къ встрѣчѣ Государя.—Вторичный прiѣздъ Императора Николая Павловича въ Добрянку, вмѣстѣ съ Государемъ наследникомъ, нынѣ царствующимъ Императоромъ.—Торжественная встрѣча на станцiи. Радость народная. Восторженные клики.

Бѣжавшiе въ посады бѣглые священники, изъ коихъ большая часть не оправдывали себя ни поведениемъ, ни строгимъ исполненiемъ своихъ обязанностей, должны были, наконецъ, надобѣсть благомыслящимъ старообрядцамъ и предрасположить ихъ къ желанiю имѣть законныхъ священниковъ. Случай къ этому въ настоящее время представлялся болѣе, чѣмъ когда либо въ волю Государя Императора. Оставалось правительству воспользоваться этимъ случаемъ съ должнымъ благоразумiемъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ исторiею бѣглаго священства въ Стародубѣ, тотъ не удивится,

что тутъ происходили самыя занимательныя и любопытныя сцены. Въ 1824 году, на примѣръ, въ посадѣ Злынкѣ засѣдатель новозыбскаго уѣзда, Михайла Ивановичъ Лысенко, на дорогѣ въ Злынку, не доѣзжая трехъ верстъ, наѣхалъ однажды на крытый возокъ съ сѣдокомъ и приказалъ своему кучеру спросить извозчика, сидѣвшаго на передкѣ возка: кто это ѣдетъ и откуда?

— О. Иванъ, отвѣчалъ извозчикъ, изъ Клинцовъ. — Обѣзжай, сказалъ засѣдатель своему кучеру и пошелъ скорѣе.

Подѣхавъ прямо къ ратушѣ, Лысенко приказалъ пятисотскому выслать къ въѣзду въ посадъ десятника, чтобы тотъ, какъ скоро покажется крытый возокъ, въ который запряжена вороная лошадь, съ двумя сѣдоками, тотчасъ же доставилъ его къ ратушѣ. Не прошло получаса, какъ у ратуши явилась вороная лошадь съ своимъ грузомъ. Засѣдатель, не обративъ вниманія на извозчика, попросилъ другаго сѣлока, прятавшагося въ возкѣ, выйти.

— Кто вы такой? спросилъ засѣдатель проѣзжаго.

— Священникъ, отвѣчалъ проѣзжій.

— Куда ѣдете?

— Въ Кіевъ Богу помолиться.

— А паспортъ есть?—спросилъ засѣдатель. Не говоря ни слова, проѣзжій вынулъ изъ боковаго кармана, лежавшую у сердца, ставленную священническую грамоту, и подалъ её засѣдателю съ болѣзненно умоляющимъ видомъ, съ трепетомъ ожидая что будетъ.

Лысенко развернулъ грамоту, и, смотря въ нее, распросилъ проѣзжаго священника: какой онъ епархіи, уѣзда и села?—Получивъ на все отвѣты, засѣдатель сказалъ милостиво: отецъ, пожалуйста сюда! ввелъ его въ залъ ратуши и сдалъ на руки пятисотскому.

— Я къ вамъ привезъ гостя, сказалъ Лысенко, войдя въ присутствіе, ратушнымъ, которые встрѣтили его съ поклонами. Прошу принять его ласково: онъ стоитъ того. Извольте-ка посмотрѣть его и распросить.

Бургомистръ и ратманъ вышли изъ канцеляріи, поговорили съ прїѣзжимъ священникомъ; тотъ сказалъ имъ, что онъ „пастырь добрый, ищущій стада, во еже упасти е на пажити божественныхъ ученій по древнему благочестію, егоже и самъ возлюбилъ отъ всея души, и сего ради остави домъ и отечество свое“...

Выслушавъ подобныя рѣчи о себѣ отъ новоявленнаго пастыря, ратушные возвратились въ канцелярію съ довольными лицами.

Замѣтивъ это, Лысенко сказалъ съ торжествующимъ видомъ.

— А что, славный вѣдь священникъ?

Противъ этого нечего было говорить.

— Чтоже, господа, дѣлать мнѣ съ нимъ? — продолжалъ онъ. Вѣдь по настоящему я долженъ заарестовать его и донести о его поимкѣ губернатору. Дѣло то и выйдетъ дрянъ! Не правда ли?

Всѣ согласились, что дѣло точно выйдетъ дрянъ, какъ изволить говорить его высокоблагородіе.

— Такъ вотъ что, господа, сказалъ засѣдатель, возьмите-ко вы его къ себѣ, къ Никитѣ великомученику. У васъ же кстати нѣтъ теперь священника. — Какъ видно, вы будете имъ довольны, да и онъ вами; а чтобы и я остался доволенъ, то пожалуйста мнѣ триста рубликовъ: Богъ троицу любить...

— Ваше высокоблагородіе! вы такіе добрые и милостивые, отвѣчали засѣдателю въ одинъ голосъ члены. Мы согласны, да только не можно ли, Михайло Ивановичъ, двѣсти рубликовъ взять.

— Что вы это, почтенные? отвѣчалъ имъ засѣдатель. — Да развѣ я запрашиваю? Не гогорю же я: шесть сотъ, пять сотъ... Ну къ чему эта торовля? Вы сами знаете, я человѣкъ присяжный, и если ужъ что сказалъ, то, значить, меньше никакъ не могу взять...

Нечего было дѣлать. Члены согласились, ударили по рукамъ, и пригласили о. Іоанна въ присутствіе.

На священникъ отъ страху лица не было.

Засѣдатель обратился къ нему съ суровымъ видомъ и, указывая на зеркало, потребовалъ, чтобы онъ по совѣсти священника объявилъ, куда ѣдетъ и за чѣмъ, потому что на богомолье ѣздить съ паспортами, а не съ грамотами. Священникъ смотрѣлъ то на того, то на другаго, и не зналъ, что ему говорить. Желая помочь ему, секретарь ратуши обратился къ нему, и совѣтовалъ говорить всю правду, замѣчая, что и Богъ де правду любить.

Тогда Іоаннъ упалъ въ ноги засѣдателю и признался, что онъ убѣжалъ отъ своего мѣста, по бѣдности и малочисленности прихода своего у котораго, служилъ, съ намѣреніемъ остаться гдѣ нибудь у старообрядцевъ, потому что издавна любить старообрядчество.

Г. засѣдатель похвалилъ его добросовѣстность, и, обратясь къ членамъ ратуши, предложилъ имъ принять его къ себѣ, а священнику совѣтовалъ просить старообрядцевъ, чтобы его приняли.

То и другое было выполнено безъ замедленія. Тутъ же члены старообрядцы и священникъ, ищущій старообрядческой паствы, помолились Богу.

Михайло Ивановичъ подалъ руку священнику и поздравилъ его съ мѣстомъ, а членовъ со священникомъ.

Положивъ руку на плечо Іоанна, и обращаясь къ членамъ, засѣдатель наказывалъ имъ, чтобы они батюшку любили...

А если не будетъ этого, почтенный бютюшка, прибавилъ онъ, обратись ко мнѣ; дамъ тебѣ другой приходъ лучше этого.

Бывали въ слободахъ случаи и въ другомъ родѣ. Въ 1826 году, на примѣръ, пріѣхалъ къ шеломовцамъ священникъ, и просилъ ихъ принять его къ себѣ въ посадъ на службу, увѣряя, что онъ оставилъ свой прежній приходъ единственно изъ любви къ древнимъ обрядамъ, а не для денегъ, и что доказательствомъ его безкорыстной приверженности къ старинному об-

ряду служить уже одно то, что онъ пріѣхалъ не въ многолюдный и богатый посадъ, какъ это дѣлають другіе, пріѣзжающіе въ посады священники, а въ бѣдныя и малонаселенныя Шеломы. Шеломовцы повѣрили; священника же кстати у нихъ тогда не было. Они взяли у него ставленную грамоту и оставили его у себя.

Черезъ нѣсколько времени сталъ носиться слухъ, что принятый шеломовцами за попа совсѣмъ не попъ, а простой мужикъ самозванецъ... Въ слѣдъ за слухомъ этимъ игумень покровскаго монастыря Рафаиль получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что пріѣзжій точно самозванецъ. Желая предостеречь шеломовцевъ, о. Рафаиль поѣхалъ къ нимъ самъ, и объявилъ имъ въ собраніи полученное извѣстіе. Но шеломовцы, вмѣсто того, чтобы повѣрить Рафаилу, заподозрили его въ намѣреніи увезти отъ нихъ такого прекраснаго священника. Въ этой мысли они задержали у себя доброжелательнаго игумена, а его кучера, поколотивши порядкомъ, посадили въ тюрьму. Цѣлую ночь волновался и шумѣлъ посадъ. О. Рафаиль, понявъ, что съ такими людьми, какъ шеломовцы, ничего не подѣлаешь, хотѣлъ было оставить ихъ въ покоѣ съ ихъ попомъ и уѣхать въ монастырь, но его не отпускали. Если, говорили, за свою клевету на нашего священника пришьешь ему къ храмовому празднику лучшія парчевыя ризы, отпустимъ.

Чтобы вырваться изъ западни, о. Рафаиль далъ слово прислать, и прислалъ. Но священникъ, понимая, что ожидать ему повторенія подобной исторіи не совсѣмъ удобно, забралъ свой скарбъ, и ночью же тихонько выѣхалъ изъ посада неизвѣстно куда. На память о его поповствѣ осталась шеломовцамъ его ставленическая грамота, оказавшаяся фальшивою...

У лужковцевъ разыгрывались сцены курьезнѣе описанныхъ даже. Надобно сказать, что Лужки, Воронки и Чуровичи почитали издавна, еще съ XVIII столѣтія, за тяжкій грѣхъ имѣть священниковъ *открытыхъ*. Принимая къ себѣ бѣглаго священника, от-

раничивались тѣмъ, что отбирали у него ставленическую грамоту и хранили у себя, а его муромомазывали, заставляя проклинять всѣ ереси и никоніанскую вѣру. Въ прочихъ посадахъ, сверхъ того, ставленическія грамоты предъявляли гражданскому губернатору; губернаторъ сносился съ архіереемъ той епархіи, изъ которой бѣжалъ поступающій къ старообрядцамъ священникъ, прося свѣдѣній о немъ, не состоялъ ли онъ подъ судомъ или слѣдствіемъ, и не былъ ли подъ запрещеніемъ священнослуженія. Напалъ однажды на лужковцевъ одинъ попъ Павелъ, принятый и считавшійся *неоткрытымъ* священникомъ у лужковцевъ. Долго онъ служилъ въ Лужкахъ и своевольничалъ до того, что начальникъ губерніи предписалъ однажды мѣстной полиціи взять его и доставить въ Черниговъ. Употребляла, или нѣтъ, мѣстная полиція какіе нибудь способы къ исполненію воли губернатора, неизвѣстно мнѣ, только знаю, что она аккуратно каждый мѣсяцъ рапортовала, что нѣтъ никакихъ средствъ взять Павла. Понадобилось содѣйствіе военнаго начальства.

Въ Лужки, подъ предлогомъ квартированія, присланъ былъ батальонъ солдатъ. Начальнику батальона секретно предписано было взять раскольническаго бѣглаго священника Павла. Какъ только пріѣхалъ въ Лужки батальонный командиръ, старшины посада старообрядцы явились къ нему съ хлѣбомъ—солью поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ къ нимъ, и просили его милость быть къ нимъ беззащитнымъ милостиву, не оставить ихъ своимъ высокимъ покровительствомъ, и прибавили, что они осмѣливаются увѣрить его высокоблагородіе, что онъ ими также будетъ доволенъ; а солдатики, дескать, его пусть погостятъ у нихъ: они имъ весьма рады...

Дѣйствительно, и та и другая сторона была довольна обоюднымъ короткимъ знакомствомъ. Г. маіоръ былъ человѣкъ стоворчивый, такъ что крестины, свадьбы, похороны, не совершались уже безъ его присутствія. Всегда и вездѣ у признательныхъ старообрядцевъ онъ

былъ первымъ гостемъ, а рядомъ съ нимъ всегда сидѣлъ бѣглый Павелъ...

Все это, однакоже, не мѣшало г. маіору постоянно доносить начальству, что раскольническаго попа Павла взять нѣтъ никакой возможности.

Продѣлка продолжалась болѣе года, и такъ какъ квартированіе солдатъ въ Лужкахъ оказалось бесполезнымъ, то они и были, наконецъ, выведены изъ посада.

Начальство однакоже не хотѣло компрометировать себя чрезъ бѣглаго попа. Гражданскій губернаторъ черниговскій нашелъ новый способъ для достиженія своей цѣли. Онъ вызвалъ къ себѣ новозыбковскаго исправника Сребдольскаго и сказалъ ему: г. исправникъ! я увѣренъ въ вашемъ благоразуміи и распорядительности, и надѣюсь, что вы одинъ сдѣлаете то, чего въ продолженіи болѣе года не могъ сдѣлать цѣлый батальонъ... Прошу васъ, поймайте мнѣ въ Лужкахъ негодяя, раскольничьяго бѣглаго попа Павла. Употребите всѣ мѣры, какія вы признаете полезными для его поимки.

— Извольте Ваше Превосходительство, отвѣчалъ исправникъ, постараюсь исполнить Ваше приказаніе.

— Будете награждены за это орденомъ, сказалъ губернаторъ; я даю вамъ мое слово.

Исправникъ поклонился и вышелъ.

Проѣзжая черезъ Злынку, онъ, позвавъ къ себѣ знакомую молодую и красивую лицомъ солдатку, сказалъ ей: послушай голубушка, сослужи мнѣ службу въ одномъ дѣлѣ, которое я тебѣ поручу. Ты мнѣ понадобится на мѣсяць, а можетъ быть на два, да хотя и на три,—вѣдь это для тебя все равно? Каждый мѣсяць я буду давать тебѣ жалованье по 25 рублей. А какъ сдѣлаешь мнѣ дѣло, такъ я, сверхъ того, подарю тебѣ сто рублей.

Солдатка выслушала его съ удивленіемъ и спросила: что же это за дѣло такое, что за него вы хотите сдѣлать меня богачкой?

— Ступай въ Лужки, сказалъ исправникъ, и наймись къ богатому купцу въ услуженіе. Тамъ въ Лужкахъ есть бѣглый попъ Павель; онъ квартиры не имѣетъ, а ночуетъ болѣе все у богатыхъ людей. Ты постарайся свести съ нимъ знакомство. Онъ любитъ подпитъ винца, да и вашу милость весьма жалуетъ. Я каждую среду и воскресенье, вечеромъ, буду прїѣзжать въ Лужки и ожидать отъ тебя нужныхъ для меня вѣстей объ этомъ дѣлѣ за посадомъ, на правой сторонѣ климовской дороги.

Молодая солдатка не отказалась отъ услугъ и получила за мѣсяцъ впередъ и деньги 25 рублей.

Прошло болѣе мѣсяца, пока солдатка разузнала къ кому изъ лужковскихъ купцовъ наняться, чтобы быть ближе къ своей цѣли.

Но наконецъ она нанялась таки къ такому купцу, у котораго рѣдкій день не бывалъ бѣглый Павель.

О. Павель не устоялъ противъ искушенія.

Насталъ наконецъ желанный для исправника день: предательница солдатка сообщила ему, что о. Павель обѣдалъ въ этотъ день у уставщика, и остался у него ночевать.

Съ нѣсколькими мужиками, въ глухую полночь, исправникъ явился у указаннаго ему дома и постучалъ. Неожиданное, какъ снѣгъ на голову, появленіе его въ такую глухую пору ошеломило хозяина, отпиравшаго ему ворота.

Не давъ уставщику оправиться отъ изумленія, исправникъ строго сказалъ ему, чтобы онъ велъ его туда, гдѣ у него спитъ бѣглый попъ, и не смѣлъ бы раскрывать рта. Перепуганному уставщику не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ только повиноваться; съ исправникомъ былъ его собственный надежный человѣкъ и становой. Хозяинъ ввелъ троихъ нежданныхъ гостей въ комнату, въ которой, не чуя бѣды, крѣпкимъ сномъ спалъ о. Павель. Его разбудили. Съ просонковъ онъ никакъ не могъ понять, что это за люди. Становаго-то своего онъ зналъ, но исправникъ и его человѣкъ

были ему совсѣмъ незнакомы. Исправникъ сказалъ Павлу: „почтенный батюшка! сдѣлай милость, повѣнчай вотъ этого добраго парня при мнѣ, а неvěста уже въ церкви дожидается“. — Вотъ тебѣ 25 рублей за твой трудъ, прибавилъ ловкій исправникъ, а за освѣщеніе церкви будетъ само по себѣ“. Исторія кончилась тѣмъ, что исправникъ свезъ на тройкѣ попа въ Черниговъ...

Былъ у климовцевъ на прим. также нѣкто о. Стефанъ, который служилъ много годовъ, былъ вдовый, нажилъ и скопилъ много денегъ. Не въ ущербъ этимъ достоинствамъ, была за нимъ и слѣдующая человѣческая слабость: онъ любилъ цаловаться съ хорошенками женщинами, особенно когда былъ „подъ рюмочкой“. Когда шутники прихожане подсмѣивались надъ его лобзаніями, онъ убѣдительно доказывалъ имъ, что дочерей духовныхъ ихъ духовному отцу цаловать не только не грѣшно, а и должно, по благочестивому обычаю древнихъ христіанъ, которые цаловались даже въ церквахъ. И снисходительные прихожане, нѣмѣя предъ такою богословскою утонченностію, охотно соглашались со своимъ добрымъ пастыремъ, оставляя за собою право, въ свою очередь, сообразоваться съ „благочестивымъ обычаемъ древнихъ христіанъ“. Справедливость требуетъ сказать, что о. Стефанъ, хотя и собиралъ деньги, но сребролюбцемъ не былъ. Онъ не жалѣлъ денегъ, давалъ ихъ охотно богатымъ купцамъ займы для купеческаго оборота, не отказывался дать займы и бѣдному, особенно тому, у котораго была хорошенка бабочка; для такихъ бѣдняковъ онъ имѣлъ широкое сердце и былъ къ нимъ необыкновенно милостивъ.

Чего бы кажется, лучше такого священника! но и его не миновала злоба діавола, вооружившая противъ о. Стефана тѣхъ самыхъ богатыхъ людей, которыхъ онъ одолжалъ деньгами. Кто не знаетъ, что деньги брать пріятно, а отдавать ихъ очень прискорбно. Какъ непріятно слышать постоянныя напоминанія и требованія со стороны кредиторовъ. Въ этомъ отноше-

ніи о. Стефанъ не былъ великодушнѣе другихъ; то одному, то другому, нѣтъ-нѣтъ, да и напомнить: а когда же вы мнѣ отдадите деньги по записочкѣ-то? Больно онъ уже наскучилъ своимъ должникамъ. Что же они выдумали, (конечно уже самъ лукавый научилъ ихъ)? Они выдумали сказать, что отецъ-де Стефанъ у насъ рукоположенецъ архіерея обливанца. А что же можетъ быть добро отъ архіерея некрещеннаго въ три погруженія. Обливаніе, всякъ знаетъ, нѣсть крещеніе, паче же оскверненіе. Вотъ они и распустили такую молву про о. Стефана по всему посаду, да сообщили ее и въ казанскій монастырь „тароторкамъ“ старицамъ: эти ненавидѣніемъ возненавидѣли прежде любимаго своего отца духовнаго; мало того, клеветники требовали не только запрещенія священства о. Стефану, но чтобы его и совсѣмъ въ посадѣ не было. Конечно многіе посадскіе знали изъ-за чего поднялась вся эта буря, но не могли защитить священника. Соблазнъ то былъ слишкомъ великъ! Что имъ за дѣло до его слабостей и грѣшковъ (онъ отвѣчаетъ за нихъ Богу); но ересь!..... это совсѣмъ другое дѣло. Ересь проклята соборами св. отецъ, а грѣха нѣтъ ни одного, который былъ бы ими проклятъ. О. Стефанъ былъ удаленъ отъ церковнаго служенія и требоисправленія. Дѣло его перенесено было общественниками, на окончательное заключеніе и постановленіе, въ Москву на рогожское кладбище. Рогожская контора, по разсмотрѣніи дѣла, нашла его весьма важнымъ и имѣла о немъ общее тщательное сужденіе. Члены конторы первоначально рѣшили было удалить священника Стефана отъ должности и выслать изъ посада, а надъ тѣми, кого онъ крестилъ и вѣнчалъ довершить сіи тайны повтореніемъ оныхъ, — и, порѣшившіе на этомъ, готовы уже были подписать свой приговоръ, какъ вдругъ возникъ вопросъ: надъ живыми, говорили, еще можно довершить совершенныя Стефаномъ тайны, но какъ быть съ умершими, которыхъ онъ исповѣдывалъ и пріобщалъ передъ ихъ смертію? Вопросъ этотъ поставилъ въ тупикъ весь московскій

соборъ. Какъ они объ немъ ни судили, ни рядили, не могли однакоже удовлетворительно разрѣшить его ни для себя, ни для черниговскихъ посадовъ. Тогда, по крайнему разумѣнію, они постановили: священника климовской Троицкой старообрядческой церкви о. Стефана оставить при Троицкой церкви, какъ былъ и прежде, исправлять ему всѣ священническія обязанности, какъ исправлялъ и прежде; дѣло его оставить суду и милосердію Божию. На будущее же время, въ принятіи священниковъ, къ нимъ приходящихъ имѣть тщательную и опасную осмотрительность.

Климовцы получивъ такое опредѣленіе изъ Москвы чрезъ о. Рафаила, приняли его съ готовностію, обѣ стороны оставили споръ и примирились между собою. О. Стефанъ опять принять былъ съ любовію.

Чтобы довершить побѣду надъ врагомъ церковнаго мира, климовцы положили пригласить изъ всѣхъ посадовъ старѣйшихъ, стоявшихъ во главѣ церковныхъ дѣлъ, старообрядцевъ въ Покровскій монастырь присутствовать при первомъ послѣ возникшаго несогласія богослуженіи о. Стефана и при этомъ соборно выслушать по его дѣлу опредѣленіе московскаго рогожскаго общества. Время было хорошее; дорога стояла зимняя славная (это было въ январѣ), и потому въ Покровскій монастырь наѣхало много старообрядцевъ со всѣхъ сторонъ—изъ Новозыбковки, Елеонки, Клинцовъ, Злынки, и изъ сосѣдней Митковки. Богослуженіе отправлено было самое торжественное, день былъ воскресный. За духовнымъ веселіемъ, слѣдовало и тѣлесное. Въ братской монастырской трапезѣ устроенъ былъ на общественный счетъ изобильный обѣдъ для всѣхъ гостей, а потомъ въ настоятельскихъ кельяхъ чай. Торжественное настроеніе старообрядцевъ выражалось, по ихъ любимому обычаю, церковнымъ пѣніемъ. Гости пропѣли всѣ воскресные догматики, много стихиръ и славниковъ изъ дванадесятихъ праздниковъ. Не доставшу вину, многіе настоятельно потребовали послать за нимъ въ Климову къ Козьмѣ Ѳ. Шапову. Такъ и

было сдѣлано. Пированье длилось всю ночь. Многіе утрудившись, тутъ же и расположились на покой. Миръ между пастыремъ и паствою окончательно, къ утѣшенію всѣхъ, водворился.

Всѣ такія и подобныя имъ исторіи, были мнѣ хорошо извѣстны, какъ бывшему жителю въ стародубскихъ посадахъ, и давали основаніе надѣяться, что если внимательно и благоразумно повести дѣло водворенія правильнаго священства въ посадахъ, и бдительно употребить въ настоящее время трудъ соотвѣтствующій важному сему дѣлу, то за успѣхъ ручаться можно. Благо, что самъ самодержавный Царь принялъ въ немъ участіе. Эти соображенія я крѣпко держалъ въ своемъ умѣ, — и нелишнимъ находилъ высказать ихъ отчасти и генералъ-губернатору князю Н. А. Долгорукову, 26 августа пріѣхавшему въ Добрянку ко встрѣчѣ Государя Императора. Долгоруковъ былъ человекъ разговорчивый. Представляя меня князю, Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ лестно отозвался обо мнѣ, не упустивъ случая объяснить, что я удостоился обратиться на себя вниманіе Государя Императора, по Высочайшей волѣ котораго и командированъ въ посады по дѣламъ раскольниковъ. Князь подалъ мнѣ руку и сказалъ: стало быть мы съ вами будемъ видѣться часто.

Съ этого времени князь просилъ меня обращаться къ нему всякій разъ, когда мнѣ будетъ нужно.

Съ пріѣздомъ властей въ Добрянку прибавилось и народу изъ всѣхъ посадовъ. Мнѣ нужно было заняться приготовленіями къ встрѣчѣ Государя Императора и я, не теряя времени, послалъ за уставщиками новозыбковской Рождественской церкви Чесноковымъ и злынской Никитской церкви Марахинымъ, прося ихъ пожаловать ко мнѣ со своими пѣвцами.

Они послушались. Собралось человекъ до тридцати. Мы начали репетицію и спѣли нѣсколько стиховъ. Я просилъ пѣвцовъ не пѣть слишкомъ громко въ присутствіи Государя, не тянуть, и не выдаваться го-

лосами одному противъ другаго. Мнѣ удалось устроить два хора, по двѣнадцати человѣкъ на клиросъ. Уставщикомъ для праваго клироса былъ выбранъ Чесноковъ, а для лѣваго Марахинъ. Правый клиросъ пропѣлъ, для пробы, „Херувимскую“ пѣснь, а лѣвый „Отца и Сына и Св. Духа“ и „Святъ, святъ“; потомъ оба клироса вмѣстѣ спѣли „застойникъ“ и положенный въ недѣлю вай стихъ: „Радуйся и веселися, граде Сіоне, торжествуй и ликуй, церкви Божіа: се бо Царь твой грядетъ къ тебѣ правдою“...

Эту послѣднюю стихиру, какъ приличную случаю, я назначилъ пропѣть торжественно обоимъ клиросамъ вмѣстѣ, какъ только Государь вступитъ за церковный порогъ. Проба была такъ удачна, что мнѣ ничего болѣе не оставалось желать, какъ только того, чтобы такъ пропѣто было и въ присутствіи Государя. Тѣмъ временемъ, какъ я успѣшно и безъ сопротивленія занимался съ пѣвцами, между старообрядцами завязался споръ о томъ, какимъ образомъ встрѣтить Государя, съ однимъ ли хлѣбомъ — солью отъ всѣхъ посадовъ, или каждый посадъ поднесетъ свою хлѣбъ—соль; одни находили болѣе приличнымъ первое, но большинство хлопотало о томъ, чтобы всякій посадъ поднесъ свой хлѣбъ, да и хлѣбы у всѣхъ были уже приготовлены. Спорили долго и обѣ стороны обратились наконецъ къ князю Долгорукову. Князь рѣшилъ, чтобы хлѣбъ поднесенъ былъ одинъ представителями отъ всѣхъ слободъ. По указанію самого князя, хлѣбъ—соль долженъ былъ держать въ рукахъ и подносить Петръ Петровичъ Давыдовъ, климовецъ, ассистентами его съ правой стороны назначенъ былъ Алексѣй Филатовичъ Аксеновъ, клинцовскій, а съ лѣвой — Семенъ Филипповичъ Кубанцевъ, новозыбковецъ. Этотъ новый фактъ расположенія старообрядцевъ къ Государю и замѣтное благопріятное настроеніе умовъ, собравшихся на встрѣчу своему Царю подданныхъ, доселѣ недружелюбныхъ и своенравныхъ, дали намъ понять, что исходъ всего предпринятаго Государемъ бу-

детъ хорошій. Минута благопріятнаго народнаго настроенія была дорога и чѣмъ ближе былъ день, назначенный для пріѣзда Государя, тѣмъ сильнѣе и тревожнѣе было ожиданіе старообрядцевъ. Добрянцы тревожились болѣе другихъ. Причиною этого было особенное обстоятельство, за которое мы опасались не мало. По маршруту первоначально назначенъ былъ обѣденный столъ въ Добрянкѣ; но 28-го числа назначеніе это перемѣнено; обѣдъ Государя долженъ былъ готовиться на первой станціи отъ Добрянки къ Чернигову.

Наканунѣ пріѣзда Государя я совершилъ въ новой церкви, вмѣстѣ съ священниками и діаконами, торжественную всенощную, которая продолжалась отъ половины седьмаго до одиннадцати часовъ. Церковь была полна народу.

Единодушіе полное, такъ что лучшаго хода дѣла нельзя было и желать. Я мысленно радовался за успѣхъ начатаго дѣла и засыпая послѣ всенощной на канунѣ пріѣзда Государя не разъ отъ глубины души произнесъ: слава Богу, слава Царю небесному.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый день пріѣзда Государя въ Добрянку 29 августа. Съ 10 часовъ утра я распорядился производить благовѣсты къ обѣднѣ. Народъ сошелся къ церкви во множествѣ. Мы приготовились служить соборнѣ, но только что прочитали входныя молитвы передъ часами, какъ Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ прислалъ исправника сказать мнѣ, чтобы я совершалъ обѣдню для Государя одинъ, безъ участія прочихъ священниковъ.

Меня это удивило, а сослужителей моихъ опечалило. Трое изъ почетнѣйшихъ старообрядцевъ тотчасъ же отправились къ г. Войцеховичу просить дозволенія участвовать и другимъ священникамъ въ богослуженіи. Войцеховичъ просилъ посланныхъ не беспокоиться и оставить служить меня одного, увѣряя ихъ, что Государь любитъ слушать обѣдню, когда она совершается однимъ только священникомъ, и что у него и во дворцѣ, въ Петербургѣ, всегда такъ служится обѣдня.

Нечего было дѣлать, пришлось служить мнѣ одному.

Совершивъ проскомидію, я пригласилъ священниковъ и діаконовъ облачиться и выйти со мною для встрѣчи Государя. Я несъ св. крестъ, одинъ изъ священниковъ по правую руку у меня св. воду, діаконы шли впереди съ кадилами. Это было въ исходѣ одиннадцатаго часа. Вся площадь и улица, по которой долженъ былъ слѣдовать Государь, были переполнены народомъ до того, что не гдѣ было упасть яблоку.

Ровно въ одиннадцать часовъ извоилиъ прибыть на станцію Его величество.

Увидѣвъ князя Долгорукова, онъ обратился къ нему съ вопросомъ.

— А что, князь, Добрянцы будутъ ходить въ церковь Богу молиться?

— Будутъ, Ваше Величество, отвѣчалъ князь. Впрочемъ вчера приходили ко мнѣ девять человѣкъ добрянцевъ объявить, что они не будутъ ходить въ церковь. Что прикажете съ ними сдѣлать, Ваше Величество?

— Прислать ихъ ко мнѣ въ Чугуевъ, отвѣчалъ Государь и поѣхалъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ къ церкви.

Неумолкаемые крики: ура! огласили весь посадъ и гулъ народный разливался по всѣмъ улицамъ посада и даже окрестностямъ его, какъ глухіе раскаты грома...

ГЛАВА IX.

Пріѣздъ Государя Николая Павловича въ нововыстроенную церковь. — Литургія въ Высочайшемъ присутствіи. — Любопытство при этомъ Императора Николая Павловича. — Впечатлѣніе, произведенное на старообрядцевъ присутствіемъ Государя вмѣстѣ съ ними въ церкви. — Обращеніе во время богослуженія въ церкви Императора къ женщинамъ старообрядкамъ и личное представленіе ихъ для полученія антидора. — Смятеніе старообрядокъ и потомъ изъясненіе ими благодарности Государю. — Торжественное принятіе Государемъ въ церкви старообрядческаго благословенія. — Рѣчь его къ народу въ присутствіи наслѣдника престола.

Въ день пріѣзда Государя въ Добрянку, масса народа, сплошною стѣною стояла по обѣ стороны ули-

цы, по которой слѣдовалъ экипажъ Государя. Старообрядцы забыли важную сектанскую рознь и въ общемъ крикъ: ура!!! слились въ единодушную семью подданныхъ русскаго царя. Еслибы такіе моменты, думалось мнѣ, были чаще въ жизни этого заброшеннаго народа, еслибы русское сердце его шевелили чаще встрѣчи и лицезрѣніе царей своихъ, то давно бы можетъ быть и въ поминѣ не было на Руси раскола.

При звонѣ колоколовъ, при общемъ радостномъ торжествѣ, Царь подъѣхалъ къ церковной паперти и вышелъ изъ коляски, поднимаясь по ступенямъ на самую паперть.

Въ это время я стоялъ на паперти въ полномъ облаченіи съ св. крестомъ въ рукѣ и съ двумя священниками.

Увидѣвъ меня, Его Величество изволилъ сказать: „здорово знакомый“!

Я поклонился ему и поднесъ св. крестъ. Когда Государь поцѣловалъ его, я окропилъ Его Величество святою водою и пошелъ обратно въ церковь, освящая путь для шествія Государя св. водою.

При первомъ моемъ взглядѣ на Государя, въ то время, какъ онъ входилъ на паперть, я не замѣтилъ на его лицѣ того пріятнаго и благосклоннаго выраженія, какое я видѣлъ въ кабинетѣ петергофскаго дворца, лице его выражало не спокойствіе, а тайную тревогу.

Едва онъ переступилъ церковный порогъ, какъ на обѣихъ клиросахъ торжественно запѣли: „Радуйся и веселися, граде Сіоне! Торжествуй и ликуй церковь Божія: себо Царь твой грядетъ къ тебѣ правдою“!

Я вступилъ на солею и остановился. Государь всталъ у праваго клироса. Кто можетъ описать то впечатлѣніе, которое произвелъ Государь своимъ присутствіемъ въ церкви на народъ, доселѣ укрывавшійся по часовнямъ съ бѣглыми попами? Многіе старики плакали отъ радости, женщины радовались какъ дѣти. Русское сердце сильнѣе забилося, и подъ кафтаномъ мужчинъ и подъ женскими платьями ихъ женъ и до-

черей. Вѣрноподданическое чувство русскаго челоуѣка, взявши верхъ, подавило все враждебное въ русской груди и лишь восторгъ и умиленіе наполняли душу каждаго...

Государь просіялъ и съ видимымъ удовольствіемъ осматривался, ловя впечатлѣніе присутствовавшихъ старообрядцевъ... Народъ въ церкви стоялъ благоговѣнно и съ усердіемъ, въ присутствіи земнаго царя своего, молился небесному Царю царствующихъ — и Господу господствующихъ. Предъ окнами въ оградѣ не было мѣста упасть яблоку... Ограда была запружена народомъ, такъ что трехъ саженой нельзя было пройти среди массы. Улица, прилегающая къ церкви и площадь представляли сплошную массу людей.

По окончаніи стиха, я поклонился Его Величеству, вошелъ въ алтарь и началъ божественную литургію. Служба началась и шла, славу Богу, очень стройно. Государь самымъ проницательнымъ взоромъ осматривалъ все окружающее его.

Когда, по заамвонной молитвѣ, я вышелъ раздавать антидоръ, Государь подошелъ первый. Тутъ я замѣтилъ, что лице его выражало полное удовольствіе. Раздавъ антидоръ мужчинамъ, я сошелъ со ступеней солеи для преподанія его женщинамъ.

Во все время раздаванія антидора, Государь зорче прежняго смотрѣлъ на всѣхъ, желая уловить, что было на сердцѣ у каждаго, получавшаго св. хлѣбъ.

Замѣтивъ что женщины, когда очередь дошла до нихъ, не шли къ антидору, а только поглядывали одна на другую, Государь быстро подошелъ къ нимъ, и взявъ первую изъ нихъ за руку и подводя ко мнѣ, сказалъ громко: извольте, сударыни, идти къ антидору! Этотъ поступокъ Государя такъ близко и родственно относившагося къ своимъ подданнымъ, произвелъ невыразимое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ... Быстрѣе электричества разлилось въ народъ чувство невыразимой радости и нѣмаго глубокаго умиленія. Женщины старообрядки сначала испугались Государя,

потомъ ободрясь пошли одна за другою къ антидору, при чемъ въ порывѣ благодарности къ Государю за его вниманіе къ нимъ, никѣмъ ненаученыя, стали кланяться Государю...

По лицу Государя можно было замѣтить, что это было ему весьма пріятно. Ко кресту, послѣ отпуста и многолѣтія Государю съ его Августѣйшимъ домомъ, всѣ шли уже безостановочно. Побѣда была полная!

Когда шли послѣдніе, на обоихъ клиросахъ начали торжественно пѣть: „Спаси, Господи, люди Своя“.

По окончаніи тропаря, я положилъ крестъ на престолъ, вышелъ изъ алтаря, положилъ такъ называемое у старообрядцевъ „начало“, состоящее изъ семи поклоновъ, которымъ начинается и оканчивается у насъ каждая служба, и обратясь къ народу, поклонился сначала Государю, потомъ на правый и на лѣвый клироса и на церковь. Въ это время Государь подошелъ къ солеѣ и попросилъ у меня благословенія.

Благословивъ Его Величество, я поцѣловалъ его руку. Замѣтивъ желаніе Государя поцѣловать мою руку, я поспѣшилъ отклонить ее, считая себя, какъ подданнаго, недостойнымъ такой высокой чести отъ своего Государя. Но онъ взглянувъ на меня какъ на служителя Божія, быстро взялъ мою руку, въ виду всѣхъ поцѣловалъ ее и сказалъ: дѣлать, такъ дѣлать все до конца!..

Послѣ Государя, принявшаго благословеніе отъ священника, совершавшаго богослуженіе по старообрядчески, и благословившаго Царя двуперстнымъ крестомъ, кто могъ потомъ не принимать уже моего благословенія? Государь хорошо обдумалъ напередъ, что слѣдовало дѣлать среди старообрядцевъ въ Добрянкѣ.

Подошедши къ солеѣ и обратившись къ народу Государь, возвыся голосъ, громко сказалъ:

— Такъ ли теперь священникъ служилъ, какъ прежде служилъ у васъ?

— Такъ точно! отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Такъ вы довольны такой службой? продолжалъ Государь.

— Довольны, Ваше Величество! отвѣчали ему. Довольны!

— Когда такъ, то знайте же, сказалъ Государь, что такъ она и всегда будетъ исполняться у васъ безъ всякой перемѣны. Я обѣщаю вамъ это за себя и за своего Наслѣдника [Государь указалъ рукою на Цесаревича Александра Николаевича, нынѣ царствующаго Государя Императора], но вольничать я вамъ не позволю. А что были у васъ попы, то забыть, забыть ихъ! я пришлю вамъ священниковъ хорошихъ, не пожалѣю своего придворнаго; который же будетъ не хорошъ, присылайте ко мнѣ, я дамъ другаго. Но вольничать, повторяю вамъ, не позволю! слышите ли? Откуда вы желаете имѣть себѣ священниковъ?

— Изъ Калужской губерніи, Ваше Величество, мы желаемъ имѣть священниковъ! отозвались многіе въ одинъ голосъ.

— Изъ Калужской губерніи и пришлю вамъ, сказалъ Государь, священниковъ хорошихъ: они будутъ молиться у васъ безъ всякой перемѣны, такъ, какъ вы молились прежде.

Постарайся увѣрить ихъ въ этомъ, сказалъ Государь обращаясь ко мнѣ.

Я поклонился и выразилъ готовность стараться, сколько Господь Богъ поможетъ, объ исполненіи воли Его Величества..

Въ это время отдѣлился отъ толпы старообрядцевъ и приблизился къ Государю уставщикъ рождественской церкви Чесноковъ.

Поклонившись въ ноги Его Величеству, онъ просилъ Государя не лишать ихъ церквей, которыя у нихъ есть, и не строить для нихъ новыхъ. Эта сцена произвела непріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Государь съ неудовольствіемъ сказалъ: да кто же ихъ у васъ отнимаетъ? и съ этими словами перемѣняя разговоръ онъ обратился къ князю Долгорукову и объявилъ свое же-

ланіе видѣть мѣсто, назначенное для постройки на казенный счет каменной церкви.

— Идемъ-те же сказалъ Государь.

На паперти онъ принялъ поднесенную ему хлѣбъ—соль и передалъ Долгорукову. Смотря на столпившихся слобожанъ, Государь замѣтилъ обращаясь къ князю: Князь! не правда ли, какой бравый народъ?

Когда Николай Павловичъ появился среди народа на площади, то неумолкаемое: ура! не прерывалось ни на минуту.

При осмотрѣ Государь одобрилъ мѣсто, выбранное для постройки каменной церкви, и, озираясь во всѣ стороны, обратилъ свое вниманіе на торговыя лавочки, стоявшія порознь другъ отъ друга.

— А что я думаю, сказалъ Государь, эти лавки можно сломать. Я выстрою вамъ каменный гостинный дворъ.

Нѣсколько голосовъ отвѣчали: можно, Ваше Величество!

Въ это время князь Долгоруковъ доложилъ Государю, не будетъ ли угодно Его Величеству осчастливить своимъ посѣщеніемъ домъ купца Переплетчикова, прежде всѣхъ изъявившаго готовность къ принятію законнаго священства, у котораго предположенъ былъ обѣденный столъ для Государя, до новаго распоряженія, надѣлавшаго столько безпокойства добрянцамъ.

— Хорошо! сказалъ Государь; а далеко ли это?

— Недалеко, Ваше Величество, отвѣчалъ князь, и ѣхать нужно мимо.

Государь сѣлъ въ коляску, пригласивъ и князя сѣсть съ собою, и среди неумолкаемаго: ура! поѣхалъ къ дому Переплетчикова.

ГЛАВА X.

Прибытіе Государя Николая Павловича послѣ обѣдни въ домъ купца Переплетчикова. — Встрѣча его съ хлѣбомъ и солью. — Разговоръ Государя съ хозяиномъ дома и хозяйкою. — Удивленіе его при видѣ хорошей обстановки въ домѣ. — Ликованіе народа. — Закуска въ домѣ Переплетчикова. — Свита Государя. — Обращеніе Императора къ женщинамъ старообрядкамъ на улицѣ. — Проводы Государя изъ Добрянки. — Народное впечатлѣніе. — Обѣдъ по случаю прибытія Государя у князя Долгорукова. — Отъѣздъ властей изъ Добрянки. — Излишняя ревность Городнинскаго исправника. — Невыгодное впечатлѣніе, произведенное на старообрядцевъ его распоряженіемъ. — Мои опасенія за дурныя послѣдствія отъ подобныхъ дѣйствій. — Сообщеніе о семъ въ С.-петербургъ графу Протасову. — Позднее сообщеніе калуж. еписк. Николая о избраніи священника Колпицына. — Сообщеніе о семъ отъ графа св. Синоду. — Определеніе Синода объ отправкѣ Колпицына въ Добрянку. Мой отъѣздъ въ Злынку.

Переплетчиковъ стоялъ уже у воротъ своего дома съ хлѣбомъ—солью, когда Государь подъѣхалъ къ его дому. Царь милостиво принялъ хлѣбъ, взялъ хозяина за руку и пошелъ по парадной лѣстницѣ, устроенной передъ домомъ на дворѣ, въ это время до тѣсноты наполненномъ слобожанами. Домъ Переплетчикова былъ двухъ-этажный, каменный, довольно хорошей архитектуры; лѣстница была покрыта богатымъ ковромъ, по сторонамъ ея стояли деревья и цвѣты. Государь спросилъ:

— Все это, хозяинъ, твое?

— Все мое, Ваше Величество! отвѣчалъ Переплетчиковъ.

Войдя въ комнаты, убранныя дорогою мебелью, зеркалами и люстрами, Государь быстро осмотрѣлъ всё съ удивленіемъ и замѣтилъ хозяину:

— А! вы любите жить хорошо: это пріятно!

Нужно замѣтить, что Императоръ Николай Павловичъ представлялъ старообрядцевъ старообрядцами и въ домашнемъ быту, т. е. живущими по старинному и имѣющими въ домахъ старинныя лавки вмѣсто стульевъ и кресель.

Все видѣнное въ домѣ Переплетчикова, произвело на него новое впечатлѣніе.

— Я хочу видѣть все твое семейство, сказалъ Государь хозяину.

Переплетчиковъ тотчасъ представилъ Его Величеству свою жену, двухъ сыновей съ женами, двухъ небольшихъ внучекъ сиротъ отъ умершей дочери своей, бывшей за купцомъ Бугаевымъ.

Государь удостоилъ хозяйку особеннаго своего вниманія и сказалъ: хорошо, что у васъ, какъ я вижу, дѣти уже устроены, а я еще о своихъ долженъ заботиться: мои еще не устроены.

Не имѣешь ли какой-нибудь просьбы до меня? спросилъ Государь, обращаясь къ хозяину дома.

— Не имѣю никакой, Ваше Величество, отвѣчалъ Переплетчиковъ. Славу Богу, всѣмъ доволенъ отъ Господа Бога!

— Что ты это хозяинъ! возразила жена его, какъ нѣтъ просьбы?

Обратясь къ Государю, и поклонившись до земли, она взяла за руки своихъ внучатъ и подводя ихъ къ Императору, сказала:

— Ваше Величество! вотъ этихъ сиротъ обижаютъ.

— Какъ обижаютъ и кто? спросилъ Государь.

— Обижаетъ ихъ отецъ ихъ, батюшка Государь! По смерти ихъ матери, а моей дочери, не отдаетъ имъ приданаго, которое мы дали ему за нею на большую сумму, да деньгами сорокъ тысячъ. Зять взялъ другую жену, а малютокъ своихъ совсѣмъ бросилъ: они вотъ у насъ и живутъ. Третій уже годъ дѣло идетъ въ судъ и по сю пору не можемъ ничего получить.

— Все получаютъ! сказалъ Государь, и, обратясь къ князю, приказалъ ему наблюдать за этимъ дѣломъ.

— Если у тебя будетъ какая-нибудь просьба, прибавилъ Государь, обращаясь къ хозяину, прямо пиши мнѣ въ Петербургъ.

Переплетчиковъ со всѣмъ своимъ семействомъ упалъ въ ноги Государю. Нужно ли говорить, что народъ

запрудилъ дворъ и улицу, гдѣ былъ домъ Переплетчикова. Его ликованію не было границъ при видѣ своего царя, пріѣхавшаго гостемъ къ одному изъ представителей старообрядчества... Заборы, крыши сосѣднихъ съ Переплетчиковымъ домовъ, все было усеяно народомъ.

Послѣ разговора съ хозяевами Его Величество подошелъ къ закускѣ и выпивъ рюмку вина за здоровье хозяина, сталъ закусывать.

Закуска Переплетчиковымъ была приготовлена великолѣпная. Свита царская, присутствовавшая съ Государемъ въ домъ Переплетчикова, придавала блескъ царскому посѣщенію. Народъ ждалъ съ нетерпѣніемъ появленія Царя изъ дома.

Нагостившись, Государь вышелъ наконецъ изъ дома гостепріимнаго хозяина, и, идя къ экипажу, вдругъ остановился на углу дома, быстро обернулся къ наполнявшему дворъ народу, и, обратившись къ женщинамъ, громко сказалъ:

— Будете ли ходить теперь въ церковь Богу молиться?

Не дождавшись отвѣта, Государь снова повторилъ свой вопросъ.

На этотъ разъ отозвались много голосовъ; мужчины отвѣчали за женщинъ: будутъ ходить, Ваше Величество! будутъ!

— То-то, ходить! продолжалъ Государь, а не то, по моему, мужья отвѣчаютъ за женъ.

Затѣмъ Государь вышелъ со двора, сѣлъ въ коляску, и тихо поѣхалъ по улицамъ Добрянки, среди ликующаго народа...

— Вы сегодня лучше смотрите на меня, веселѣе, говорилъ Государь добрянцамъ, чѣмъ въ прошедшій разъ когда я былъ у васъ.

Неумолкаемое: ура! былъ отвѣтомъ на эти слова.

Это были его послѣднія слова добрянцамъ.

Народъ бросился провожать своего царя и громъ криковъ „ура!“ долго сопровождалъ коляскѣ Государя и Наслѣдника, пока весь поѣздъ не исчезъ изъ виду.

Впечатлѣніе народное было въ этотъ день очень глубоко...

Послѣ отъѣзда Государя, все оставшееся въ поса-дѣ начальство было приглашено княземъ Долгоруковымъ въ его квартиру къ обѣденному столу. Обѣдъ былъ настоящій княжескій. Пили за здоровье Государя Императора, гостепріимнаго хозяина и гостей. Нѣкоторые изъ слобожанъ любопытствовали знать, не разрѣшу ли я за обѣдомъ на скоромное, потому что столъ, не смотря на постный церковный праздникъ, состоялъ преимущественно изъ скоромныхъ блюдъ. Я остерегся, и, какъ будто зная, что за мною будутъ присматривать, пригласилъ съ собою къ обѣду Переплетчикова, который сидѣлъ за столомъ со мною рядомъ, и на случай могъ быть свидѣтелемъ противъ клеветниковъ. За богатой трапезой нашлось для насъ довольно рыбнаго. Въ этотъ день я простился съ генералъ - губернаторомъ Долгоруковымъ, попечителемъ кіевскаго учебнаго округа Юзефовичемъ, черниговскимъ губернаторомъ Гессе и А. И. Войцеховичемъ. Прощаясь со мною, онъ сказалъ, что завтра 30-го августа ѣдетъ въ Кіевъ, и желаетъ мнѣ счастливыхъ успѣховъ въ исполненіи Высочайше возложеннаго на меня дѣла, въ чемъ впрочемъ и не сомнѣвается, и что онъ будетъ скоро писать графу Протасову и во второй разъ будетъ имѣть удовольствіе свидѣтельствовать предъ нимъ о моей способности и находчивости въ обращеніи съ старообрядцами. Такъ кончился незабвенный для всего стародубья день посѣщенія Государя Николая Павловича Добрянки и совокупнаго моленія со старообрядцами въ собственной Государевой церкви, подаренной старообрядцамъ. Въ пять часовъ утра, на другой день, т. е. 30 августа, я отправился въ церковь, отслужилъ по случаю тезоименитства Государя наслѣдника часы и молебенъ и написалъ рапортъ черниговскому преосвященному.

Слова Государя о Чугуевѣ исполнены были весьма неблагоразумно. На другой день торжественнаго

праздника въ Добрянкѣ, рано утромъ услышалъ я большой шумъ на улицѣ, которая была переполнена жителями Добрянки; изъ оконъ домовъ смотрѣло множество лицъ. Надобно было узнать, и что же оказалось? Это исправникъ распоряжался отсылкою въ Чугуевъ девяти человѣкъ, которые безъ всякаго размышленія сказали князю Долгорукову, что не будутъ ходить въ церковь молиться Богу. Исправнику заблагоразсудилось выпроводить ихъ не всѣхъ въ одинъ разъ, и какъ можно торжественнѣе, наперекоръ всякому благоразумію... Онъ отправилъ сначала четырехъ человѣкъ; дѣло происходило днемъ. Семейства ихъ, родные и знакомые сошлись на проводы, и провожали ихъ по главной улицѣ вдоль всего посада съ воплемъ и рыданіемъ. На этотъ шумъ выходили изъ домовъ остальные жители посада и присоединялись къ провожающимъ.

Не успѣла окончиться первая сцена, какъ началась другая, проводы пяти остальныхъ человѣкъ. Въ этотъ разъ собралось еще больше родныхъ, сосѣдей и знакомыхъ; никто не зналъ, куда и для чего отсылаютъ несчастныхъ, но всѣ въ нихъ принимали живое и горячее сочувствіе въ неожиданно постигшемъ ихъ несчастіи: разговорамъ и сужденіямъ не было конца, многіе съ горечью высказывались на крутую мѣру недавшую имъ одуматься, и всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на исповѣдниковъ и мучениковъ вѣры ради; всякій старался облобызать ихъ, и призывалъ на нихъ помощь Божію, чтобы они могли съ радостію перенести Христа ради разлученіе со своими семействами, благодушно претерпѣть страданія за вѣру и сподобиться мученическихъ вѣнцевъ. Эта картина возмутила весь посадъ. Даже тѣ, которыхъ я расположилъ уже принять единовѣріе, встревожились до послѣдней степени, роптали и негодовали на принятую мѣру, колебались въ своей рѣшимости имѣть правильныхъ священниковъ и выказывали готовность къ подобнымъ страданіямъ за вѣру. Я пригласилъ къ себѣ исправника и просилъ его объяснить мнѣ, для чего онъ такъ открыто препровождалъ арестантовъ, а не отконвоировалъ ихъ ночью?

— Смотрите, что вы надѣлали. говорилъ я исправнику. Вы своимъ неблагоразумнымъ распоряженіемъ уничтожили въ одинъ разъ все, что было сдѣлано въ теченіи нѣсколькихъ дней для расположенія старообрядцевъ къ исполненію воли Государя Императора и сдѣлали столько зла, что нужно много времени и трудовъ, чтобы изгладить впечатлѣніе страха и недовѣрчивости, которые закрались теперь въ сердца раскольниковъ, благодаря принятой вами мѣрѣ...

Исправникъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ опасался отпустить арестантовъ ночью, чтобы раскольники не отбили ихъ въ ночную пору у конвоя и не дали возможности бѣжать, а выпроваживалъ ихъ не въ одинъ разъ потому, что они не были собраны и готовы къ дорогѣ въ одно время.

Все это были конечно одни пустыя отговорки. У исправника нашлось бы много способовъ къ тому, чтобы отпустить арестантовъ по назначенію безъ огласки и шуму, если бы только онъ хотѣлъ этого. Все это такъ сильно встревожило меня, что я опасался за послѣдствія. Мною создаваемое дѣло разрушалось такъ безжалостно въ самыя опасныя минуты какимъ нибудь исправникомъ!... Немедля нимало, я написалъ объ этомъ въ Петербургъ къ графу Протасову, заканчивая свой рапортъ ⁽¹⁾ словами, что исправникъ Городнинскій возбуждалъ не только женъ и родственниковъ арестантовъ къ плачу и негодованію, но поднималъ весь посадъ, отъ мала и до велика, на ноги; улица тѣсна была для провожающихъ съ слезами и рыданіемъ гонимыхъ за благочестіе и вѣру... Поступокъ этотъ оскорбилъ до глубины души благонамѣренныхъ и ожесточилъ упорныхъ.—Весь этотъ день народъ потопалъ въ слезахъ и горести; благость и вниманіе Государя къ заблудшимъ открываютъ путь къ обращенію старообрядцевъ въ святую церковь, а дѣйствія, подобныя описанному,

(1) Рапортъ графу Протасову отъ 1-го сентября 1845 года за № 5.

погашаютъ расположеніе въ желающихъ такового присоединенія.

Съ прїѣздомъ Государя въ Добрянку я узналъ, что преосвященный калужскій Николай наконецъ, 13 августа, сообщилъ ⁽¹⁾ оберъ прокурору св. Синода графу Протасову о томъ, что онъ отправилъ 3 сего августа въ С.-Петербургъ признаннаго имъ по поведенію и образованію благонадежнѣйшимъ, священника медынскаго уѣзда села Капустникова Іоанна Колпицына, который только 12 числа августа прибылъ въ Петербургъ. Графъ Протасовъ провожавшій уже въ это время собиравшагося въ путь Государя Николая Павловича, относился по этому случаю въ Синодъ ⁽²⁾, что такъ какъ по особому Высочайшему повелѣнію отправленъ уже въ посадъ Добрянку священникъ Верховскій, и за тѣмъ не настоятъ уже надобности въ личномъ представленіи священника Колпицына на Высочайшее усмотрѣніе, то онъ поставляетъ долгомъ предложить святѣйшему Синоду объ учиненіи зависящаго постановленія касательно дальнѣйшаго назначенія сего священника, и вмѣстѣ о возвращеніи преосвященному калужскому выданныхъ заимобразно изъ суммъ архіерейскаго дома денегъ при отправленіи священника Колпицына въ С.-Петербургъ. Св. Синодъ, выслушавъ это сообщеніе графа Протасова 13 августа сдѣлалъ слѣдующее опредѣленіе ⁽³⁾: не представляя уже священника Колпицына къ Высочайшему усмотрѣнію, отправить его въ Черниговъ, съ тѣмъ, чтобы тамошній преосвященный, по предварительномъ соглашеніи съ командированнымъ по Высочайшему повелѣнію въ Добрянку управляющимъ канцеляріею святѣйшаго Синода, г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Войцеховичемъ, донесъ святѣйшему Синоду, куда онъ признаетъ нуж-

⁽¹⁾ Предложеніе оберъ прокурора гр. Протасова св. Синоду отъ 13-го августа 1843 года за № 5645.

⁽²⁾ Тамже.

⁽³⁾ Опредѣленіе св. Синода отъ 28 сентября 1843 № 245.

нымъ и полезнымъ назначить священника Колпицына для отправленія богослуженія. Преосвященный архіепископъ Павелъ доносилъ Синоду ⁽¹⁾, что еще до полученія указа объясняемо было имъ, преосвященнымъ, г. дѣйствительному статскому совѣтнику Войцеховичу о пользѣ назначить священника Колпицына къ добрянской единовѣрческой церкви; по новому же личному удостовѣренію преосвященнаго на мѣстѣ въ Добрянкѣ, онъ полагаетъ нужнымъ и полезнымъ назначить сего священника для отправленія богослуженія въ добрянской единовѣрческой церкви, потому что всѣ вообще добрянцы, кромѣ трехъ единовѣрцевъ, по увѣренію земскаго исправника Ждановича, миссіонера священника Зерцалова и самыхъ единовѣрцевъ, желаютъ имѣть при новоустроенной единовѣрческой церкви священникомъ назначеннаго правительствомъ изъ калужской епархіи. Преосвященный Павелъ просилъ немедленно отправить священника Колпицына въ Черниговъ для опредѣленія къ единовѣрческой добрянской церкви. Св. Синодъ постановилъ такое опредѣленіе ⁽²⁾: преосвященному архіепископу черниговскому предписать а) предварительно испытать священника Колпицына, довольно ли онъ свѣдуецъ и опытенъ въ отправленіи церковнаго служенія по обычаямъ единовѣрцевъ, и способенъ ли вполне исполнить все то, что можетъ быть нужно въ семъ служеніи, и если преосвященный удостовѣрится въ его опытности и благонадежности, то опредѣлить его въ посадъ Добрянку, буде прихожане того пожелаютъ, а буде не окажется способнымъ, то дать ему другое мѣсто; въ посадъ же Добрянку опредѣлить священника калужской единовѣрческой церкви. б) Если въ Добрянку опредѣленъ будетъ Колпицынъ, то предложить тамошнимъ прихожанамъ, не пожелаютъ ли они имѣть и священника калужской единовѣр-

⁽¹⁾ Донесеніе архіер. черниг. Павла св. Синоду отъ 15-го сент. за № 146.

⁽²⁾ Тамже.

ческой церкви другимъ своимъ священникомъ, при другой тамошней церкви, и въ случаѣ согласія дать ему сіе мѣсто, а въ святѣйшій Синодъ войти съ представленіемъ о назначеніи ему содержанія, въ противномъ же случаѣ имѣть сего священника въ виду для другаго мѣста.

Священникъ Колпицынъ, вслѣдствіе всей этой переписки, къ встрѣчѣ Государя въ Добрянку не попалъ, и я долженъ былъ встрѣтить Императора одинъ.

ГЛАВА XI.

Старообрядческій посадъ «Злынка». — Исторія явленія въ немъ раскола. — Состояніе жителей посада въ 1845 году. — Депутація членовъ ратуши и секретаря съ хлѣбомъ и солью. — Восторженные отзывы злынковцевъ о посѣщеніи Государемъ Императоромъ посада Добрянки. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ посѣщеніемъ. — Мое присутствованіе, по приглашенію, въ старообрядческой часовнѣ при богослуженіи. — Осмотръ Вознесенской единовѣрческой церкви. — Жалобы единовѣрцевъ на нововведеніе. — Умиротвореніе этихъ жалобъ. — Состояніе злынковской единовѣрческой церкви въ 1845 году. — Старообрядческая Каменка. — Исторія этого старообрядческаго мѣстечка. — Бесѣда въ безпоповщинской часовнѣ. — Мой отъѣздъ въ Новозыбковъ.

Посадъ Злынка находится въ 18-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Новозыбкова и заключалъ въ себѣ въ 1845-мъ году болѣе 3500 душъ обоего пола. Во время оно первыми поселенцами этой слободы были нѣкоторые купцы изъ городовъ Коломны и Орла, которые скоро завели между собою тѣсную дружбу и вошли по бѣглопоповщинской сектѣ въ діаконское согласіе: и при томъ не были такъ упорны, какъ многіе изъ старообрядцевъ противъ св. церкви; но только обливателное крещеніе почитали за недѣйствительное. Видя бѣглыхъ поповъ изъ разныхъ епархій, и отъ разныхъ архіереевъ у нихъ служащихъ, они стали толковать о томъ, что-де архіереи великороссійскіе и малороссійскіе въ единомъ соединеніи между собою пребываютъ; и поповъ во всѣхъ мѣстахъ и тѣхъ и другіе хиротонисуютъ безъ разбору. Почему, говорили, надобно принимать

въ ихъ согласіе приходящихъ русскихъ поповъ только тѣхъ, которые рукоположеніе имѣютъ по линіи отъ однихъ великороссійскихъ архіереевъ, безъ примѣшанія къ тому съ малороссійской стороны; на что и положили опредѣленіе таковое, чтобы новопришедшій къ нимъ попъ доказалъ не токмо о себѣ, но и о рукоположившемъ его епископѣ, и о томъ самомъ архіереѣ, отъ какого именно его рукоположившій архіерей былъ посвященъ, и такъ постепенно къ предкамъ до патріарховъ Никона, Іосифа и далѣе восходили... Когда такая линія о предшествовавшемъ священствѣ отъ попа показана будетъ, то онаго попа злынковцы положили принимать въ старовѣрство. Но попы бѣжавшіе къ нимъ, ни одинъ почти такой хронологіи о себѣ показать не могъ, и главный выдумщикъ такихъ затѣвъ орловскаго посада житель Ѳеодоръ Григорьевъ Сусловъ не успѣлъ въ томъ, что желалъ.

Когда поповщина выстроила въ Рогожской Ямской слободѣ въ Москвѣ на выгонной землѣ, подъ именемъ кладбища, свой монастырь и тамъ воздвигла огромный молитвенный, на подобіе церкви, домъ, или часовню, а для зимы теплую другую, со множествомъ келлій, въ коихъ водворялись монахи и монахини, бѣглые попы и діаконы, то злынковцы подпали подъ вліяніе этого кладбища, которое скоро стало имѣть до 20,000 душъ своего прихода въ разныхъ губерніяхъ...

Въ слободѣ Злынкѣ до явленія бѣглыхъ поповъ старики отправляли службу по одному часослову и псалтири, да еще была у нихъ одна четверть пролога, къ каковымъ книгамъ мужики такъ привыкли, что по другимъ никакъ молиться не хотѣли, думая, что во всемъ свѣтѣ больше книгъ нѣтъ. Одинъ изъ нихъ, бывши въ Москвѣ на Рогожскомъ и примѣтивъ у старообрядцевъ книгъ довольно количество, купилъ старопечатный Октоихъ на осмь гласовъ, и привезши въ Злынку, велѣлъ по оному за службою канонъ читать; но какъ только запѣли первый ирмосъ: „Колеснице гонителя Фараона погрузи“, то вдругъ поднялось несказан-

ное смущеніе. Что это за книга? кричали всѣ; на что она здѣсь? это по новой вѣрѣ... Хозяинъ книги и другіе посмысленнѣе сколько ихъ ни уговаривали, не могли увѣрить, что это постаринному; они снова кричали: „какая это книга? что въ ней за колеса, да Фараонъ написаны, въ печь ее, да сжечь“!

При посѣщеніи Злынки извѣстнымъ миссіонеромъ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ въ концѣ XVIII вѣка въ посадѣ этомъ была уже построена церковь во имя Вознесенія Господня 1789 года по благословенію таврическаго преосвященнаго и служилъ въ ней съ 1794 г. по древнепечатнымъ книгамъ опредѣленный къ оной священникъ отъ православной церкви.

Въ этомъ же посадѣ были при Андрѣ Іоанновѣ четыре публичныя часовни на подобіе церквей съ колокольнями, изъ которыхъ одна согласія диаконовщины, а три безпоповщинскія: — поморскаго, ѳеодосѣевскаго и новоженскаго согласій и бездна заблужденій до одиннадцати толковъ, кромѣ потаенныхъ, коихъ никто исчислить и понять не могъ.

На земляхъ тогожъ посада стояли безпоповщинскіе два монастыря, мужескій и женскій и въ нихъ службу отправляли — въ мужскомъ мужики, а въ женскомъ женщины и дѣвки.

Во время моего посѣщенія Злынки, этотъ посадъ представлялъ уже собою большое торговое мѣсто, въ которомъ было до 600 домовъ.

Земли при посадѣ нарѣзной до 1,994 десят.;

Въ Злынку я пріѣхалъ въ пятницу вечеромъ и остановился въ домѣ родственницы моей Настасьи Ѳеодоровны Осиповой. Въ 11 часовъ утра 1-го сентября, въ субботу, на другой день моего пріѣзда, явились ко мнѣ съ поздравленіемъ члены Ратуши, въ формѣ, и секретарь, принесли хлѣбъ-соль и предложили особую квартиру. Я благодарилъ ихъ за ихъ усердіе; но отъ квартиры отказался.

Начало было хорошее, и я, признаюсь, ничего этого не ожидалъ. Послѣ этого мнѣ оставалось составить

планъ, какъ дѣйствовать на злынковцевъ при столь благопріятномъ началѣ, и я его составилъ.

Въ два часа того же дня меня пригласили на обѣдъ къ почетнѣйшему изъ злынскихъ купцовъ Ермилу Тимоѳеевичу Санникову. Тутъ собралось болѣе двадцати человѣкъ, старшихъ въ посадѣ. Во все продолженіе обѣда только и рѣчи было, что о событіяхъ, совершившихся въ Добрянкѣ... Всѣ, бывшіе тутъ на лицо, непритворно радовались и благодарили Бога и Государя, откровенно выражая надежду, что они будутъ, наконецъ, имѣть правильныхъ и законныхъ священниковъ, а не какихъ нибудь приплецовъ, за которыхъ они вынуждены были платить тяжелые оброки гражданскимъ властямъ...

Личное посѣщеніе Государемъ Императоромъ посада „Добрянки“ отразилось, значитъ, и здѣсь благопріятнымъ образомъ; оставалось съумѣть воспользоваться выгоднымъ настроеніемъ злынковцевъ. Въ этихъ видахъ я всячески старался поддержать въ нихъ выраженную ими надежду, увѣряя ихъ, что законные священники будутъ истинными, достойными всякаго уваженія пастырями, и что они будутъ исправлять для нихъ богослуженіе въ церкви и всѣ требы по домамъ, совершенно согласно съ древними обычаями и древлепечатными книгами, безъ малѣйшаго упущенія.

Представители посада слушали меня охотно и рѣчь наша долго длилась на эту тему; я затронулъ въ слушателяхъ своихъ самую сердечную сторону; именно спасеніе души, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ дѣтей. Успѣхъ мой былъ на этотъ разъ полный, такъ что при прощаніи мои собесѣдники просили меня побывать у нихъ въ часовнѣ во время совершенія часовъ. Я благодарилъ ихъ отъ всей души и обѣщалъ исполнить ихъ желаніе.

Поутру, въ воскресенье, въ десятомъ часу я отправился въ часовню; тамъ служба уже шла. По окончаніи часовъ и молебна, я обратился къ богомольцамъ и поздравилъ ихъ съ праздникомъ и съ монаршею ми-

лостію, объявленою лично Государемъ 29 августа въ добрянской церкви. Я разумѣлъ тутъ, во-первыхъ, открытіе старообрядческихъ церквей, которыя стояли запечатанными, во-вторыхъ свободу богослуженія по древлепечатнымъ книгамъ, безъ всякаго измѣненія, и въ третьихъ дарованіе старообрядцамъ законныхъ священниковъ, по ихъ желанію, изъ калужской губерніи, свидѣтельствованныхъ въ безукоризненной добродѣтельной жизни и ревностныхъ къ святой службѣ; при этомъ я прибавилъ, что высказаннымъ ими самому Государю желаніемъ имѣть священниковъ изъ калужской губерніи они не должны стѣсняться, и что если они имѣютъ кого нибудь въ виду достойнаго священства, то могутъ объявить объ немъ,—и онъ будетъ опредѣленъ къ нимъ. На это мнѣ сказали, что у нихъ нѣтъ на примѣтъ такихъ священниковъ, да они и не желаютъ сами искать ихъ для себя,—потому что прежде они искали сами, и имъ рѣдко удавалось находить добраго священника, по своему желанію,—что, поэтому, они въ выборѣ священника совершенно полагаются на волю начальства. Кого оно пришлетъ къ нимъ, тотъ и будетъ имъ любъ, лишь бы только онъ самовольно не дѣлалъ никакихъ нововведеній, а всю бы службу Божию исправлялъ по уставу церковному и другимъ божественнымъ книгамъ, безъ нарушенія древняго обряда и обычая.

Я старался увѣрить всѣхъ въ этомъ, говоря, что нарушать ихъ желаніе нѣтъ никому никакой надобности, ни пользы; напротивъ увѣренія свои я подкрѣплялъ царскимъ словомъ, которое, говорилъ я, должно остаться также неизмѣнно, какъ и законъ, исходящій отъ устъ Царя. Окончивъ свою рѣчь, я поклонился народу, собравшемуся въ часовнѣ, а народъ мнѣ, и возвратился домой. Въ часовнѣ было болѣе двухъ сотъ душъ обоего пола.

Бесѣда моя и на этотъ разъ была удачна; оставалось надѣяться на самый лучшій исходъ дѣла.

На квартирѣ ожидали меня священникъ едино-вѣрческой Вознесенской церкви о. Николай Покров-

скій и церковный староста Алексѣй Тимоѳеевичъ Санниковъ. Познакомившись съ тѣмъ и другимъ, я объявилъ имъ волю архипастыря, чтобы они приняли меня, какъ лицо, уполномоченное имъ для осмотра единовѣрческихъ церквей.

При отъѣздѣ изъ Черникова архіепископъ Павелъ черниговскій снабдилъ меня предписаніемъ слѣдующаго содержанія:

„Согласно волѣ Его Сіятельства, господина оберъ прокурора святѣйшаго правительствующаго Синода, графа Николая Александровича Протасова, предлагается Вамъ обозрѣть единовѣрческія церкви, состоящія въ черниговской епархіи; священники и прихожане означенныхъ церквей обязываются оказывать Вамъ достодолжное вниманіе. По совершеніи же обозрѣнія не оставьте сообщить намъ Ваши замѣчанія“ (¹).

Изъ словъ единовѣрческаго священника и старосты можно было видѣть, что у нихъ въ Злынкѣ минувшія событія въ Добрянкѣ вызвали у всѣхъ благодушное ожиданіе и надежды на перемѣны къ лучшему. Эти ожиданія раздѣляли даже безпоповцы..

Пообѣдавши со своими гостями, я пригласилъ ихъ осмотрѣть со мною единовѣрческую церковь. Здѣсь мною все найдено въ должномъ порядкѣ и благоприличіи. Въ то время, когда мы осматривали церковь, въ нее мало по малу собралось значительное число любопытныхъ, между которыми были не только единовѣрцы, но и нѣсколько человѣкъ изъ безпоповцевъ. Всѣ они какъ будто ожидали чего-нибудь отъ меня. Замѣтивъ это, я приказалъ о. Покровскому прочитать собравшимся старообрядцамъ только что составленный нами, и подписанный священникомъ и старостою съ семью прихожанами, приговоръ, которымъ они обязывались не вводить въ своей церкви ничего новаго въ

(¹) Предписаніе Павла арх. черниг. отъ 15 августа 1845 г. за № 126.

богослуженіи, а если уже что-нибудь до сихъ поръ введено было, то навсегда уничтожить. Этотъ приговоръ составленъ былъ вслѣдствіе жалобъ на нововведенія, вошедшія будто бы въ богослуженіе при всѣхъ четырехъ слободскихъ единовѣрческихъ церквахъ, на которыя старообрядцы жаловались преосвященному черниговскому, какъ на нарушеніе древняго чиносодержанія. Въ жалобахъ этихъ было высказано между прочимъ 1) что св. древній антиминосъ, пришивающійся по старинному обычаю къ срачицѣ престола, былъ замѣненъ новымъ, открыто лежавшимъ поверхъ одежды престола. 2) Во время литургіи пѣли въ означенныхъ церквахъ „Достойно и праведно“ съ прибавленіемъ „поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу“, чего въ древнихъ служебникахъ не положено. 3) Пѣли „Видѣхомъ свѣтъ истинный“ и т. д., чего также въ старинныхъ служебникахъ не положено. Послѣ торжественнаго обязательства, даннаго причтомъ и прихожанами единовѣрческихъ церквей, уничтожить допущенныя нововведенія и на будущее время отнюдь не вводить ничего новаго въ церковной службѣ, совѣсть старообрядцевъ естественно должна была успокоиться... Принятая нами мѣра такъ поразила ихъ, что многие изъ нихъ прямо относили ее къ волѣ Государя, и спрашивали меня объ этомъ. Я отвѣчалъ имъ, что на то дѣйствительно воля Государя и духовнаго начальства.

По обзрѣніи злынковской единовѣрческой Вознесенской церкви я писалъ архіепископу черниговскому, что 1) хотя покойнымъ священникомъ Галкинымъ и были вводимы нѣкоторыя новоисправленные чиноположенія при богослуженіяхъ; но съ поступленіемъ къ оной, съ 1843 г., изъ числа миссіонеровъ, священника Николая Покровскаго, служба церковная отправляется во всемъ сообразно древнимъ чиноположеніямъ безъ малѣйшаго отступленія отъ старопечатанныхъ книгъ. 2) Вмѣстѣ съ поступленіемъ означеннаго священника Покровскаго по наклоненію и желанію его прихожанъ, для соблюденія единства съ прочими единовѣрческими

церквами и сближенія раскольниковъ къ единству церкви, замѣненъ открытый антиминсъ древнимъ, съ 1845 г. іюля 29 дня, въ исполненіе указа святѣйшаго правительствующаго Синода.

Что касается до самаго состоянія Вознесенской единоувѣрческой церкви въ посадѣ Злынкѣ, то я нашелъ, что

1) Церковь эта, очень ветха и во многихъ мѣстахъ имѣетъ течи. Дерево подгнило.

2) Утварію недостаточна и иконостаса не было.

3) По малочисленности и бѣдности прихожанъ церкви, за нѣкоторыми ея поправленіями въ ветхостяхъ, оставалась въ долгу и суммы въ наличности не имѣетъ.

4) Чтенія житій святыхъ отецъ при богослуженіяхъ бываемыя, за неимѣніемъ древлепечатанныхъ, исполнялись по новоисправленнымъ книгамъ.

5) Устава церковнаго не имѣлось, но служба отправлялась по минеямъ и октою.

6) Требника полного не имѣлось и во всемъ этомъ церковь имѣла крайнюю нужду.

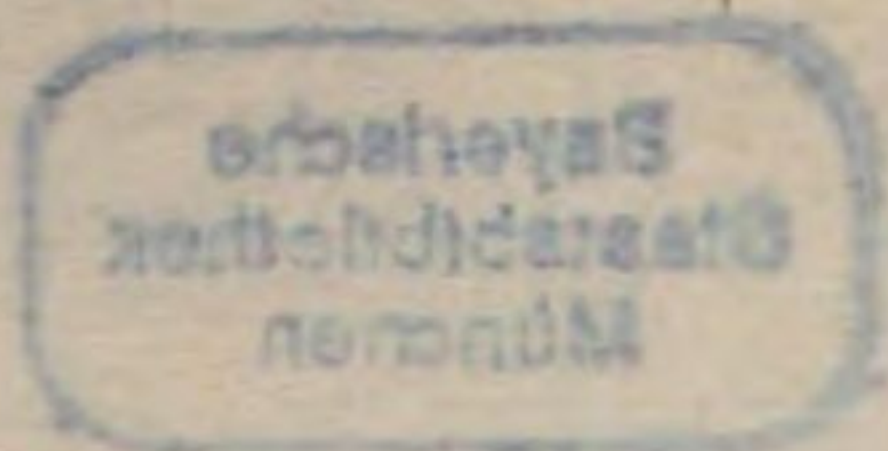
7) При церкви, съ 1832 г., начата постройкою отъ dobroхотныхъ дателей церковь каменная, но, за недостаткомъ наличной суммы, оставлена недоконченною и время отъ времени приходила къ упадку.

8) Въ примѣрномъ прилежаніи къ богослуженію и рачительномъ исполненіи христіанскихъ требъ со стороны священника Покровскаго, равно и должномъ отношеніи прихожанъ къ нему, обѣ стороны оставались обоюдно довольны и другъ къ другу очень благодарны ⁽¹⁾.

Оставивъ злынковскихъ старообрядцевъ въ самомъ лучшемъ настроеніи и распростившись дружески съ ними, я отправился чрезъ Каменку въ Новозыбковъ.

Трудно сказать, что это такое. По своему наружному виду это мѣстечко не мѣстечко, село не село,

⁽¹⁾ Все это засвидѣтельствовали письменно: церковный староста Алексѣй Санниковъ и другіе прихожане.

деревня не деревня, но по религиозно-нравственному быту ея жителей, это настоящій „камень соблазна“. Она населена исключительно женщинами и дѣвицами; мужчинъ совсѣмъ нѣтъ. Всѣ женщины старообрядки, но у нихъ не было ни часовни, ни отдѣльнаго молитвеннаго дома; молились ли они по домамъ, или нѣтъ, — это имъ знать. О происхожденіи этой старообрядческой женской общины, вотъ что мы можемъ сообщить.

Въ двадцатыхъ годахъ мѣстность Каменка, окруженная лѣскомъ изъ громаднхъ липъ, съ родниками и быстрою рѣчкой, понравилась одной богатой московской купеческой дочери, дѣвицѣ Евпраксіи Алексѣевнѣ Мошенской. Чрезъ своего довѣреннаго она устроила здѣсь нѣчто въ родѣ скита, который состоялъ первоначально изъ одного зданія съ разными службами, обнесеннаго оградой. Когда все было готово, Евпраксія пріѣхала изъ Москвы съ десятию, или около этого числа, спутницами и поселилась въ Каменкѣ. Въ числѣ ея спутницъ были двѣ, или три монахини: изъ нихъ одну старшую звали Манефой, другую Александрой; остальные были дѣвицы; женщинъ между ними было немного. Половина главнаго зданія отдѣлена была строительницею для моленной, которая, съ пріѣздомъ новыхъ обитательницъ, мало по малу украсилась св. иконами въ сребропозлащенныхъ ризахъ, унизанныхъ жемчугомъ, съ брилліантами и дорогими камнями. Открылось богослуженіе, при которомъ присутствовали, почти исключительно, однѣ обитательницы скита; рѣдко кого изъ постороннихъ допускали онѣ въ свою моленную. Каменскія скитницы принадлежали всѣ къ діаконскому согласію. Сосѣдняя Злынка и недалеко отстоящій мужской Малиноостровскій монастырь были тогоже согласія. Жить было скитницамъ привольно. Евпраксія Алексѣевна имѣла въ Москвѣ богатыхъ родственниковъ, впрочемъ уже принадлежавшихъ къ благословенной церкви. Во время моего пріѣзда въ Каменку, Евпраксія уже не было въ живыхъ. Управляла скитомъ мать Манефа, и я ѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы

пригласить ее съ ея сотрудницами присоединиться къ святой церкви, имѣя въ виду, въ случаѣ ихъ согласія на это, образовать изъ нихъ единовѣрческую женскую общину, вмѣсто упраздненнаго женскаго Никодимова монастыря. Такъ какъ мать Манефа со своими сотрудницами пользовалась, за строгую жизнь, уваженіемъ окрестныхъ старообрядцевъ, то ея община могла бы принести много пользы для распространенія единовѣрія среди старообрядческаго населенія.

Почтенная старица встрѣтила меня со своими скитницами какъ стараго знакомаго, котораго она еще въ 1827 году провожала изъ Никодимова монастыря въ Петербургъ. Съ того времени прошло уже восемнадцать лѣтъ, и она очень устарѣла. Я вступилъ съ нею въ бесѣду; въ присутствіи старшихъ по ней инокинь, объявилъ ей волю и желаніе благочестивѣйшаго Государя, чтобы у нихъ были законные священники, на условіи ненарушимаго сохраненія древнихъ обрядовъ, и сообщилъ ей свои виды объ устройствѣ и распространеніи ея общины, чтобы она, подъ ея управленіемъ, могла благотворнѣе дѣйствовать на всѣхъ, искренно ищущихъ душевнаго спасенія. Мать Манефа выслушала меня внимательно, не дѣлая никакихъ возраженій, и отвѣчала мнѣ благодарностію за мое предложеніе, но не изъявила согласія на преобразование своей общины и принятіе въ ней начальства, ссылаясь на свою старость, слабость здоровья и неопытность, какъ на помѣху въ трудномъ дѣлѣ начальствованія и управленія другими.

Что же касается до присоединенія къ св. церкви, то мать Манефа выразила свое желаніе приписаться къ церкви св. великотученика Никиты, когда, Богъ дастъ, опредѣленъ будетъ къ этой церкви правильный священникъ, и обращаться къ нему во всѣхъ своихъ нуждахъ, тѣмъ болѣе, что и теперь онъ, со своими сестрами, числятся прихожанами Никитской церкви. Впрочемъ, прибавила она, если гдѣ-нибудь въ здѣшнемъ мѣстѣ устроится монастырь, на подобіе того, какъ

былъ Никодимовъ, то она съ большой охотой перейдетъ со своими сестрами въ этотъ монастырь, и впередъ просить не лишитъ ихъ этой милости.

Поблагодаривъ добродушную старицу за ея вниманіе къ моему предложенію, и пожелавъ исполненія ея добраго намѣренія, я въ тотъ же день возвратился въ Злынку, душевно радостный о благополучномъ исходѣ дѣла въ Каменкѣ..

Было около восьми часовъ вечера, когда я пригласилъ къ себѣ въ Злынкѣ пятисотника и спросилъ его: можетъ ли онъ завтра, къ десяти, или одиннадцати часамъ, собрать прихожанъ безпоповщинскаго согласія въ ихъ моленную? Пятисотникъ сказалъ, что онъ можетъ это сдѣлать, и обѣщалъ извѣстить меня, когда безпоповцы будутъ собраны. Но на другой день, въ понедѣльникъ, онъ явился ко мнѣ съ просьбою отложить предположенное собраніе до семи часовъ вечера, потому что такъ пожелали ихъ старики. Я согласился. Ровно въ семь часовъ я былъ извѣщенъ, что безпоповцы собрались, и тотчасъ же пошелъ въ ихъ часовню, въ которой нашелъ болѣе ста человѣкъ, мужчинъ и женщинъ. Моленная была освѣщена, мѣстные свѣчи и паникадила были зажжены.

Вошедши въ часовню, я положилъ, по обычаю, „началь“ и обратясь къ народу, спросилъ: есть ли тутъ между ними наставникъ и просилъ указать мнѣ его? Мнѣ отвѣчали, что наставникъ у нихъ есть, но онъ третью недѣлю уже нездоровъ, и потому въ собраніи его нѣтъ.

— Жаль, сказалъ я, а мнѣ хотѣлось бы поговорить съ нимъ, вотъ при всѣхъ васъ, потому что онъ, хотя и наставникъ вашъ, но учить васъ не такъ, какъ должно, не постаринному, а поновому. Какъ бы вамъ самимъ, казалось, не видѣть, что вашъ наставникъ учить васъ противъ св. Евангелія и ученія св. апостолъ и святыхъ седми вселенскихъ соборовъ? Вотъ послушайте, дорогіе мои, не меня, а словесъ самого Икупителя нашего Господа Іисуса Христа.

При этомъ я взялъ Евангеліе, лежавшее на аналоѣ среди часовни, близъ иконостаса, нашелъ зачало 108 Евангелія отъ Матѳеа и началъ коротко и внятно толковать оное. Долго длилась моя бесѣда съ безпоповцами при торжественномъ собраніи церковномъ и успѣхъ оной былъ очевиденъ. Безпоповцы слушали внимательно и не проронили ни слова изъ говореннаго мною. Эту бесѣду свою я заключилъ слѣдующими словами.

— Послушайте, мои любезные собесѣдники, что говоритъ апостоль о наставникахъ вашихъ: *восхищай недарованное, да будетъ проклятъ...*

Не оскорбитесь на меня, мои добрые старые знакомые, за то, что я столько читалъ горькаго для васъ.. Я читалъ не свое, а Божіе слово. А вотъ вамъ и мое слово.

Отъ чистаго сердца совѣтую я вамъ и прошу васъ оставить ветхій этотъ квасъ, которымъ угощаютъ васъ ваши самозванные наставники. Ихъ и васъ да проститъ Господь Богъ. Не только царскую волю исполните вы, но и волю Божію. Этотъ самый моленный домъ вы освятите въ церковь, пристроивъ къ нему алтарь, изберете себѣ сами кого пожелаете, и его рукоположатъ вамъ во священника. Онъ будетъ совершать все богослуженіе неизмѣнно по старому: это будетъ строго вмѣнено ему въ непремѣнную обязанность. Скажите мнѣ, нисколько не стѣсняясь по совѣсти, согласны ли вы на это святое дѣло? Старшій между слушателями, отъ лица всѣхъ, отвѣчалъ мнѣ, что, они слышали, около 15 сентября будетъ съѣздъ въ Покровскомъ монастырѣ, поэтому до той поры посудятъ и порадятъ между собой и что усовѣтуютъ, съ такимъ отвѣтомъ и явятся ко мнѣ непремѣнно въ Покровскій монастырь. Затѣмъ онъ благодарилъ меня за мой трудъ и ласковое съ ними обхожденіе, и за то, что устроилъ я въ Вознесенской церкви, въ огражденіе стариннаго чина богослуженія отъ нововведеній. Теперь мы болѣе увѣрены, говорилъ онъ, чѣмъ прежде, что старинное служе-

ніе стѣсняться и измѣняться въ старообрядческихъ церквахъ не будетъ.

Замѣчательно, что во время моей бесѣды съ безпоповцами одинъ изъ моихъ слушателей, среднихъ лѣтъ, подошелъ ко мнѣ и просилъ меня указать ему въ книгѣ мѣсто, которое я только что прочиталъ. Онъ прочелъ его самъ и, обратясь къ собранію, сказалъ: „а что, православные, слышали-ли вы когда нибудь, чтобы наши уставщики и наставники читали намъ это? А я, вотъ вамъ Христосъ, не слыхалъ“!...

Моя бесѣда, продолжавшаяся съ семи часовъ до двѣнадцати, кончилась наконецъ, и подавала мнѣ добрыя надежды... День былъ не потерянь, и я благодарилъ за него Бога. На другой день (3 сентября), въ десять часовъ утра, пожаловали ко мнѣ злынковцы, Ермилъ Тимоѣевичъ самъ третій, съ проектомъ просьбы, составленной, по желанію общества, на имя оберъ-прокурора св. Синода графа Протасова, которою общество испрашивало себѣ у Его Сіятельства ходатайства объ ускореніи опредѣленія и присылки къ нимъ священниковъ. Я прочиталъ проектъ и, гдѣ нужно было, поправилъ его и дополнилъ, посоветовавъ отправить его къ графу въ Петербургъ по почтѣ. Сверхъ того они сказали мнѣ, что въ слѣдствіе распоряженія военного генералъ губернатора, которымъ 15 сентября назначено въ Покровскомъ монастырѣ собраніе изъ лицъ, избранныхъ обществомъ каждого посада въ такомъ числѣ, въ какомъ каждый посадъ пожелаетъ, начальникъ губерніи далъ предписаніе приступить къ выборамъ и командированію избранныхъ лицъ на означенное число въ Покровскій монастырь. Объ этомъ предписаніи начальника губерніи письменно извѣстилъ ихъ новозыбковскій исправникъ Алексѣй Григорьевичъ Сербодольскій. Я, съ своей стороны, просилъ ихъ не затрудняться этимъ распоряженіемъ, объяснилъ цѣль его, и советовалъ избрать людей не какихъ нибудь, и не для одной формы, потому что на собраніи, говорилъ я, будутъ разсматриваться всѣ просьбы, поданныя г. губер-

натору отъ жителей посадовъ, по общему для всѣхъ ихъ дѣлу, т. е. касательно опредѣленія къ ихъ церквямъ правильныхъ священниковъ, и по соглашеніи просьбъ, написана будетъ одна общая отъ всѣхъ посадовъ, съ изложеніемъ основанія и пунктовъ, которые опредѣлили бы условія существованія единовѣрческихъ церквей съ ихъ причтами и прихожанами, по примѣру Высочайше утвержденныхъ въ 1800 году московскихъ пунктовъ. Такимъ образомъ, говорилъ я, во всѣхъ посадахъ водворится порядокъ и единообразіе.

Злынковцы сами сознавали необходимость не терять времени и прислать къ нимъ скорѣе священниковъ; къ несчастію, этимъ не смогли распорядиться во время и дѣло въ этомъ посадѣ въ послѣдствіи затруднилось сильно, тогда какъ во время моего посѣщенія оно было такъ настроено, что имъ легко было поставить священниковъ и они приняли бы ихъ безъ затрудненія... Дорожа обстоятельствами и твердо помня русскую пословицу: „куй желѣзо, пока горячо“, я и при выѣздѣ изъ Добрянки писалъ преосвященному черниговскому ⁽¹⁾, что новые прихожане новой церкви въ посадѣ Добрянкѣ искренно желаютъ у себя имѣть священника черниговской Казанской церкви Алексѣя Соколова, который также съ своей стороны взаимно изъявилъ свою готовность, потому я просилъ владыку не умедлить откомандировать его, согласно желанію добрянцевъ, тѣмъ болѣе, что вновь присоединившимся добрянцамъ онъ будетъ благопотребенъ, какъ уже извѣстный по поведенію и богослуженію, такъ и по расположенію къ нему присоединившихся.

Устроивъ, при помощи Божіей, благополучнымъ образомъ дѣла въ посадѣ „Злынкѣ“, я, распростившись съ жителями самымъ дружелюбнымъ образомъ, въ 2 часа по полудни выѣхалъ въ „Новозыбковъ“.

(1) Рапортъ арх. черниг. отъ 30 авг. 1845 г. за № 4.

ГЛАВА XII.

Новозыбковъ.—Состояніе его въ 1845 году.—Первоначальное появленіе въ немъ раскольниковъ.—Никодимовъ монастырь.—Депутація изъ города.—Просьба старообрядцевъ Никольской церкви отправить у нихъ службу.—Мое затрудненіе по этому случаю.—Обозрѣніе единовѣрческой Преображенской церкви.—Благопріятное впечатлѣніе, произведенное событіями въ Добрянкѣ на старообрядцевъ новозыбковскихъ.—Бесѣда въ Христо-рожденственной церкви съ старообрядцами діаконовскаго согласія.—Мирный и утѣшительный исходъ этой бесѣды.—Торжественное и единодушное пѣніе старообрядцами вмѣстѣ со мною хвалебной пѣсни.—Пріѣздъ И. Тютчева въ Новозыбковъ.—Донесеніе графу Протасову и архіепископу черниговскому Павлу о Новозыбковѣ.—Нашъ отъѣздъ съ Тютчевымъ въ посадь «Шелѣмы».

Новозыбковъ, уѣздный городъ черниговской губерніи, лежитъ въ 120 верстахъ отъ губернскаго города Чернигова. При моемъ посѣщеніи его, въ 1845 году, въ немъ считалось болѣе 6,500 жителей обоего пола. Подъ Новозыбковымъ было наръзанной одной земли до 3,039 десятинъ и 1,093 сажень. Когда Новозыбковъ былъ еще слободою и мало заселенъ, то былъ очень дикъ. Люди, жившіе здѣсь, хотя и были между собой сосѣди, но не знали еще другъ о другѣ, кто они таковы, и какой вѣры, и потому всѣ другъ друга боялись и другъ другу не довѣряли, чтобы не подать о себѣ какого подозрѣнія...

Но какъ слобода эта многочисленностію народа наполнилась, тогда и люди мало по малу начали сводить между собою знакомство, и стали вопрошать другъ друга, отъ чего кто изъ Россіи бѣжалъ? Иной отвѣчалъ: я-де отъ вѣры ушелъ; а другой, я-де отъ креста, третій, я-де отъ церкви; иные же прямо говорили, что-либо отъ помѣщика, либо отъ рекрутства.

Непроходимые по всей стародубовщинѣ лѣса много способствовали ихъ укрывательству и заселенію.

Среди другихъ слободъ, слобода Новозыбковская (тогда называлась Зыбка) знаменитѣе другихъ почиталась. Въ ней жилъ нѣкоторый старикъ въ небольшой келейкѣ. Онъ первый выдумалъ вычитывать часы

по часослову и псалтирю; почему повѣсилъ у избенки своей доску, въ которую стуча по праздникамъ, на моленіе собиралъ народъ. Старики и старухи мало по малу привыкли ходить туда на богомолье, которое, по времени, въ такую вошло у нихъ привычку, что зыбковцы упростили онаго старика быть своимъ духовникомъ, который сосѣдей своихъ какъ умѣлъ, такъ и исповѣдывалъ; по исповѣди же просили старика, нѣтъ ли у него чѣмъ и причаститься? Старикъ прежде не хотѣлъ ни во что входить, а какъ увидѣлъ себѣ отъ того большую прибыль, то и нашелъ какія-то, какъ говорилъ онъ, старинныя крохи, которыя самъ въ новыя лепешечки тѣста запекалъ, и послѣ, раздробляя оныя, довольствовалъ чрезъ многіе годы народъ такимъ причащеніемъ; притомъ и всякія другія требы онъ же исправлялъ. Но какъ этотъ ихъ пастырь состарѣлся, а молодые въ слободѣ люди стали поумнѣе, то подговоря къ себѣ одного священника, привезли его въ Зыбку. Услышавъ объ этомъ, старикъ всѣми мѣрами старался слобожанъ не допускать къ принятію новаго попа. „Я вамъ духовный отецъ, говорилъ онъ, я васъ простилъ и разрѣшилъ, чего вамъ еще болѣе? а нынѣ какіе попы и гдѣ ихъ взять?“ И дѣйствительно, многихъ удержалъ отъ попа, такъ что, и по смерти его, нѣкоторые старики ни къ кому не ходили на исповѣдь, и безъ исправленія умирали.

За симъ попомъ явился здѣсь Патрикій попъ, который жилъ долгое время, но ни мало не просвѣщалъ людей, а еще нарочно въ невѣжествѣ удерживалъ.

Послѣ Патрікія слѣдовалъ попъ Іосифъ, который въ одномъ домѣ сдѣлалъ церковь, отдѣлилъ алтарь полотнянымъ иконостасомъ и началъ было въ оной литургисать. Но старообрядцы узнавъ, что попъ за обѣденною дѣлаетъ причащеніе, вознегодовали, и возопили: „Какой это попъ? Куда онъ ходитъ, уже самъ причащеніе дѣлаетъ, самъ причащается, и людей тѣмъ же хочетъ причащать: нѣтъ не хотимъ такого попа, батюшка отецъ Патрикій всегда бывало стариннымъ причащалъ.

Старикъ, видя, что обѣдня его не въ уваженіи, дабы не лишиться послѣдней у народа любви, оставилъ оную, и жилъ въ монастырѣ прочее время.

Въ 1783 г. здѣсь освящена была седьмая стародубская молельня, во имя Рождества Христова, чернымъ попомъ Іосифомъ, согласія діаконскаго, и осьмая, приходская, во имя Смоленскія Богородицы въ 1774 году августа 25 чернымъ попомъ Михайломъ, вѣтковскаго согласія. Здѣсь былъ освященъ и придѣлъ въ 1790 году, во имя св. мученицы Параскевы.

Подѣзжая къ Новозыбкову, я посѣтилъ Никодимовъ монастырь, отъ котораго родникъ ключевой воды остался единственнымъ памятникомъ. Приказавъ приготовить изъ родника въ дорожномъ самоварѣ чай, я самъ пошелъ осматривать знакомыя мнѣ мѣста. Тамъ стояли нѣкогда церкви, тутъ былъ домъ, въ которомъ прожилъ я съ 1817 по 1827 годъ; здѣсь, вокругъ монастырскихъ стѣнъ, красовалась когда то сосновая роща, за которою съ сѣверной стороны протекала довольно порядочная рѣчка. Все это запустѣло, или было уничтожено; роща была вырублена. Я грустно осматривался кругомъ... Мнѣ стало еще тяжелѣе, когда я пришелъ на кладбище, гдѣ былъ похороненъ одинъ изъ моихъ дѣтей.

По пріѣздѣ въ Новозыбковъ, 3 сент., я прямо отправился въ домъ бывшихъ моихъ близкихъ знакомыхъ Скорняковыхъ. Главы семейства Василя Васильевича Скорнякова въ живыхъ уже не было. Но меня съ большимъ радушіемъ встрѣтили, какъ стараго знакомаго, супруга его Анна Θεодоровна и старшій сынъ Алексѣй Васильевичъ, градскій голова, съ домашними. Скоро явился и зять ихъ, а мой родственникъ, священникъ единовѣрческой Преображенской церкви съ женою. Не успѣли мы какъ слѣдуетъ поздороваться, какъ явился поздравить меня съ пріѣздомъ г. полицеймейстеръ Плехановъ, а за нимъ и члены Магистрата, за членами человекъ двѣнадцать почетныхъ Новозыбковскихъ гражданъ, принадлежавшихъ къ вѣтковскому и

діаконовскому согласіямъ. Старшій между ними былъ Семень Филиповичъ Кубанцевъ, староста Никольской церкви вѣтковскаго согласія. Съ приходомъ новыхъ посятителей, полицеймейстеръ откланялся и ушелъ. Не долго были у меня и новые гости. При прощаніи Кубанцевъ отъ лица своего общества, прихожанъ Никольской церкви, усердно просилъ меня назначить день, чтобы вмѣстѣ съ ними помолиться въ ихъ церкви и этимъ утѣшить ихъ, потому что они давно уже не слышали божественной литургіи. Я отъ души поблагодарилъ ихъ за такую ревностную готовность быть примѣромъ братскаго единенія въ молитвѣ, но, не назначая дня, обѣщаль еще повидаться съ Семеномъ Филиповичемъ нарочито по этому предмету. Не безъ причины, при всей своей готовности исполнить пріятное для меня предложеніе, я не рѣшился съ перваго же разу дать слово. Между слободами съ давняго времени существовало соперничество, въ которомъ постоянно одерживали верхъ Клинцы. Они умѣли поддерживать свое первенство надъ всѣми единовѣрными себѣ посадами всегда и во всемъ, не смотря на то, что Новозыбковъ, повидимому, имѣлъ болѣе правъ на это первенство, какъ городъ. Я былъ твердо увѣренъ, что отслуживъ прежде всего въ Новозыбковѣ, оскорблю самолюбіе клинцовцевъ. Напротивъ, начавъ богослуженіе съ Клинцовъ, я могъ быть увѣренъ, что безпрепятственно послѣ того буду служить во всѣхъ остальныхъ посадахъ. Поэтому, при новомъ свиданіи съ Кубанцевымъ, я отказался служить у нихъ въ церкви подѣтъмъ предлогомъ, что съ часу на часъ жду по этому предмету новыхъ инструкцій изъ Петербурга.

На другой день, 4 сентября, явились ко мнѣ священникъ, церковный староста и нѣкоторые изъ прихожанъ единовѣрческой Преображенской церкви, и мы всѣ вмѣстѣ отправились въ церковь. Положивъ обыкновенный „началь“, я предъявилъ имъ архипастырское предписаніе, и произвелъ внимательный осмотръ. Найдя нѣкоторыя неисправности со стороны причта, вмѣ-

нилъ въ неотложную обязанность священнику устранить оныя и на будущее время не подавать ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы объ этихъ неисправностяхъ шелъ говоръ между прихожанами, и, что еще хуже, между разномыслящими... На вопросъ мой, продолжаютъ ли единовѣрцы во время обѣдни пѣть дополнителныя слова, которыя положены новоисправленными книгами, а въ древлепечатныхъ не полагаются, я получилъ отвѣтъ, что продолжаютъ пѣть. Чтобы не подавать болѣе раскольникамъ повода къ укоризнамъ и даже письменнымъ жалобамъ на нововведенія, я и здѣсь, также какъ въ Злынкѣ, составилъ журналъ и пригласилъ утвердить его своими подписями священника, церковнаго старосту и присутствовавшихъ при этомъ прихожанъ.

Въ четыре часа по полудни, общество прихожанъ раскольниковъ христо-рождественской церкви діаконскаго согласія прислало ко мнѣ своего уставщика Игнатія Никитича Чеснокова съ двумя почтеннѣйшими изъ прихожанъ, чтобы пригласить меня къ нимъ въ церковь. Я тотчасъ изъяснилъ свою готовность и пошелъ вмѣстѣ съ посланными.

Событія въ Добрянкѣ произвели самое благопріятное впечатлѣніе, и Новозыбковцы, какъ народъ болѣе другихъ слободъ общительный и развитый, приняли лучше другихъ извѣстіе о посѣщеніи самимъ Государемъ церкви Добрянской и приглашеніи всѣхъ старообрядцевъ къ единовѣрію, — такъ что за новозыбковцевъ мнѣ почти не предстояло никакихъ опасеній.

Въ церкви, куда меня пригласили, собралось довольно много мужчинъ, между коими были и женщины. Я вошелъ, положилъ началъ, и поклонился на обѣ стороны. Всѣ придвинулись ко мнѣ. Тогда отъ собранія отдѣлился одинъ старообрядецъ, подошелъ ко мнѣ, поклонился, и спросилъ:

— Съ миромъ ли и благимъ намѣреніемъ вы пожаловали къ намъ, батюшка?

— Это единственная цѣль моего прїѣзда къ вамъ, отвѣчалъ я. Не только съ миромъ и благимъ намѣреніемъ я прїѣхалъ къ вамъ, но и съ великою любовію и горячимъ желаніемъ вамъ всякаго добра, а болѣе всего душевнаго спасенія.

— Благодаримъ васъ покорно, сказалъ старообрядецъ и опять поклонился.

— Останутся ли церкви наши святыя, или отберутъ ихъ у насъ, какъ носятъ слухи?—Снова спросилъ онъ меня.

Не вѣрьте вы слухамъ, отвѣчалъ я. Не только останутся съ вами церкви ваши, но Государь Императоръ обѣщалъ прислать вамъ въ ваши церкви хорошихъ священниковъ изъ калужской губерніи. Игнатій Никитичъ! продолжалъ я, обратившись къ Чеснокову: скажи имъ, что Государь изволилъ сказать тебѣ объ этомъ въ новой добрянской церкви на твою просьбу.

Чесноковъ рассказалъ имъ, и тѣмъ торжественно подтвердилъ мои увѣренія.

— Что же, О. Тимоѳей, продолжали допрашивать меня старообрядцы. Эти присланные священники и будутъ у насъ молиться по древнему чину, безъ всякой отмѣны въ службѣ Божіей?

— Такъ точно, отвѣчалъ я. И объ этомъ тогда же Государь изволилъ сказать такъ: „вся служба ваша всегда будетъ совершаться у васъ безъ всякой перемѣны по старому обряду“, и въ подтвержденіе своихъ царскихъ словъ, указывая на Цесаревича, который тутъ былъ, прибавилъ, что Онъ говоритъ это за себя и за своего Наслѣдника.

Послѣ этого первый мой совопросникъ перекрестился, и, со слезами на глазахъ, сказалъ: Дай Ему, Господи, много лѣтъ царствовать за то, что онъ и о насъ, сиротахъ своихъ, изволить заботиться. А надо уже по совѣсти правду сказать: плохо безъ священниковъ крещенымъ людямъ жить! Дай то Богъ, чтобы они были у насъ поскорѣе. А ты, О. Тимоѳей, постарайся объ этомъ. Да долго ли ты у насъ проживешь?

— Пожалуй и долго, отвѣчалъ я, если не будете принимать законныхъ священниковъ. А если поймете милость царскую и свою душевную пользу, то мнѣ здѣсь нечего и быть долго.

— Отчегожь не принять, если, какъ ты опять говоришь, служба у насъ пойдетъ по старому, какъ у насъ и было?

— Не только говорю, сказалъ я, но и на дѣлѣ дѣлаю. Вотъ извольте-ка послушать, любезные и дорогие мои собесѣдники.

Тутъ я вынулъ изъ кармана журналъ, только что составленный и подписанный въ преображенской церкви, и прочиталъ имъ его громко.

— Эта неожиданная новость сильно понравилась имъ. Многіе изъ нихъ, въ одинъ голосъ, сказали: давно бы такъ! Если бы наблюдалось это и прежде, то прихожанъ у нихъ было бы больше!..

— Скажите же мнѣ теперь, послѣ всего, что я говорилъ и читалъ вамъ,—скажите добросовѣстно,—продолжалъ я, желаете ли вы принять священника правильнаго?

Большая половина собранія съ шумомъ отвѣчала: желаемъ! желаемъ!

— А когда такъ, сказалъ я, то прошу васъ всепокорнѣйше свое желаніе изъяснить мнѣ письменно, чтобы я могъ представить о немъ высшему начальству.

— Ладно, изготовимъ бумагу, отвѣчали мнѣ, безъ всякой отговорки, старообрядцы, и въ Покровскомъ монастырѣ вамъ доставимъ.

— Благодарю васъ душевно, сказалъ я, за все, что я слышалъ отъ васъ и видѣлъ въ этотъ благословенный вечеръ, въ святомъ храмѣ вашемъ, а болѣе того благодарю Господа Бога, такъ благополучно все устроившаго. Поблагодаримъ же Его всѣ вмѣстѣ за милость Его, явленную вамъ въ настоящій день!

Съ этими словами я обратился къ уставщику Ченокову и пригласилъ его вмѣстѣ съ другими помочь мнѣ пропѣть благодарственную пѣснь Богу и мы запѣ-

ли: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ! Днесъ воспріемлетъ Виолесемъ Сѣдящаго приено со Отцемъ! Днесъ Ангели Младенца рожденнаго боголѣпно славо-словагъ. Слава въ вышнихъ Богу—и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“!..

Такой неожиданный оборотъ бесѣды моею произвелъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. За нами хвалебную пѣснь запѣли и старообрядцы и все слилось мгновенно въ одну общую единоклубную семью... Отъ радости у насъ выступили на глазахъ слезы; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ общемъ, охватившемъ всѣхъ братскомъ умиленіи, плакали... Картина была торжественная!

По окончаніи хвалебной пѣсни мы съ уставщикомъ запѣли: „Спаси Господи, люди своя“ и т. д., а въ заключеніе всего пѣнія уставщикъ три раза протяжно возгласилъ: „Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй“! Послѣ того я положилъ „началь“, всё собраніе молилось со мною, и мы разошлись по домамъ въ самомъ братскомъ настроеніи и христіанской любви...

Многіе съ усердіемъ проводили меня до квартиры, гдѣ, не смотря на позднюю пору, ожидалъ меня Семенъ Филиповичъ Кубанцевъ, чтобы предложить мнѣ, отъ лица общества, занять приготовленную ими для меня другую квартиру, въ домѣ у него Кубанцева.

Нечего было дѣлать! Нужно было разстаться съ старыми знакомыми единовѣрцами, и уважить просьбу новыхъ *будущихъ* единовѣрцевъ...

Отказать въ этой просьбѣ было бы съ моей стороны весьма неблагоразумно. Мнѣ нужно было дорожить не только каждымъ дѣйствіемъ старообрядцевъ, но и словами даже.

Простившись съ семействомъ Скорняковыхъ и поблагодаривъ ихъ за радушное гостепріимство, я отправился съ Кубанцевымъ на новую квартиру. На 5-е сентября я ночевалъ уже на новомъ мѣстѣ.

Въ десятомъ часу утра этаго числа пріѣхалъ ко мнѣ полицеймейстеръ Плехановъ съ чиновникомъ осо-

быхъ порученій Иваномъ Ивановичемъ Тютчевымъ, командированнымъ изъ Чернигова г. Гессе для сопровожденія меня при моемъ объѣздѣ по слободамъ. Онъ привезъ мнѣ отъ Павла Ивановича письмо и поклонъ. Плехановъ поздравилъ меня съ новосельемъ. Мнѣ хотѣлось поближе познакомиться съ г. Тютчевымъ, котораго я долженъ былъ имѣть неразлучнымъ спутникомъ во время моихъ занятій съ старообрядцами. Я нечуждъ былъ опасенія, чтобы онъ не сталъ мнѣ мѣшать и подъ рукою противодѣйствовать. Тютчевъ тотчасъ же принялся объяснять мнѣ древность своей фамиліи, производя ее отъ Тютчева, который еще во времена оны при великомъ князѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ былъ посломъ отъ князя къ Мамаю. Теперь эта древняя фамилія, говорилъ Тютчевъ, имѣетъ трехъ представителей, въ лицѣ трехъ родныхъ братьевъ, изъ которыхъ онъ, Иванъ Ивановичъ, былъ старшимъ. Всѣ братья, по словамъ его, были довольны своимъ положеніемъ, и всѣ трое ничего болѣе не желаютъ, какъ только того, чтобы на службѣ приносить пользу ближнимъ. Пока мы разбирали родословную Тютчевыхъ, заботливая хозяйка дома успѣла приготовить намъ завтракъ, замѣнившій для насъ на этотъ день обѣдъ. Тѣмъ временемъ приготовлены были намъ и экипажи.

Не имѣя до времени никакого дѣла въ Новозыбковѣ, я простился съ добрыми хозяевами и со всѣми старообрядцами, коихъ оставлялъ на самой благопріятной дорогѣ къ единовѣрію, и поѣхалъ съ Тютчевымъ въ посадъ Шеломы. Обо всемъ, найденномъ мною въ Новозыбковѣ я донесъ въ С.-Петербургъ графу Протасову⁽¹⁾. Преосвященному черниговскому Павлу я доносилъ, что при обзрѣніи единовѣрческой новозыбковской церкви я нашелъ, что хотя издавна въ этой церкви во время божественной литургіи введены были прибавленія пѣть, „Достойно и праведно есть“, съ при-

⁽¹⁾ Донесеніе графу Протасову отъ 13-го сентября 1845 за № 7.

ложеніемъ: „поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй“; а равно и стихъ, — Видѣхомъ свѣтъ истинный“; а также-что на общее богослуженіе безвозбранно имѣли входъ малороссіяне и градскіе чиновники, брѣющіе бороды, что и продолжалось до моего пріѣзда, — но теперь служба церковная отправляется во всемъ сообразно древнимъ чиноположеніямъ, безъ малѣйшаго отступленія отъ старопечатныхъ книгъ. — Что касается наружнаго вида, то единовѣрческая церковь въ Новозыбковѣ была каменная съ деревяннымъ верхомъ, колокольня по мало-приходству и бѣдности не выстроена и самая церковь отдѣлкою еще не окончена; не оштукатурена внутри и снаружи и безъ боковыхъ папертей. Утварью церковью была достаточна, а иконостасъ еще устроивался. Прихожане священникомъ Семеновымъ были довольны, а равно и послѣдній свидѣтельствовалъ о должномъ усердіи прихожанъ къ церкви.

ГЛАВА XIII.

Старообрядческій посадъ «Шеломы», и бѣгствующее въ ономъ священство. — Состояніе посада въ 1845 году. — Бесѣда съ шеломовскими старообрядцами въ ихъ церкви. — Отвѣты старѣйшаго изъ нихъ. — Впечатленіе, произведенное въ этомъ посадѣ событіями, случившимися въ Добрянкѣ. — Благопріятные виды на единовѣріе. Отѣздъ въ слободу Свяцкую.

Шеломовскій посадъ, состоящій въ новозыбковскомъ уѣздѣ въ 6-ти верстахъ отъ города, былъ одинъ изъ небольшихъ старообрядческихъ поселеній. Въ шеломовскомъ посадѣ издавна явилась часовня вѣтковскаго согласія и когда старообрядцы стародубскіе, умножая часовни начали изъ Россіи поповъ похищать, и мысль этотъ въ обычай ввели, тогда и шеломовцы, ѣздя по селамъ, начали поповъ подговаривать и увозить въ свою свободу, за что отъ слобожанъ за хлопоты и труды и плату получали; — за тѣмъ, попы, узнавъ порядокъ слободской, начали и сами приходить въ слободы, и сказывать мужикамъ, что они старинную вѣру

полюбили; между каковыми многіе бывали непосвященные, и принимались безъ всякой справки..

Поживъ нѣсколько времени въ какой либо слободѣ, эти бѣглецы, ежели увидятъ, что тутъ доходы малы, то самовольно мѣста перемѣняли. Да и слобожане часто поповъ этихъ, по разнымъ причинамъ, мѣняли, и такъ исприхотничались, что надъ священниками властвовали, какъ надъ своими рабами; и хотя бы иной добрый былъ человѣкъ, но у нихъ общее къ нимъ было слово: „вы дѣлайте наше, какъ велимъ; вѣдь не мы къ вамъ, а вы къ намъ приходите“! Ежели жъ въ которой слободѣ попъ не нравился, а привезенъ онъ былъ изъ Россіи, то продавали его, какъ невольника, въ другой приходъ рублей за сто, и больше или меньше, смотря потому, какое число денегъ ими издержано было, когда его принимали и привозили къ себѣ... Впрочемъ, какой бы попъ ни бѣжалъ къ нимъ, и за какую бы вину отъ епархіальнаго архіерея священства лишенъ ни былъ, всегда находилъ готовое для себя мѣсто въ слободахъ; ибо мужики говорили: „онъ пришедши, прощеніе принесть къ намъ, такъ и Богъ проститъ“!

Сами слобожане, да и вся поповщина свидѣтельствуешь, что добрыхъ у нихъ священниковъ немного было. Почему народъ стародубскій хотя имѣлъ у себя ихъ, но развѣ сотый человѣкъ прямо усерденъ былъ къ нимъ, уваженія же и почитанія никакого къ нимъ не имѣли, а всѣ съ холоднымъ духомъ съ ними обращались, и будто принужденно для необходимыхъ требъ и содержали.

Въ 1845 году, во время моего посѣщенія посада этого въ немъ было жителей, 1,283 мужчинъ, 1,499 женщинъ. 2,782 обоого пола, въ томъ числѣ: купцовъ 75 муж., 83 жен. пола; мѣщанъ 1,108 муж., 1,313 жен., государственныхъ крестьянъ 100 муж., 103 жен. Домовъ 476.

Изъ числа жителей посада до 300 душъ занимались хлѣбопашествомъ; садоводство и огородничество

доставляли лишь продукты для мѣстнаго потребленія. Обыватели посада владѣли землею въ количествѣ 2,647 дес.; въ томъ числѣ подъ по селеніемъ, садами и огородами 146 десят., пахотной 1,274 десят., сѣнокосной 1,015 десят., подъ лѣсомъ 212 десятинъ.

Прибывши въ Шеломы мы расположились на квартирѣ. Тютчевъ тотчасъ же распорядился, чтобы шеломовцы сошлись на собраніе. Пока они собирались, къ намъ явились поздравить съ прїѣздомъ пятисотскій, церковный староста церкви казанской Божіей Матери, Ѳеодоръ Харитоновъ Москвинъ, уставщикъ Иванъ Семеновъ Непогодинъ и Павелъ Петровъ Домовъ, кандидатъ во іерея. Они предложили намъ напиться чаю и приказали поставить самоваръ. Случилось же такъ, что за чаемъ и сахаромъ понадобилось послать въ лавочку. Случайно взглянули мы на бумагу, въ которой завернуть былъ сахаръ, и—каково же было открытіе! Это былъ прелюбопытный счетъ, поданный обществу старообрядцевъ шеломовскихъ приходорасходчикомъ общественныхъ суммъ на издержки, сдѣланныя имъ, съ согласія общественниковъ, при водвореніи у нихъ бѣглаго священника.

„Извозчику, боровскому мѣщанину, Гаврилу Старикову, за труды его и употребленные расходы въ дорогѣ, по содержанію себя и священника 350 рублей. Да за священника долгу въ его мѣстѣ заплачено 115 рублей, по его показанію. Г. земскому исправнику (при сей вѣрной оказіи) 100 рублей; засѣдателю 100 рублей, стряпчему невозыбковскому тоже 100 рублей и г. становому 80 рублей.

Итогъ вышелъ довольно порядочный—845 рублей!..

Когда мы громко разбирали счетъ, пятисотникъ сильно конфузился и просилъ насъ не вѣрить ничему, что написано въ счетѣ, и счетъ, бывший въ рукахъ Тютчева, разорвать, или отдать ему. Разумѣется, Тютчевъ не согласился ни на то, ни на второе.

Въ это время пришли сказать мнѣ, что народъ уже собрался въ церковь и ожидаетъ меня.

Я просилъ Тютчева остаться въ квартирѣ, а самъ, въ сопровожденіи церковнаго старосты и уставщика, отправился въ церковь.

Послѣ „начала“ и обычнаго поклона собравшимся прихожанамъ, я поздравилъ ихъ съ великою царскою милостію, и передалъ имъ все, что обѣщаль Государь въ добрянской церкви старообрядцамъ, за себя и за своего Наслѣдника, касательно неизмѣнности ихъ старинныхъ обрядовъ при богослуженіи и въ совершеніи требъ.

— Какъ молились, говорилъ я, такъ и будете молиться. Только священниковъ такихъ не будетъ у васъ, какіе были прежде, а будутъ законно опредѣленные къ вамъ по вашему собственному желанію и избранію, священники не бѣглые, а явные, за которыхъ вы не будете платить денегъ и дѣлать напрасныхъ отягочительныхъ расходовъ на ихъ пріискиваніе и водвореніе въ своихъ посадахъ. Священники, которыхъ дадутъ вамъ, будутъ хороши какъ по службѣ, такъ и по поведенію, и не только сами не будутъ бояться новозыбковскихъ властей, а еще и за васъ, въ случаѣ нужды, будутъ заступаться предъ ними. Не хотѣлось бы мнѣ говорить вамъ, продолжалъ я, какую неожиданность мы нашли у васъ по пріѣздѣ въ посады, (тутъ я разсказалъ имъ, какъ неожиданно достался намъ означенный отчетъ). Теперь же вамъ даютъ настоящихъ священниковъ, только не будьте безъ священниковъ. Скажите же мнѣ, почтеннѣйшіе и любезнѣйшіе шломовцы, по совѣсти, желаете ли вы принять законныхъ священниковъ?

Старшій изъ старообрядцевъ, стоявшій впереди всего собранія, отвѣчалъ за всѣхъ, что когда другіе посады примутъ священниковъ, то они не отстанутъ отъ другихъ, но что до того времени они ничего болѣе сказать не могутъ. Когда же я сказалъ имъ, что и Злынка и оба прихода въ Новозыбковѣ изъявили желаніе принять правильныхъ священниковъ, и что не мѣшало бы и имъ послѣдовать примѣру своихъ едино-

вѣрцевъ и подать о томъ письменную просьбу; то онъ отвѣчалъ мнѣ на это, что они, шеломовцы, большею частию люди безграмотные, а если есть между ними нѣкоторые грамотѣи, такъ гдѣ имъ просьбы писать, да еще о такомъ великомъ дѣлѣ, какъ священство, а искать для этого ученыхъ—некогда.

— Нѣтъ ужъ, заключилъ онъ, какъ, Богъ дастъ, привезутъ священниковъ въ слободы,—въ тѣ поры вамъ же мы поклонимся въ ноги и будемъ просить и себѣ священника.

Понимая, что шеломовцы сказали все, что чувствовали, я не настаивалъ на своемъ предложеніи, а ограничился только тѣмъ, что спросилъ ихъ: правду ли старшій ихъ говорить? будетъ ли такъ, какъ онъ говорить? Когда они подтвердили слова своего товарища, а также и то, что писать просьбы не будутъ, я пообѣщалъ привезти имъ хорошаго священника, помолился Богу и оставилъ собраніе въ хорошемъ расположеніи къ единовѣрію... Вѣсть о событіяхъ въ Добрянкѣ и здѣсь, въ глухомъ мѣстѣ, произвела свое благотворное дѣйствіе... Безъ этого очевидно шеломовцы, какъ люди темнѣе другихъ посадскихъ поселенцевъ, не стали бы со мною и говорить, не только что не пустили бы въ свою церковь.

Порадовавшись благопріятнымъ надеждамъ на единовѣріе шеломовцевъ, я дружелюбно простился съ ними, чтобы ѣхать въ слободу „Свяцкую“ и разстался съ самымъ искреннимъ имъ благожеланіемъ; шеломовцы дружески проводили меня, и все кланялись...

Не теряя времени, мы съ Тютчевымъ выѣхали изъ Шеломовъ въ слободу „Свяцкую“.

ГЛАВА XIV.

Стародубская слобода „Свяцкая“. — Первые старообрядцы. — Перевезеніе сюда церкви изъ Вѣтки. — Исторія потопленія въ рѣкѣ и сожженія молніею этой церкви. — Бѣглецы. — Зависимость слободы отъ Вѣтки. — Мое раздѣленіе съ Тютчевымъ на двѣ квартиры. — Побѣгъ бѣглаго попа по прїѣздѣ нашемъ въ слободу. — Созваніе жителей въ моленную. — Бесѣда со старообрядцами. — Результатъ этой бесѣды. — Обѣщаніе жителей прислать депутатовъ въ Покровскій монастырь на совѣщаніе. — Вопросъ о старообрядческихъ школахъ, поднятый въ св. Синодѣ. министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія по повелѣнію Императора Николая Павловича. — Спображенія министерства народнаго просвѣщенія объ учебникахъ сихъ школъ. — Остановка этого дѣла.

Стародубская слобода „Свяцкая“, въ 1845 году называвшаяся посадомъ черниговской губерніи, суражскаго уѣзда, отстояла отъ уѣзднаго города въ 90 верстахъ и вообще представляла собою довольно уединенное и дикое поселеніе. Жителей въ ней считалось до 1.295 муж. 1.462 жен.; слѣдовательно 2.757 обоого пола.

Землею „Свяцкая“ владѣла въ количествѣ 2.018 десят. и 1.126 сажень. Первые поселенцы этой слободы были раскольники, переселившіеся сюда въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Вѣтка тогда населена была господскими и военными людьми, бѣжавшими изъ войскъ и разными бродягами и когда въ 1733 году, въ царствованіе Государыни Императрицы Анны Іоанновны, именнымъ манифестомъ велѣно было вѣтковцевъ снова въ Россію выгнать, съ объявленіемъ за отлучку милостивѣйшаго прощенія, то въ 1735 году полковнику Якову Григорьеву Сытину такое было дано повелѣніе, чтобы взявъ пристойную команду всѣхъ бѣглецовъ подъ стражею вывести въ отечество и разослать, кто откуда былъ, по своимъ мѣстамъ. Сытинъ взялъ съ собою пять полковъ войска, одинъ драгунскій, два казачьихъ, и два тысячные стародубскій и черниговскій, съ которыми, подошедъ искусно, окружилъ вѣтковцевъ отовсюду. Во всѣхъ мѣстахъ и ущелинахъ онъ нашелъ обоого пола народу до 40 тысячъ душъ. Обозрѣвъ всѣ

жилица, слободы, скиты, монастыри и разсыпанные по всѣмъ мѣстамъ кельи; нашелъ въ нихъ многихъ молодыхъ ребятъ и взрослыхъ дѣвокъ, незнающихъ, или необъявившихъ званія и мѣста своего рожденія.

Вѣтковцы просили полковника, чтобы церковь ихъ Покровская привезена была съ ними въ Россію, что и позволено имъ было, но какъ церковь она срублена была изъ бревенъ дубовыхъ, то вѣтковцы и положили, разобравъ ее, сдѣлать изъ бревенъ плоты, и водою по рѣкѣ Сожѣ перевезти въ стародубовскіе предѣлы въ глухое мѣстечко, названное слободою Свяцкою; прочія же части, какъ то: иконостасъ, доски и другую мелочь, которую невозможно было на водѣ сбересть, сухимъ путемъ туда же на коняхъ перетаскать, къ чему и было приступлено. Но къ несчастію старообрядцевъ, бревна, пущенныя плотомъ по рѣкѣ, погода разбила такъ, что дубъ безъ остатку весь потонулъ въ водѣ, а мелкія части, уже перевезенныя и положенныя на полѣ близъ Свяцкой, отъ молніи загорѣвшись, обращены въ пепелъ; остались только царскія врата, боковыя двери, и четыре иконы, кои и поставлены были въ свяцкой часовнѣ.

При выгонкѣ этой взяты были съ Вѣтки три попа, Іовъ, Варсанофій и Макарій, родомъ съ Дону, который съ дороги бѣжалъ, и въ Волощинѣ умеръ.

Слобода „Свяцкая“ сдѣлалась такимъ образомъ роднымъ дѣтищемъ Вѣтки и оттуда всегда получала бѣглыхъ поповъ, слѣпо повинуюсь во всемъ вѣтковскимъ уставамъ. Сообразивъ всю исторію глухой Свяцкой слободы, съ настоящимъ современнымъ ея состояніемъ, я пришелъ къ заключенію, что свяцкіе старообрядцы, какъ люди темнѣе другихъ слобожанъ, будутъ предъ мною упорнѣе другихъ и отчасти въ этомъ не ошибся...

Первымъ дѣломъ моимъ, въ слѣдствіе такихъ соображеній, было раздѣлиться съ чиновникомъ губернатора Тютчевымъ и занять разныя квартиры, иначе, соображалъ я, слобожане заговорятъ, что вотъ-де Питерскій священникъ съ брадобривцемъ и щенотникомъ общается, вмѣстѣ и квартируетъ; чего же тутъ ждать?..

Такъ оно и случилось! Старообрядцы, какъ оказалось потомъ, не хотѣли и явиться ко мнѣ, если бы я не занялъ особой квартиры отъ Тютчева.

Когда я пріѣхалъ въ Свяцкую, то попросилъ себѣ, какъ старообрядскому священнику, особую квартиру. Мнѣ отвели чистое помѣщеніе, гдѣ хозяйничала старушка, какъ мнѣ показалось, простая и добрая. Изъ ея рѣчей я могъ понять, что эта квартира назначена жителями посада для пріема пріѣзжавшихъ особъ.

Время было позднее. Старушка предложила мнѣ поужинать, но я отъ ужина отказался, а попросилъ себѣ стаканъ молока, съѣша отдохнуть. Старушка подала мнѣ молоко, указала на приготовленную постель за драпировкою и, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, отправилась въ свою комнату, чрезъ сѣни отъ моей.

Послѣ ея ухода, осматривая свою комнату, я замѣтилъ на полкѣ, гдѣ стояли иконы, довольно порядочный узелокъ, развернувъ который нашелъ въ немъ крестъ, эпитрахиль и требникъ. Тотчасъ же свернувъ вещи, какъ онѣ были, я узелокъ положилъ на старое мѣсто и только что послѣ этого легъ въ постель, какъ слышу, дверь моей комнаты потихоньку отворилась, и моя старушка хозяйка босикомъ вошла въ нее, осторожно добралась до полки, торопливо взяла узелъ и съ такою же осторожностію вышла вонъ. Стало быть, подумалъ я, мнѣ тутъ есть товарищъ...

На утро, только что я всталъ, какъ старуха была уже предо мною съ водою и полотенцемъ. Покончивши умыванье, я вышелъ въ комнату, чрезъ сѣни, гдѣ моя старуха хлопотала около самовара, и заговорилъ съ нею.

— Кто ты, говорю, родная моя, хозяйка что ли этого дома?

— Нѣтъ, отвѣчала она. Я вдова и живу въ этой квартирѣ по милости общества съ тѣмъ, чтобы присматривать за комнатами, а когда пріѣзжаютъ особы, вотъ примѣромъ какъ вы пожаловали, прислуживаю имъ, что прикажутъ, то и дѣлаю.

— А ты кто? спросила меня старуха.

— Священникъ, отвѣчалъ я, да еще и такой, какъ ваши, старообрядческій, и присланъ сюда посмотришь вашихъ священниковъ, гдѣ они есть: такъ ли они живутъ у васъ, постарообрядчески ли, по святому ли древнему обряду? А гдѣ нѣтъ священниковъ, туда я привезу хорошаго попа, чтобъ онъ служилъ по старому. У васъ вѣдь бабушка въ Свяцкой-то есть священникъ, аль нѣтъ?

— И, батюшка родимой ты мой! голосила старуха: какой у насъ священникъ? давнымъ давно уже его у насъ не бывало. За грѣхи наши нѣтъ у насъ ихъ.

— Послушай, старуха, сказалъ я. Зачѣмъ же ты неправду-то говоришь? Грѣхъ вѣдь лгать. У васъ есть священникъ, это я знаю навѣрное. Если бы онъ и здѣсь былъ, я бы его не тронулъ. Богъ съ нимъ!

— Батюшка, родимой, вотъ-те Христосъ не лгу! божилась старуха.

— А зачѣмъ ты, говорилъ я, вчера какъ я спать легъ, тихонько входила въ мою комнату, и взяла съ полки узелокъ съ крестомъ, эпитрахилью и священнической книгой? Я вѣдь все видѣлъ, да не мѣшалъ тебѣ. Богъ съ тобой! Гдѣ же попъ-то, скажи мнѣ?

Старуха поклонилась мнѣ въ ноги, и, умоляющимъ голосомъ, увѣряла меня, что это былъ дѣйствительно священникъ изъ Спасовой слободы, изъ Гомеля, и проездомъ остался было ночевать у ней, да вотъ какъ я пріѣхалъ, такъ онъ и съѣхалъ со двора и поѣхалъ домой, въ Гомель.

Старуха правду говорила, что у нихъ не было постоянныхъ священниковъ. Слобода бѣдная; народъ все простой и грубый. Трудно было тутъ и жить священнику осѣдлому.

Пока я бесѣдовалъ со старухой, пришелъ мой спутникъ Иванъ Ивановичъ Тютчевъ. У него была своя исторія. Поутру явились къ нему двое изъ общственниковъ съ гостинцемъ, состоявшимъ въ двадцати пяти рублевыхъ ассигнаціяхъ; Тютчевъ порядочно пошумѣлъ на нихъ и хотѣлъ отправить ихъ въ тюрьму..

Начало было видимо дурное, и я принялъ должныя мѣры осторожности, рѣшившись вооружиться кротостію и терпѣніемъ. Почтительно и съ любовію, я высказалъ желаніе видѣть слобожанъ въ ихъ часовнѣ. Тютчевъ хотѣлъ распорядиться согнать ихъ безъ церемоніи въ кучу, но я этого не допустилъ. Слобожане меня послушались. Пришедши въ часовню вѣтковскаго согласія я засталъ слобожанъ въ большомъ сборѣ. Это радостно подѣйствовало на меня. Если собрались, думаю, то, при помощи Божіей, что-нибудь да сдѣлаю добраго; бѣда если бы никто не пришелъ. Силой въ послѣднемъ случаѣ ничему не поможешь, да я и не рѣшился бы прибѣгать къ ней.... Вошедши въ часовню я помолился и сдѣлалъ поклоны, обратясь къ народу. Мы отвѣчали поклонами же.

Обратившись къ слобожанамъ, я самымъ дружественнымъ образомъ сталъ объяснять имъ, для чего я присланъ въ посады и что въ моемъ пріѣздѣ они должны видѣть милость Государя Императора, который, скорбя о нихъ, какъ отецъ скорбитъ о дѣтяхъ своихъ, умирающихъ съ голоду, позаботился о томъ, чтобы ихъ, лишенныхъ духовной пищи, сдѣлать причастниками Божественной трапезы, въ единеніи со святою апостольскою церковію, и что безъ этого единенія они и спасенія получить не могутъ. При этомъ я объявилъ имъ волю Его Величества, чтобы они приняли правильныхъ священниковъ, которыхъ пришлютъ имъ изъ калужской губерніи.

На мои рѣчи никто не отвѣчалъ ни слова; всѣ только кланялись.

Если не противорѣчатъ, думалъ я, то и это уже добрый знакъ; я рѣшился напомнить подробнѣе о Государѣ и сказалъ:

— Слышали Вы о проѣздѣ Государя Императора чрезъ Добрянку? Слышали, какъ онъ былъ милостивъ, что выстроилъ на собственный счетъ для васъ церковь и самъ въ оной молился вмѣстѣ со всѣми старообрядцами. Ужели вы не оцѣните такого вниманія нашего великаго Царя?

И на эту тему я говорилъ долго, пока не подѣйствовалъ на слушателей благопріятнымъ образомъ...

Свою бесѣду я заключилъ словами, что въ слѣдующій же пріѣздъ свой привезу съ собою хорошаго священника, который съ усердіемъ будетъ у нихъ служить и молиться Богу въ ихъ церкви.

На это въ отвѣтъ мнѣ кланялись. Я питалъ увѣренность, что отъ хорошаго священника они не откажутся, особенно если старообрядцы главныхъ посадовъ подадутъ имъ въ этомъ примѣръ.

Напомнивъ своимъ слушателямъ, чтобы они къ 15 числу сентября, согласно распоряженію начальства, выбрали изъ среды себя двухъ или трехъ человекъ и прислали въ Покровскій монастырь на совѣщанье о единовѣріи и получивъ ихъ согласіе на это, я оставилъ моленную, сдѣлавъ обычныя поклоны св. иконамъ и народу. Мнѣ отвѣчали поклонами же и дружелюбнымъ прощаніемъ...

— До свиданія, други мои, въ Покровскомъ монастырѣ! сказалъ я на прощанье, выходя изъ моленной.

Вотъ тутъ, думалъ я, возвратившись въ свою квартиру, крѣпко нужна школа; и вопросъ о школахъ единовѣрческихъ, кои Государь Императоръ приказалъ послѣ перваго проѣзда чрезъ Добрянку завести въ стародубскихъ слободахъ, занялъ меня серьезно. Дѣло это было начато, и св. Синодъ еще 11 іюня 1845 года, по возвращеніи Государя въ Петербургъ изъ Добрянки во время первой его поѣздки, заслушалъ предложеніе (1) оберъ прокурора графа Протасова съ изъясненіемъ сообщеннаго г. министромъ вн. дѣлъ Высочайшаго повелѣнія касательно учрежденія по главнымъ раскольническимъ слободамъ простыхъ приходскихъ или уѣздныхъ школъ. Сообразивъ отношеніе г. министра вн. дѣлъ съ правилами Высочайше утвержденными въ 1836 году касательно обученія поселянскихъ дѣтей, и

(1) Арх. дѣло канцел. оберъ прокурора св. Синода подъ № 38

съ свѣдѣніями, поступающими въ св. Синодъ на основаніи распоряженій о приведеніи тѣхъ правилъ въ дѣйствіе,—св. Синодъ нашель: 1) что по симъ правиламъ приходскими священно и церковнослужителями заведено при церквахъ и домахъ своихъ первоначальныхъ школъ до 3719, 2) что въ школы эти поступаетъ нѣкоторое число раскольническихъ дѣтей, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, т. е. когда родители ихъ живутъ въ селеніяхъ, гдѣ находятся церкви, и не слишкомъ упорны въ своемъ заблужденіи, и 3) что для исполненія объявленной Высочайшей воли упомянутыя правила и основанія, приспособленныя къ быту простыхъ поселянъ, не могутъ быть достаточны какъ потому, что для раскольниковъ, проживающихъ въ богатыхъ и главныхъ своихъ слободахъ, обучающихъ дѣтей скрытнымъ образомъ, въ видахъ приготовленія ихъ къ промышленности, торговлѣ, счетоводству и въ особенномъ намѣреніи вкоренять въ нихъ привязанность къ расколу, потребно обученіе въ большемъ развитіи и Государю Императору благоугодно, чтобы были заведены именно приходскія или уѣздныя школы, такъ и потому, что въ главныхъ раскольническихъ слободахъ, по большей части, имѣются церкви и духовенство (¹)“. Св. Синодъ, значить, желалъ школъ.

Министерство народнаго просвѣщенія сообщало оберъ-прокурору святѣйшаго Синода (²), что по дѣлу объ учрежденіи, по Высочайшему повелѣнію, школъ въ раскольничьихъ слободахъ черниговской губерніи, даны были надлежащія наставленія начальству кіевскаго учебнаго округа, которое донесло, что Государь Императоръ, въ бытность свою въ Добрянкѣ, въ августѣ 29 числа Высочайше повелѣть изволилъ чрезъ генералъ-губернатора князя Долгорукаго „со школами погодить,

(¹) Опредѣл. св. Синода 11 Іюня 1845 г.

(²) Отношеніе департамента министерства народнаго просвѣщенія къ оберъ-прокурору св. Синода отъ 23 сентября 1845 г. № 9301.

пока не будутъ церкви и при нихъ священники,—а между тѣмъ заняться всѣми нужными для школъ соображеніями. Въ Добрянкѣ же, гдѣ церковь уже построена, можно открыть школу уже и теперь, но и здѣсь не прежде какъ тогда, когда будетъ назначенъ къ ней постоянный священникъ“.

Вникая въ условія, могущія обезпечить успѣшный ходъ предположенныхъ заведеній, управляющій округомъ обратилъ ближайшее вниманіе на преподаваніе закона Божія, какъ на важнѣйшій вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ. По свѣдѣніямъ, имъ полученнымъ, для преподаванія закона Божія и церковнаго языка въ учреждаемыхъ между раскольниками школахъ, должны быть приняты учебными книгами:

1) Азбука или Букварь старопечатный. 2) Часовникъ старопечатный. 3) Псалтирь старопечатный. 4) Катихизисъ, краткій и пространный: первый, печатанный при патріархѣ Іосифѣ, второй, при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ. 5) Священная исторія, заимствованная изъ хронографовъ, степенныхъ книгъ, древнихъ лѣтописей и изъ Баронія (уважаемаго старообрядцами). 6) Толкованіе Богослуженія и обрядовъ по книгамъ Симеона Θεσσαλονикскаго и другихъ св. Отцевъ, а главное по древлепечатнымъ служебникамъ.

Министерство народнаго просвѣщенія спрашивало св. Синодъ, слѣдуетъ ли помянутыя книги допустить въ новоучреждаемыя въ раскольническихъ слободахъ школы.

На этомъ дѣло и закончилось пока. Вопросу о школахъ единовѣрческихъ суждено было затянуться на долго, и не принести пользы церкви православной въ той степени, въ которой они могли бы принести, если бы на этотъ предметъ обращено было больше вниманія. Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

ГЛАВА XV.

Старообрядческій посадь «Клинцы». — Краткая исторія заселенія онаго старообрядцами. — Состояніе посада въ 1845 году. — Вліятельныя лица въ посадь. — Бесѣда съ старообрядцами въ домѣ Аксенова. — Впечатлѣніе, произведенное на жителей посада Клинцовъ посѣщеніемъ Государемъ Императоромъ Добрянки. — Книжные споры въ домѣ Карташова — Фанатизмъ слѣпой старообрядки — Бесѣда въ домѣ Кубарева. — Посѣщеніе старообрядца фабриканта Исаева. — Рѣшеніе клинцовскихъ старообрядцевъ на общемъ собраніи всего посада. — Депутація старообрядцевъ съ просьбою открыть богослуженіе въ вознесенской церкви. — Всеобщая радость и торжество перваго богослуженія въ посадь — Слезы любви и благодарности Государю Императору. — Ликованіе народа. — Вседневный звонъ. — Всеобщія поздравленія. — Торжество богослуженія въ Троицкой церкви. — Новыя ликованія народа. — Вседневный и торжественный звонъ во всѣхъ церквяхъ. — Донесенія о торжествахъ въ С.-Петербургъ къ гр. Протасову, въ Черниговъ къ архіепископу Павлу и въ Кіевъ къ А. И. Войцеховичу. — Посѣщеніе Никольскаго монастыря. — Жалкое его состояніе. — Пьяная братія. — Прощаніе съ клинцовцами и отъѣздъ въ посадь: «Еленку».

Старообрядческій посадь „Клинцы“, находящійся въ суражскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, при р. Турослѣ, въ 38 верстахъ отъ уѣзднаго города, началъ населяться старообрядцами еще до 1700 года, въ то время, когда въ слѣдъ за образованіемъ раскола въ Россіи 1667 года раскольники вообще стали заселять „Стародубье“. Строгій указъ, послѣдовавшій противъ стародубскихъ раскольниковъ въ слѣдъ за окончаніемъ бунта Никиты Пустосвята указываетъ на то, что между стародубцами были участники и въ бунтѣ Хованскаго, или дѣйствовавшіе изъ Стародубья, или бывшіе въ Москвѣ, но убѣжавшіе изъ столицы въ Стародубье. Этимъ вполнѣ объясняется, почему бѣглые попы Козма и Стефанъ съ нѣсколькими толпами навсегда удалились изъ Стародубья, а другіе поспѣшили испросить снисхожденіе присоединеніемъ къ православной церкви. Мѣстныя начальства вновь выдавали дозволеніе раскольникамъ на занятіе разныхъ мѣстностей въ Стародубьѣ. Владѣльцы земель охотно дозволяли раскольникамъ селиться на ихъ земляхъ, съ тѣмъ, чтобы они, спустя льготные годы, работали на нихъ.

Клинцовцы поселились на землѣ Борозны. Но самое огромное число раскольниковъ прибавилось въ Клинцахъ послѣ перваго раззоренія Вѣтки (1736 г.) и очень много ихъ скрылось здѣсь же при второмъ раззореніи Вѣтки (1763 г.). Въ это время въ Клинцахъ явились уже 3 часовни и считалось 626 душъ муж. пола и 597 душъ женск. пола.

Въ 1743 г. московскіе наставники Данилова толка говорили: „нигдѣ лучше жить нельзя старообрядцамъ, какъ въ Стародубѣ: оно стоитъ близъ рубежа; окажется нужда бѣжать, можно уѣхать въ Польшу, минуя заставы, а потомъ возвратясь записаться выходцемъ изъ-за границы; наши живутъ тамъ свободно въ 17 слободахъ и ихъ не беспокоятъ за вѣру.

Въ указѣ, отъ 30 іюня 1724 г., св. Синодъ говорить, что воззваніемъ своимъ въ мартѣ 1722 г. приглашалъ онъ учителей и послѣдователей раскола свободно, безъ всякихъ опасеній, являться въ св. Синодъ для разговоровъ о св. вѣрѣ, съ тѣмъ, чтобы сомнѣнія ихъ о вѣрѣ могли быть рѣшены; но въ продолженіе двухъ лѣтъ никто не явился въ Синодъ для такихъ бесѣдъ. Св. Синодъ призналъ потомъ нужнымъ явить еще опытъ своей любви къ бѣднымъ заблуждающимся и посылалъ въ стародубскій уѣздъ увѣщателя іеромонаха Іосифа Рѣшилова, поставивъ его въ зависимость отъ черниговскаго архипастыря.

Рѣшиловъ былъ и въ Клинцахъ, но успѣха ни у клинцовцевъ, ни въ Стародубѣ вообще не имѣлъ. Гораздо болѣе имѣлъ успѣха въ Клинцахъ приславшійся въ 1788 г. въ слободы довѣренный митрополита Гавріила и таврическаго архіепископа Амвросія, единовѣрческій священникъ Андрей Іоанновъ.

При Андреѣ Іоанновѣ въ Клинцовскомъ посадѣ была двѣнадцатая по счету стародубская молельня во имя вознесенія Господня, приходская; близъ нея—тринадцатая во имя архангела Михаила теплая, въ 1789 г. февраля 6 дня освященная бѣглымъ попомъ Данииломъ Воскобойниковымъ; здѣсь же существовала и четырнад-

цатая модельня во имя св. живоначальныя Троицы, приходская, согласія перемазанцевъ, а въ 2-хъ верстахъ на земляхъ того же посада стоялъ монастырь, называемый Никольскій Пустынскій, въ которомъ была пятнадцатая модельня во имя преображенія Господня и шестнадцатая тамъ же, во имя Николая чудотворца. Монашествующихъ, кромѣ бѣльцовъ, было до пятидесяти человѣкъ. Во время моего посѣщенія Клинцы были огромнымъ и богатымъ посадомъ, съ 7300 жител. обоего пола, и съ 1080 домами.

При этомъ онъ имѣлъ преимущество предъ другими посадами стародубскими какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и по торговымъ оборотамъ. Фабричное производство въ Клинцахъ было уже громадное: всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ заведеній въ посадѣ было до 48,—въ томъ числѣ до 13 суконныхъ, съ годовымъ оборотомъ въ 1.336.600 руб.

Землею посадъ владѣлъ къ количествѣ 2,668 десятинъ.

Вотъ съ какимъ населеніемъ мнѣ приходилось имѣть дѣло!

По предварительному приглашенію, сдѣланному мнѣ еще въ Черниговѣ Акимомъ Ѳедоровымъ Карташевымъ, однимъ изъ замѣчательныхъ и вліятельныхъ лицъ между клинцовцами и моимъ старымъ знакомымъ, я, съ письмомъ отъ него, 7 сентября явился къ его супругѣ, Парасковѣ Ивановнѣ, и просилъ ее, именемъ ея мужа, дать мнѣ особую комнату. Хозяйка отдѣлила для меня двѣ комнаты.

Акимъ Ѳедоровъ, по моимъ соображеніямъ, былъ мнѣ необходимъ крайне и я могъ избрать его себѣ правою рукою въ моемъ дѣлѣ. Умъ, образованіе и значеніе въ посадѣ Карташева много могли мнѣ помочь, и я ухватился за этого человѣка, какъ говорится, обѣими руками.

Едва я разобрался въ квартирѣ Карташева, какъ явился поздравить меня съ пріѣздомъ племянникъ Карташева, Алексѣй Ивановъ Карташевъ, бывшій моимъ

пріятелемъ, когда я еще жилъ въ Клинцахъ; онъ обѣдалъ со мною, и провелъ у меня остатокъ дня, порадовавъ меня при этомъ извѣстіемъ, что въ Клинцахъ многіе съ усердіемъ ожидали моего пріѣзда, послѣ событій въ Добрянкѣ, и что мнѣ можно ожидать хорошаго успѣха между слобожанами по своему дѣлу.

8-го сентября поутру явились ко мнѣ члены Ратуши съ помощникомъ становаго Юдицкимъ и предложили мнѣ для услугъ какого-нибудь расторопнаго человѣка. Я дѣйствительно имѣлъ нужду въ такомъ человѣкѣ, и потому поспѣшилъ согласиться. Послѣ членовъ Ратуши пришелъ одинъ изъ почетнѣйшихъ общественныхниковъ Алексѣй Филатовъ Аксеновъ съ просьбою пожаловать къ нему откупать хлѣба соли.

Аксеновъ былъ тоже видный въ посадѣ человѣкъ и для меня весьма дорогой. Онъ былъ образованъ, съ значительнымъ природнымъ умомъ и большимъ вліяніемъ во всемъ посадѣ. Приглашеніе его я принялъ съ большою радостію. Начало дѣла моего въ Клинцахъ было, такимъ образомъ, благопріятное. Успѣха видимо можно было ждать, при надлежащей, конечно, осторожности и благоразуміи.

Прибывши въ домъ Аксенова, я нашелъ у него въ домѣ, кромѣ его семейства, нѣсколько человѣкъ богатыхъ и вліятельныхъ купцовъ, какъ видно, нарочито приглашенныхъ хозяиномъ. Во время стола рѣчь шла исключительно о томъ, что всего болѣе занимало моихъ собесѣдниковъ. Они никакъ не ожидали, чтобы вдругъ вызвали ихъ на новый путь, и чтобы это дѣло начато было лично самимъ Государемъ Императоромъ. Къ концу концовъ однако всѣ ихъ рѣчи клонились къ тому, нельзя ли, дескать, намъ какимъ нибудь образомъ остаться по прежнему?

Впечатлѣніе, произведенное событіями въ Добрянкѣ очевидно имѣло здѣсь вліяніе, но отразилось въ богатыхъ нѣсколько иначе. Имъ льстило знаменитое событіе добрянское, но богатство ихъ давало имъ право не вдругъ-то поддаваться этому впечатлѣнію... Я сооб-

ражалъ, что тутъ нужно доканчивать впечатлѣніе добрянскихъ событій мнѣ самому. Не оспаривая ихъ рѣчей, я говорилъ имъ, что мнѣ самому прежде, какъ я жилъ въ слободахъ, также все нравилось, а теперь другое дѣло. Теперь я нахожу въ Клинцахъ недостатокъ и оскудѣніе священства и, какъ неизбежное слѣдствіе этого, не замѣчаю въ старообрядческомъ обществѣ ни порядка, ни усердія къ св. церкви, ни чистоты нравовъ. Все это, говорилъ я, даетъ мнѣ чувствовать, что новый путь, который указываетъ вамъ самъ Государь къ выходу изъ настоящаго вашего печальнаго положенія, необходимъ для васъ, тѣмъ болѣе, что у васъ ничего не отнимаютъ, ни въ чемъ не стѣсняютъ васъ, напротивъ Высочайше утверждаютъ все, что вы до сихъ поръ чтили и сохраняли. Вы сами, говорю, Алексѣй Филатовичъ, слышали, что говорилъ Государь въ Добрянской церкви?

— Слышалъ, отвѣчалъ Аксеновъ, своими ушами слышалъ! Великая была эта минута..

— Да, отвѣчаю я, великая и торжественная!

„Все, говорилъ Императоръ, останется у васъ навсегда безъ всякой перемѣны. Это говорю Я вамъ за Себя и за Своего Наслѣдника“. Чего же вамъ еще искать, почтеннѣйшіе? на что жаловаться? чего бояться? противъ чего быть ослушными? Государь Императоръ желаетъ, чтобы у васъ были священники, но не бѣглые, тѣмъ болѣе не самозванцы, чтобы они не прятались отъ суражскихъ гражданскихъ властей, чтобы вы не имѣли нужды окупать ихъ и прикрывать ихъ противозаконные поступки собственными деньгами у губернскихъ властей. Тутъ дѣло идетъ, друзья мои, не о вѣрѣ, а собственно о томъ, чтобы избавить васъ отъ тяжкаго грѣха. Принимая и содержа бѣглыхъ священниковъ, вы невольно согрѣшаете и противъ гражданского закона, который запрещаетъ укрывать бѣглыхъ. Да и по церковному правилу, — 3 прав. антиохійскаго собора, — священникъ, отлучившійся отъ своего архипастыря безъ воли его, находится подъ за-

прещеніемъ. Впрочемъ, говорилъ я, вы сами знаете это хорошо. Вы люди образованные, начитанные, только одна привычка и удерживаетъ васъ, по моему, отъ принятія законныхъ священниковъ. Привыкли же вы къ худому; не полезнѣе ли будетъ вамъ привыкнуть и къ хорошему?

Много я говорилъ богатымъ собесѣдникамъ своимъ въ этомъ родѣ. Всѣ слушали мои рѣчи, но держались при своихъ видахъ...

Когда мы дружественно разставались, Алексѣй Ивановичъ Карташевъ просилъ меня вечеромъ къ себѣ на чай. У него въ домѣ собралось старообрядцевъ еще болѣе, чѣмъ у Аксенова, и все были новыя лица. Подали чай. Снова завязался разговоръ о томъ же предметѣ, о которомъ шла рѣчь у Аксенова. Желая перемѣнить его, я сказалъ слобожанамъ, что съ удовольствіемъ вижу себя въ Клинцахъ среди нихъ, и что я нарочно пріѣхалъ къ нимъ, чтобы помолиться вмѣстѣ съ ними въ ихъ Вознесенскомъ храмѣ, гдѣ служилъ и мой родитель. Не безъ особенной воли Божіей, говорилъ я. Его помазанникъ вошелъ въ ваше положеніе, и не только оставилъ весь чинъ и порядокъ богослуженія въ вашихъ церквахъ неприкосновеннымъ, но и утвердилъ его своею царскою волею на все будущее время, *и самъ изволилъ молиться двуперстно въ добрянской церкви*. Поймите, говорю, друзья: самъ царь, самъ великій Государь російскій!.. Оцѣните это.

— Положимъ, что все это такъ, возразилъ мнѣ одинъ изъ присутствовавшихъ тутъ почетныхъ купцовъ, Михаилъ Борисовъ Кубаревъ. Да отъ чего же не снять съ двуперстнаго сложенія соборной клятвы? На словахъ соглашаются, дозволяютъ, сами крестятся двуперстно, а на дѣлѣ другое, письменно и печатно обзываютъ двуперстный крестъ раскольническимъ, въ псалтиряхъ и часовникахъ продолжаютъ перепечатывать и возобновлять Никоновскую клятву на двупер-

стіе. Скажите, сдѣлайте милость, по совѣсти, чему тутъ вѣрить? Словамъ ли, или тому, что печатаютъ и пишутъ?

— Михаилъ Борисовичъ и вы, почтеннѣйшіе господа, отвѣчалъ я, выслушайте, Бога ради, безъ предубѣжденія и огорченія то, что я вамъ намѣренъ на это сказать! Если на московскомъ соборѣ 1667 г. произнесено строгое осужденіе противъ двуперстнаго сложенія, то оно произнесено не противъ перстовъ собственно, а на противляющихся единству церкви и принимающихъ перстосложеніе, какъ предлогъ къ противленію. Что такая мысль была у отцовъ собора, это доказывается уже тѣмъ, что въ настоящее время вотъ всѣ мы, принадлежащіе къ единовѣрческой церкви, да и многіе изъ православныхъ, молятся двуперстно, но ни насъ, ни ихъ никто не называетъ раскольниками, и не признаетъ подъ клятвою. Совѣсть наша совершенно спокойна; ни о какой клятвѣ мы и не думаемъ. То было время увлеченій и строгости, а теперь настало время справедливости и милосердія. Теперь не только міряне, кто бы они ни были, но и сами святители молятся въ нашихъ единовѣрческихъ церквахъ двуперстно. Московскіе первосвятители: Филаретъ и Серафимъ, при богослуженіи въ благословенной церкви въ Москвѣ, знаменовались двуперстно. Извѣстно, что на другой день послѣ служенія преосвященнаго Серафима въ единовѣрческой церкви являлся къ нему какой то генераль и спрашиваетъ у него: правда ли, Владыка святой, что вы вчера изволили служить у раскольниковъ и по раскольнически Богу молились? „Ну, что вы говорите такое!—отвѣчалъ ему Владыка, удивясь немало вопросу генерала. Какіе они раскольники? Они единовѣрцы, а не раскольники. А что я двуперстно молился, такъ въ старину въ вашей Россіи и всѣ такъ молились“. Знаменитый и досточтимый московскій первосвятитель высокопреосвященный Филаретъ не только молится въ единовѣрческихъ церквахъ двуперстно, но и печатно въ своихъ поученіяхъ говоритъ объ этомъ предметъ такъ:

„не защищая треперстное сложеніе, и не отвергая двуперстнаго, почитаемъ то и другое благочестивымъ преданіемъ святой церкви, и въ употребленіи того и другаго дѣйствиємъ равно спасительнымъ“.

— Да правда ли это? возражали мнѣ нѣкоторые.

— Не лгать сюда я пріѣхалъ, отвѣчалъ я.

Вы жалуетесь, что въ псалтыряхъ и часовникахъ до сихъ поръ перепечатываются порицанія на двуперстное сложеніе?—Это дѣлается безъ всякаго намѣренія: какъ при патріархѣ Іоакимѣ составлено предисловіе къ часовнику и псалтырю, такъ оно до сихъ поръ и перепечатывается въ типографіяхъ, безъ всякаго новаго пересмотра и исправленія; никто и не думаетъ объ этомъ предметѣ. Я увѣренъ, что если бы кто нибудь изъ старообрядцевъ, хотя напримѣръ московскіе, попросили о перемѣнѣ предисловія, у кого слѣдуетъ, то не встрѣтили бы отказа⁽¹⁾. Не знаю, что будетъ; но я надѣюсь, что въ скоромъ времени намъ отпечатаютъ въ синодальной типографіи, съ благословенія святѣйшаго Синода, Малый катихизисъ, печатанный въ Москвѣ, при патріархѣ Іосифѣ. Неужели и послѣ того, какъ его отпечатаютъ съ благословеніемъ Синода, вы найдете сказать что нибудь?

Въ подобныхъ разговорахъ прошло у насъ время до поздняго вечера. Въ заключеніе, я все таки опять выразилъ свое желаніе совершить богослуженіе у клинцовцевъ въ церкви. Богачи отвѣчали, что не могутъ объявить мнѣ на это своего согласія, не посоветовавшись предварительно съ обществомъ.

При прощаніи Михаилъ Борисовичъ, нѣсколько побѣжденный, пригласилъ меня обѣдать на другой день. И мы разошлись до новаго свиданія.

Возвратившись на свою квартиру, я, къ удовольствію своему, нашелъ хозяина дома Акима Θεодорови-

⁽¹⁾ Въ послѣднихъ изданіяхъ это, дѣйствительно, и сдѣлано. *Примеч. Ред.*

ча Карташева. Онъ пріѣхалъ изъ Чернигова, гдѣ пробылъ немалое время, не по своему, впрочемъ, дѣлу, а изъ усердія къ ближнему. Онъ ѣздилъ въ Черниговъ съ женою Ивана Филипповича Аксенова, Евѣиміей Родіоновой, которая была вытребована начальникомъ губерніи и содержалась тамъ подѣ строгимъ присмотромъ за свою ревность къ расколу. Дѣло въ томъ, что, до моего пріѣзда, въ Посадѣ у нихъ происходили собранія по вопросу о принятіи правильныхъ священниковъ. Всѣ согласились на принятіе и положили написать объ этомъ просьбу. Евѣимія Родіонова узнала о томъ отъ своего мужа, и, будучи слѣпа, упросила его взять еѣ съ собою на собраніе подѣ тѣмъ предлогомъ, что ей очень хочется послушать, что за просьбу хотятъ подавать губернатору? Мужу не хотѣлось огорчить свою жену отказомъ, она же была слѣпа. Когда надобно было читать просьбу предѣ собраніемъ подписей, Евѣимія Родіонова просила поставить ее ближе къ чтецу, чтобы лучше выслушать. Началось чтеніе. Къ концу его она подобралась къ чтецу, неожиданно вырвала изъ его рукъ бумагу, разорвала ее, и, обратившись къ собравшимся, отчестила ихъ, какъ только умѣла, называя ихъ, отступниками, еретиками, предателями, іудами, — хриstopродавцами. Неожиданная дерзость слѣпой женщины произвела въ собраніи величайшее волненіе и шумъ. Искренне желавшіе принять благословенное священство приняли ея поступокъ за адское ухищреніе темной силы, желавшей помѣшать святому дѣлу. Напротивъ тѣхъ, которые не такъ искренно приступали къ нему, видѣли въ ея поступкѣ предостереженіе для себя: не погрѣшаютъ ли дескать они, принимая священство, которое будетъ зависѣть отъ архіереевъ обливанцевъ и хохловъ. Какъ бы то ни было, только поступокъ слѣпой Аксеновой не только отсрочилъ подпись за-ново переписаннаго прошенія, но и былъ причиною того, что нѣкоторые совсѣмъ уклонились отъ участія въ подписи.

Я былъ радъ возвращенію Акіма Ѳеодоровича, потому что ожидалъ отъ него съ полною увѣренностію содѣйствія для себя въ моемъ дѣлѣ. Я разсказалъ ему, какъ угощаютъ меня Клинцовцы, что я и завтра отозванъ на обѣдъ къ Кубареву, и усердно просилъ Карташева своимъ вліяніемъ помочь мнѣ открыть богослуженіе въ ихъ посадѣ. Онъ обѣщался. Это дало мнѣ много смѣлости и надежды..

8-го числа, собираясь къ Кубареву, я пригласилъ съ собою и Акіма Ѳеодоровича, но онъ отказался изъ опасенія, чтобы его не заподозрили вдругъ; и я пошелъ одинъ.

Хозяинъ и хозяйка встрѣтили меня радушно и ласково. Залъ наполненъ былъ гостями. Тутъ я встрѣтилъ Николая Акімовича Степунина, зятя его Дмитрія Осиповича Зубова, и Михаила Степановича Синельникова, которые принадлежали всѣ къ почетнымъ лицамъ въ посадѣ. Я замѣтилъ также, что они относятся ко мнѣ почтительно и съ видимымъ расположеніемъ. За обѣдомъ никто не сказалъ ни слова противъ принятія благословеннаго священства. Всѣ только выразили опасеніе, чтобы съ принятіемъ ихъ не произошло въ богослуженіи какихъ нибудь перемѣнъ и нововведеній, какъ это и есть,—говорили они; въ благословенныхъ церквахъ Новозыбкова, Климовой и Злынки. Это давало имъ преллогъ къ отговоркамъ. Я старался успокоить своихъ собесѣдниковъ, напоминая имъ о рѣшительномъ обѣщаніи Государя Императора въ Добрянкѣ. А вотъ вамъ, сказалъ я, и новое доказательство того, что богослуженіе будетъ совершаться безъ всякихъ опущеній и прибавленій не только, Богъ дастъ, у васъ, но и у всѣхъ единовѣрцевъ, на которыхъ вы теперь указываете и жалуетесь.

— Какое же? Заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— А вотъ какое. Въ Новозыбковѣ и Злынкѣ я сбязалъ къ этому журнальнымъ постановленіемъ какъ овященниковъ, такъ и прихожанъ. Тоже будетъ сдѣлано мною въ Климовой и въ Радулѣ.

Зубовъ, выслушавъ меня, выразилъ желаніе по-смотреть эту подписку, для полноты, какъ онъ выразился, настоящаго разговора.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ я, исполнить ваше, желаніе.

Тотчасъ же я послалъ къ себѣ на квартиру за портфелемъ и, вынувъ обѣ бумаги, Новозыбковскую и Злынскую, просилъ прочитать ихъ.

Синельниковъ прочиталъ.

Можно представить себѣ, сколько удивленія доставило всѣмъ содержаніе этихъ бумагъ.. Въ заключеніе всей нашей бесѣды, я просилъ своихъ собесѣдниковъ, чтобы они въ доказательство своей готовности на принятіе правильнаго священства, выраженной ими, между прочимъ, и въ просьбѣ, поданной губернатору, согласились, чтобы я служилъ обѣдную въ ихъ церкви. Не уклоняясь отъ этого, всѣ, однакоже, говорили мнѣ, что вотъ они соберутся, и цѣлымъ обществомъ посоветуются о моемъ предложеніи.

— Позвольте же мнѣ, сказалъ я, покорнѣйше просить васъ не откладывать совѣщанія. Я искренно благодаренъ вамъ за гостепріимство, которымъ пользуюсь у васъ уже третій день. Я не отказывался отъ него, потому что мой покойный родитель служилъ у васъ, да и я самъ жилъ между вами. Но ваше угощеніе было бы для меня пріятнѣе, если бы вы содѣйствовали съ своей стороны исполненію Высочайше возложеннаго на меня порученія. Извините меня за откровенность, но я долженъ сказать вамъ по совѣсти, что ваши дѣйствія не нахожу прямыми и искренними.. Мнѣ кажется, что вы для того и ласкаете меня, чтобы сбыть съ рукъ. Подъ рукой мнѣ обѣщаны даже прогоны и подъемные, только бы я уѣхалъ отъ васъ въ другой посадь, или по крайней мѣрѣ обратился къ Троицкой церкви. Меня огорчаетъ это до глубины души. Я простилъ тому, кто осмѣлился предложить мнѣ такую обидную сдѣлку, потому что я понимаю, что вы приучены къ этому издавна, такъ что у васъ въ пого-

ворку вошло: „искупующе время“.— Но такимъ ли путемъ отстаивается и защищается истина? Нѣтъ, друзья мои, еще разъ повторяю, что я очень благодаренъ вамъ за ваше расположеніе ко мнѣ, но позвольте мнѣ сказать вамъ рѣшительно, что я прошу васъ не откладывать своего рѣшенія, даже до завтрашняго дня. Сдѣлать собраніе вамъ легко. Вы можете сдѣлать это сегодня же, если вы искренно относитесь къ святому дѣлу. Соберитесь, посоветуйтесь, и дайте мнѣ отвѣтъ: буду ли я служить въ Вознесенской церкви, или нѣтъ? Если бы я предвидѣлъ, что вы такъ нерѣшительны, я бы не отказался исполнить искреннюю просьбу Новозыбковскихъ прихожанъ, которые, безъ всякаго вызова съ моей стороны, по своей доброй волѣ, предлагали мнѣ совершить богослуженіе въ ихъ церкви. Откровенно скажу вамъ, что если я отказался служить у нихъ, такъ отказался потому только, что честь открытія законнаго священнослуженія хотѣлъ предоставить вашей церкви и вашимъ прихожанамъ.

Последнее обстоятельство, приведенное мною, имѣло успѣхъ и много польстило богачамъ клинцовцамъ... Они сдались болѣе прежняго.

По окончаніи длинной бесѣды своей я мирно и дружески простился со всѣми до слѣдующаго свиданія. Въ это время за мною была прислана лошадь изъ Мизиричъ, въ десяти верстахъ отъ Клинцовъ, отъ фабриканта Ильи Семеновича Исаева. Въ четыре часа я былъ уже съ И. И. Тютчевымъ у Исаева, который ожидалъ меня къ обѣду. Исаевъ былъ старообрядецъ, но одѣвался и жилъ по нѣмецки. Долгое время жилъ онъ въ Польшѣ, имѣлъ тамъ обширную суконную фабрику и въ 1828 году, во время польскаго мятежа, поставлялъ сукна на польскія войска. Но оставаясь по душѣ русскимъ, онъ, живя въ Варшавѣ, передавалъ главнокомандующему тайны и планы польскихъ мятежниковъ. За это чуть было не пришлось ему висѣть на фонарномъ столбѣ. За нѣсколько часовъ только онъ узналъ, какая ему готовится участь, и успѣлъ бѣжать

въ русскую армію. Теперь, какъ развитый и образованный человекъ, онъ принималъ въ дѣлѣ старообрядцевъ клинцовскихъ самое живое участіе, отъ души желая водворенія между ними правильныхъ священниковъ и законнаго порядка. Въ первый разъ по пріѣздѣ въ слободы я видѣлся съ нимъ у Карташева. Въ этотъ разъ я рассказалъ ему, какую задачу задалъ я почетнымъ прихожанамъ вознесенской и троицкой церкви у Кубарева. Если они расположены исполнить волю Государя Императора, если удивлены и поражены событіями въ Добрянкѣ, замѣтилъ Исаевъ, — то имъ сдѣлать это будетъ нетрудно. Но если большинство общества будетъ стоять за старину, то и почтеннѣйшіе прихожане ничего не подѣлаютъ. Имъ не справиться даже со своими бабами, которыя совѣмъ забрали мужей въ свои руки. Что если они скажутъ своимъ мужьямъ: берите, дескать, себѣ новыхъ поповъ, а мы не только не пойдѣмъ къ нимъ, да и съ вами-то не станемъ ни ѣсть, ни пить? Впрочемъ, любопытно знать, прибавилъ Исаевъ, до чего они досовѣтуютъ. Давай Богъ, чтобъ согласились между собой!

Послѣ обѣда и кофе, мы отправились на фабрику хозяина, устроенную въ широкихъ размѣрахъ. До тридцати нѣмецкихъ семействъ вывезено было имъ для нея изъ за границы. Онъ образовалъ изъ нихъ цѣлую колонію, построилъ для нихъ кирку и выписалъ пастора.

Исаевъ жилъ, видимо, по барски.

Послѣ чаю и десерту, мы распростились съ гостепріимнымъ хозяиномъ, и въ его экипажѣ возвратились въ Клинцы.

Дорогою я невольно спрашивалъ Тютчева, что мы станемъ дѣлать, если клинцовцы не захотятъ допустить меня до богослуженія въ своей церкви? Вѣдь тогда, говорилъ я, успѣхъ всего дѣла будетъ сомнителенъ. Тогда, пожалуй, и въ Новозыбковѣ ни за что не дозволятъ служить, не смотря на то, что нѣскольکو дней тому назадъ сами просили меня объ этомъ.

Грустно мнѣ становилось отъ одной мысли о возможности неудачи у клинцовцевъ, а оставить ихъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ, по моему мнѣнію, было нельзя, все что-нибудь да нужно было предпринять; усилія противъ ихъ упорства были необходимы.

Возвратившись въ Клинцы около одиннадцати часовъ вечера. Тютчевъ отправился на свою квартиру, а я къ Карташеву.

Между тѣмъ, когда мы выѣхали изъ Клинцовъ въ Мизиричъ, вотъ что произошло у Клинцовцевъ. Оставшись одни, Клинцовцы принялись не на шутку думать, что имъ дѣлать?—Говорено было много, но кончили тѣмъ, чтобы не оставаться имъ болѣе безъ священниковъ, принять ихъ, и тѣмъ отплатить Государю Императору за его дѣйствія въ Добрянкѣ... Поэтому, не теряя времени, разослали они по посаду причетниковъ и другихъ служащихъ при церкви. чтобы они обошли, какъ бываетъ, по домамъ и всякаго приглашали пожаловать къ шести часамъ вечера, непременно, въ вознесенскую церковь на общественное собраніе по весьма нужному духовному дѣлу. Къ семи часамъ вечера церковь была полна народу. Главныя лица почти уже всѣ были въ церкви. Не доставало только одного моего хозяина Акима Θεодоровича. Послали просить его на собраніе. Посланные возвратились и сказали, что Акимъ Θεодоровичъ дома, но ничего не сказалъ имъ: придетъ на собраніе, или нѣтъ. Послали къ нему еще разъ и другой, и онъ, по третьему уже зову, пришелъ въ церковь, положилъ „началь“, поклонился народу и спросилъ: для чего его такъ настоятельно приглашали въ церковь? Одинъ изъ старообрядцевъ съ горечью отвѣчалъ ему: Богъ съ вами, Акимъ Θεодоровичъ! Что это вы насъ оставили однихъ, и въ такое время, когда вамъ первому надо бы быть здѣсь, да и насъ приглашать? А мы насилу васъ дозволились. Богъ вамъ судья, Акимъ Θεодоровичъ!—Да скажи, почтеннѣйшій, сдѣлай милость,—отвѣчалъ на упрекъ Акимъ Θεодоровичъ,—въ чемъ же я виноватъ? что такое тутъ у васъ, въ

чемъ дѣло?—Помилуй, батюшка Акимъ Θεодоровичъ, какъ въ чемъ дѣло? Да развѣ ты одинъ не слыхалъ и не знаешь, что о. Тимоѳей пріѣхалъ и настаиваетъ, чтобы намъ съ нимъ молиться въ церквахъ Богу?—Такъ чтоже?—Сказалъ Карташевъ,—а развѣ тутъ есть такіе, которые не хотятъ съ нимъ молиться? Въ Добрянкѣ же съ самимъ Царемъ молились, да и не одинъ разъ... Если есть такіе, которые не хотятъ молиться, прошу ихъ выйти сюда; мы поговоримъ съ ними.

Оборотъ А. О. Карташева былъ отличный. Въ его устахъ Государь Императоръ въ Добрянкѣ рисовался великимъ отцемъ старообрядцевъ, и впечатлѣніе его рѣчи побѣдило временное капризничанье богачей...

На его вызовъ никто ни слова. Акимъ Θεодоровичъ повторилъ вызовъ. Опять никто не отвѣчалъ.—Молчаніе знакъ согласія, сказалъ Акимъ Θεодоровичъ, немного помолчавъ и потомъ, быстро возвыся голосъ, сказалъ: Александръ Ивановичъ! (такъ звали уставщика) зажигай-ка, братъ, мѣстныя свѣчи, да помолитесь лучше Богу, чтобы Онъ, въ душевное всѣмъ намъ спасеніе, благословилъ начатому дѣлу совершиться къ славѣ Его и нашей духовной радости! Никто ни слова. Минута была выиграна. Тотчасъ зажены были всѣ мѣстныя свѣчи и присутствовавшіе приступили къ молитвѣ, положили „началь“, пропѣли *Царю небесный* и тропарь вознесенію, приложились къ св. евангелію и животворящему кресту, и положили опять „началь“.

Тогда же Акимъ Θεодоровичъ, овладѣвшій очевидно всѣмъ собраніемъ, обратясь къ собранію, громко сказалъ: „какъ услышите, православные, звонъ—бро-сайте все и спѣшите сюда, въ святую церковь, Богу молиться“! Всѣ молчали и кланялись.

Побѣда была одержана.

Но изъ всего этого мнѣ ничего еще не было извѣстно. Это время мы проводили у Исаева вдали отъ Клинцовъ, потому подѣзжая къ дому квартиры своей, я былъ удивленъ, когда увидѣлъ въ домѣ большое освѣщеніе. На порогъ встрѣтилъ меня хозяинъ, но ни-

чего не сказать, и ничего не далъ замѣтить. Только что я вошелъ съ нимъ въ свою комнату, какъ пришелъ сынъ его Никифоръ, и сказалъ мнѣ, что меня ожидаютъ четыре человека, присланные отъ общества, и хотятъ меня видѣть. Я сказалъ ему: просите ихъ сюда! Посланные вошли, по обычаю помолились иконамъ, поклонились мнѣ до полу и, вставши, просили у меня благословенія. Меня это удивило, и я, благословивъ ихъ, спросилъ: что имъ угодно? Посланные отвѣчали, что имъ, отъ имени всего общества и обоихъ приходоу посада Клинцовъ, поручено покорнѣйше просить меня, чтобы я принялъ на себя трудъ помолиться вмѣстѣ съ ними Господу Богу въ ихъ церквахъ, прежде въ вознесенской, а потомъ въ троицкой, и что этого желаетъ весь посадъ.

Услышавъ такую радостную вѣсть, я не могъ удержаться отъ слезъ удовольствія; Акимъ Θεодоровичъ обнялъ меня и также со слезами поздравлялъ меня съ такою радостію, и цѣловалъ съ христіанскою любовію. Смотря на него, одинъ за другимъ, тоже сдѣлали и посланные отъ общества...

Минута была чисто христіанская! Тутъ мы общимъ совѣтомъ положили: завтрашняго же дня приступить къ исполненію благаго и душеполезнаго желанія клинцовскаго собранія. Я просилъ посланныхъ передать наше намѣреніе относительно службы завтра поутру старшимъ прихожанамъ и благодарить ихъ за ихъ согласіе и рѣшимость на такое важное и богоугодное дѣло. По уходѣ посланныхъ, я обратился къ Михаилу Борисовичу Кубареву, съ вопросомъ: какъ все это случилось? Онъ съ удовольствіемъ разсказалъ мнѣ, какъ у нихъ безъ меня происходило дѣло.

Я еще разъ обнялъ Акима Θεодоровича и благодарилъ его, какъ только могъ. Не будь его въ собраніи, не сдѣлай онъ такъ, какъ нашелся сдѣлать, мои затрудненія продолжались бы.

Вставши на другой день, мы съ хозяиномъ сдѣлали распоряженіе, какъ праздновать. Пригласили пѣв-

цовъ вознесенской церкви. Я крѣтко объявилъ имъ, что, согласно Высочайшей воли Государя Императора и желанію общества, я буду съ ними служить въ ихъ церкви, и чтобы они были готовы къ службѣ и явились въ свое время въ церковь. Пѣвчихъ было шесть человѣкъ,—и они безпрекословно обѣщали быть. Акимъ Теодоровичъ поручилъ своей супругѣ приготовить на слѣдующій день просфоры. Уставщикъ предложилъ совершить службу храму; я принялъ его предложеніе. Въ церкви пошли быстрыя приготовленія.

Время шло очень скоро. Надо было, наконецъ, отправляться въ церковь и начинать каноны. Постучали въ чугунную доску. Я отправилъ каноны и малую вечерню. Во весь этотъ день каждый изъ посадскихъ ожидалъ чего-то необыкновеннаго; замѣтно было какое-то особенное движеніе въ жителяхъ. И дѣйствительно, было отъ чего приходить въ движеніе! Съ тридцать восьмага года не было у Клинцовцевъ богослуженія со священникомъ, не слышали они церковнаго звона. И во все это время они никакъ не могли свыкнуться со службой безъ священника, по примѣру безпоповщины. Грустно имъ было встрѣчать воскресные и праздничные дни безъ звону, и надобно было видѣть, какъ все въ посадѣ встрепелось и ожило, когда въ шесть часовъ вечера, въ первый разъ послѣ 8 лѣтъ, ударили въ большой колоколъ и первый звукъ его медленно и спокойно съ высокой колокольни огласилъ весь посадъ! Всѣ занятія и работы тотчасъ же были брошены; простой рабочій день обратился въ праздничный; на улицахъ показалось множество жителей обоего пола въ праздничныхъ одѣянїяхъ; всѣ спѣшили въ церковь съ радостными лицами и церковь быстро наполнилась народомъ.

Началась всенощная; клироса, не смотря на свою обширность наполнены были пѣвцами, собравшимися по усердію; при выходѣ на литію, предшествовало мнѣ четыре подсвѣчника. Вся церковь залита была огнемъ, всѣ стихиры пѣлись на распѣвъ. Служба шла торжест-

венно, и кончилась уже въ двѣнадцать часовъ ночи. Умиленіе въ народѣ было полное!

На другой день, въ восемь часовъ утра, начался благовѣстъ къ обѣднѣ. Я ночь почти не спалъ отъ радости. Утромъ узналъ я, что какъ частныя, такъ и общественныя работы были прекращены, фабрики закрыты. Грудь спиралась отъ избытка чувствъ удовольствія.. Въ церкви я увидѣлъ тѣмъ народа; церковь не вмѣщала богомольцевъ; ими наполнена была ограда. Послѣ обѣдни совершенъ былъ благодарственный молебенъ Господу Богу и провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему дому.

Разступились сердца старообрядцевъ и слезы потекли по щекамъ многихъ... Сила царскаго величія и отеческаго снисхожденія къ старообрядцамъ въ Добрянкѣ теперь торжественно покорила всѣхъ и охватила сердца подданныхъ русскаго царя одною горячею вѣрноподданническою любовію и благодарностію, Ухо многихъ давно уже отвыкло отъ торжественныхъ возгласеній многолѣтія царю, и теперь когда церковь огласилась торжественною пѣснью такого многолѣтія, слезы потекли изъ глазъ старыхъ и малыхъ... Хороши бываютъ подобныя минуты и впечатлѣнія ихъ глубоки.

Послѣ обѣдни я приказалъ произвести торжественный звонъ и продолжать его во весь день.

— Пусть, говорилъ я, этотъ день будетъ днемъ воистину пасхальнымъ. Се нынѣ Царь русскій съ новымъ торжествомъ воскресъ въ сердцахъ своего забытаго было народа!..

Народъ обнимался и цѣловался по пасхальному; всѣ другъ друга поздравляли съ новою пасхою...

Многіе ожидали меня, пока я не разоблачился и не вышелъ изъ алтаря и со слезами радости провожали до квартиры. На трапезѣ у Акіма Θεодоровича утѣшеніе было великое, и угощаемыхъ было весьма много. Всѣ были довольны, радовались, славили Господа Бога и благодарили Государя Императора за его великое дѣло въ Добрянкѣ... Не было ни кого, кто бы

изъ жителей посада не раздѣлялъ общей радости и духовнаго веселія. Тутъ же послѣ обѣда, староста троицкой церкви Акимъ Васильевичъ Степунинъ, съ почетными прихожанами, Михайломъ Степановичемъ Синельниковымъ и зятемъ своимъ Дмитріемъ Осиповичемъ Зубовымъ, обратились ко мнѣ съ обязательною просьбою, чтобы я потрудился отправить богослуженіе и въ ихъ троицкой церкви также, какъ въ вознесенской, на слѣдующій день.

За одной большой побѣдой, думалъ я, другія малыя идутъ уже сами собою...

Въ четыре часа ударили къ вечернѣ въ троицкой церкви, и я началъ богослуженіе канонами и малою вечернею. Послѣ вечерни часа на полтора сходилъ я домой, чтобы напиться чаю и поужинать до всенощной. Хотя это было бы удобнѣе сдѣлать послѣ всенощной, но у слобожанъ ѣсть и пить послѣ службы на канунъ праздника считается тяжкимъ грѣхомъ.

Ровно въ шесть часовъ начался благовѣстъ, а въ половинѣ седьмого самое богослуженіе, которое совершали мы храмовому празднику, по примѣру вознесенской церкви. Трое церковныхъ дверей было открыто для того, чтобы могли слышать службу и молиться и тѣ богомольцы, которые не помѣщались въ самой церкви. Торжественное богослуженіе, возвышаемое еще болѣе духовною радостію, сіявшею на лицахъ богомольцевъ, кончилось, какъ и наканунѣ, въ двѣнадцать часовъ ночи.

На другой день (это было 12-го сентября) я былъ уже въ церкви въ восемь часовъ утра. При входѣ встрѣтило меня множества народа и пѣвцы. Я вошелъ въ церковь при пѣніи праздничнаго тропаря: *Дни съ благодатъ Св. Духа насъ собра.* Литургію я также заключилъ благодарственнымъ молебномъ съ многолѣтіемъ и цѣлодневнымъ звономъ. Ликованіе народа было не менѣе того, какое было на канунѣ.. Обѣдъ на этотъ разъ былъ въ домѣ церковнаго старосты Акима Васильевича. За столомъ пили шампанское при кликахъ

„ура“! за здоровье Государя Императора Николая Павловича, подвигшаго сердца старообрядцевъ, и всего Августѣйшаго дома, и пѣли хоромъ многолѣтіе.

Послѣ обѣда продолжалась у насъ бесѣда о предметѣ, который интересовалъ болѣе всего моихъ собесѣдниковъ. Они спрашивали меня, будутъ ли общаемые имъ священники исполнять древній чинъ богослуженія, какъ онъ содержится въ церковномъ уставѣ и богослужебныхъ старопечатныхъ книгахъ? По мѣрѣ возможности я старался увѣрить моихъ собесѣдниковъ въ точномъ и неизмѣнномъ соблюденіи будущими ихъ священниками всего церковнаго чина по ихъ желанію. Главною обязанностію при опредѣленіи священниковъ къ вашимъ церквамъ будетъ вмѣнено имъ соблюденіе этого важнаго предмета, — говорилъ я, и въ удостовѣреніе ссылался на лично данное самимъ Государемъ Императоромъ обѣщаніе за Себя и за Наслѣдника. Когда я, послѣ продолжительной бесѣды, собрался идти домой, зять домохозяина Дмитрій Осиповичъ Зубовъ просилъ меня на другой день къ себѣ откушать хлѣба соли. Я далъ слово.

Дорогою я встрѣчалъ на улицахъ многочисленныя толпы ликовавшихъ жителей посада. Они останавливались и почтительно кланялись мнѣ. Звонъ на колокольняхъ обѣихъ церквей не умолкалъ цѣлый день; то былъ 2 день новой Пасхи у народа!..

Отдохнувши и напившись чаю, я занялся приготовленіемъ рапортовъ гр. Протасову, и пресвященному Павлу, и письма А. И. Войцеховичу.

Болѣе 6,000 душъ, писалъ я графу Протасову ⁽¹⁾, согласившихся въ Клинцахъ исполнить волю Августѣйшаго Государя Императора на принятіе правильнаго священства, 11 и 12 сентября праздновали свою радость. Богослуженіе было отправлено торжественнѣйшимъ образомъ 11 числа въ церкви вознесенія, а 12

(1) Донесеніе графу Протасову отъ 13-го сентября 1845 г. за № 6.

въ троицкой, съ совершеніемъ по литургіи въ той и другой церквахъ благодарственнаго Господу Богу молебствія съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ, и съ провозглашеніемъ многолѣтія Его Величеству и всему Августѣйшему дому. Было торжество—торжествъ и праздниковъ—праздникъ! Молились и благодарили Господа Бога за ниспосланіе на нихъ небесной благодати и за дарованную милость отъ богохранимаго Государя Императора. Дѣйствиємъ симъ посадъ Клинцовскій оказалъ великую услугу дѣлу единовѣрія и примѣръ прочимъ посадамъ.

Два дня, рапортовалъ я архіепископу Черниговскому ⁽¹⁾, 11 и 12-го сентября были пасхальные; жители посада Клинцовъ ликовали при цѣлодневномъ въ оба дня звонѣ; фабрики всѣ были закрыты и работы всѣ брошены; безъ преувеличинія ни одного изъ жителей посада не оказалось несочувствующимъ торжеству сему и духовной радости.

Главныя желанія жителей посада Клинцовъ, писалъ я А. И. Войцеховичу ⁽²⁾, были, чтобы исполнить волю Государя Императора и не погрѣшить предъ Богомъ. Дни 11 и 12 сентября были днями св. пасхи и весь посадъ Клинцы ликовалъ и праздновалъ какъ праздниковъ—праздникъ; въ троицкой церкви до литургіи я совершилъ два крещенія новорожденныхъ, а послѣ литургіи два брака. Богъ расположилъ многолюдный посадъ Клинцовскій такою любовію, что весь посадъ былъ едино стадо, и ежели бы были со мной священники, то съ распростертыми руками тутъ же приняли бы ихъ...

На другой день 13-го числа, утромъ, я пошелъ къ Зубову.

Обѣдъ у Зубова былъ великолѣпный, гостей было человекъ до тридцати; все знаменитости посада. Мы

⁽¹⁾ Рапортъ арх. черниговск. Павлу отъ 13 сентября 1845 за № 7.

⁽²⁾ Письмо А. И. Войцеховичу отъ 13 сентября за № 8.

пропраздновали до глубокой ночи. Среди разговоровъ не забыто было и пѣніе. Клинцовцы встарь были большіе охотники до церковнаго пѣнія. Пропѣты были торжественно всѣми: догматики осьми гласовъ, славники, начальныя литійныя стихиры дванадесятыхъ праздниковъ и нѣсколько избранныхъ антифоновъ, а въ заключеніе всего всѣмъ хоромъ: *Слава въ вышнихъ Богу!*

Прощаясь, я условился съ Акимомъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Ивановичемъ Карташевыми на другой день къ 10-ти часамъ утра отправиться въ Никольскій монастырь, находившійся верстахъ въ двухъ отъ посада.

Монастырь, — когда мы въ десять часовъ подъѣзжали къ нему, — навелъ на меня сильную грусть. Онъ казался никѣмъ необитаемымъ; столбы главныхъ воротъ стояли наклонившись и чуть не падали, какъ будто съ почетнымъ поклономъ встрѣчая гостей; ограда во многихъ мѣстахъ совсѣмъ упала. Внутри монастыря еще замѣтнѣе былъ его полный упадокъ. Не было уже той красивой пятиглавой церкви, съ хорошенькой колокольной, щеголявшей боевыми часами, которую видѣлъ я въ дѣтствѣ; кельи стояли полураскрытыя и грозили близкимъ паденіемъ. Я остановился среди монастыря и кругомъ осмотрѣлъ его. То ли было въ немъ въ 1814 году, когда я пріѣхалъ сюда съ отцемъ своимъ и жилъ здѣсь? Черезъ тридцать лѣтъ все такъ измѣнилось, что и угадать нельзя; только мѣстность осталась та же самая.

У настоятельскихъ келій встрѣтилъ насъ мірянинъ, стоявшій во главѣ иночествующихъ. Войдя въ келію, я положилъ, по обычаю, началъ предъ св. иконами, поклонился собравшемуся братству, и, вмѣсто привѣтствія, пожелалъ имъ успѣха въ ихъ подвигахъ и преуспѣнія въ душевномъ спасеніи. Тутъ не достало у меня словъ, когда я всмотрѣлся въ стоявшее передо мною общество иноковъ и бѣльцовъ. У кого глазъ подбитъ, у кого синякъ на лбѣ, а у кого и все лицо разбито. Я не могъ удержаться, чтобъ не сказать: „вижу, братія, великъ вашъ подвигъ въ борьбѣ со вра-

гомъ вашихъ душъ; вишь какъ коварство его уранило всѣхъ васъ“!

Подвижники поклонились и сказали: прости насъ грѣшныхъ, и помолись за насъ Господу Богу!

Я спросилъ: кто у нихъ настоятель, и отчего его не видно?

Старцы отвѣчали мнѣ, что у нихъ нѣтъ игумена, а завѣдываетъ и управляетъ или клинцовскій купецъ, — это тотъ, который встрѣтилъ насъ при входѣ въ настоятельскія келліи. Говорить объ этомъ болѣе нечего было; дѣло само за себя говорило. Я объяснилъ инокамъ, за чѣмъ я пріѣхалъ къ нимъ, и спросилъ ихъ: желаютъ ли они быть въ согласіи съ жителями Клинцовъ, изъявившими готовность принять правильное священство? Они единодушно отвѣчали, что желаютъ. Я хотѣлъ посѣтить ихъ древнюю часовню, но они сказали мнѣ, что внутри ея идетъ передѣлка, и потому смотрѣть въ ней не на что; объяснили мнѣ, какъ сгорѣла ихъ монастырская церковь и прибавили, что ихъ постигло неменьшее еще несчастіе, именно, что у нихъ ночью похитили всю ризницу и церковную утварь, весьма цѣнные. — И такъ, сказалъ я имъ на прощанье: нѣтъ у васъ ни церкви, ни ризницы, ни настоятеля, ни іеромонаха или священника, плохое же ваше положеніе! Просите Господа Бога, чтобы Онъ умилосердился надъ вами, постарайтесь и съ своей стороны быть готовыми къ принятію Его милости!

Простившись съ жалкими иноками, я возвратился въ Клинцы, и въ тотъ же день послѣ обѣда распростившись съ добрыми и все еще торжествовавшими Клинцовцами, поѣхалъ въ „Еленку“.

ГЛАВА XVI.

Посадъ «Еленка». — Состояніе его въ 1845 году. — Первоначальное поселеніе въ немъ раскольниковъ. — Депутація посада. — Совѣщанія старообрядцевъ въ церкви. — Вліяніе событій въ Добрянкѣ на настроеніе жителей посада. — Увѣщанія старообрядцевъ. — Благопріятный исходъ бесѣды съ ними. — Открытіе богослуженія въ слободской церкви. — Радость жителей и поздравленіе другъ друга съ новою жизнію. — Празднованіе радостныхъ событій старообрядцами въ домѣ Гусева. — Прощаніе съ новыми прихожанами и отъѣздъ мой въ посадъ «Воронки».

Посадъ „Еленка“, стародубскаго уѣзда, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 21 верстѣ и во время моего посѣщенія заключалъ въ себѣ до 3000 душъ обоего пола и 500 домовъ.

Во владѣніи жителей п. Еленки состояло земли 3039 дес. 288 кв. саж.; въ томъ числѣ: подъ усадьбами 202 дес. 2039 саж., подъ мельницами и гумнами 4 дес. 2227 саж., сѣнокосной 94 дес. 2315 саж., пахотной 2287 дес. 24 саж., лѣсу и кустарнику 403 дес. 1837 саж., неудобной 45 дес. 1446 саж.

Еленка заселилась россійскими бѣглецами со временъ царствованія благочестивыхъ государей царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и соцарствовавшей имъ Софіи Алексѣевны.

Въ это время паны, на чьихъ земляхъ бѣглецы селились, принимали ихъ ласково, въ надеждѣ сдѣлать ихъ вѣчными себѣ данниками. Русаки наши, какъ узнали другъ отъ друга малороссійскую дорогу, то безпрестанно одинъ за другимъ туда приходили, и рѣдкій бѣглецъ при собственномъ имени оставался для того, чтобъ въ случаѣ поисковъ нельзя было узнать ихъ.

Въ концѣ XVIII вѣка при посѣщеніи Еленки Андреемъ Іоанновымъ здѣсь была 20-я по счету въ Стародубѣ молежня во имя знаменія пресвятыя Богородицы, которую въ 1790 г., освящалъ Михайло чернецъ, согласія перемазановскаго.

По ходатайству кіевскаго генералъ - губернатора князя Дмитрія Михайловича Голицына, благорасполо-

женнаго къ чителямъ старины и несовсѣмъ благо-
 склоннаго къ малоруссамъ, Петръ I въ 1715 г. велѣлъ
 обложить „Еленку“ въ числѣ другихъ слободъ податью
 и считать старообрядцевъ состоящими въ вѣдѣніи кі-
 евской губернской канцеляріи. Не состоя болѣе въ за-
 висимости отъ полковаго начальства, старообрядцы ско-
 ро дали знать о себѣ своеволями разнаго рода. По-
 тому полковыя начальства не разъ просили высшее
 правительство избавить ихъ отъ своевольныхъ посе-
 ленцевъ. Въ прошеніи 1718 г., поданномъ въ коллегію
 иностранныхъ дѣлъ, гетманъ просилъ: „раскольникамъ
 въ малой Россіи не быть“, такъ какъ они, бывъ поло-
 жены въ окладъ, не несутъ тягостей полковой службы,
 а умножаясь въ числѣ, „отнимаютъ грунты“. На это
 отвѣчали справкою: раскольники, поселенные въ 16
 слободахъ 493 дворами и записанные за гетманомъ и
 другими владѣльцами, положены въ окладъ по 1519 р.
 въ годъ, а болѣе принимать ихъ запрещено. Въ од-
 номъ изъ пунктовъ прошенія, поданнаго Государю въ
 апрѣлѣ 1721 г., гетманъ снова просилъ вывести рас-
 кольниковъ въ другія мѣста. О томъ же писалъ онъ
 еще въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ одной изъ
 статей гетмана апостола 1728 г. снова предложена
 была просьба о выводѣ раскольниковъ, причемъ писа-
 но: „раскольники покупаютъ земли, а иные отнимаютъ
 насиліемъ, но жаловаться на нихъ негдѣ; бѣглы по-
 мѣщичьи крестьяне являются въ Малороссію на житье,
 и тогда какъ стародубскіе раскольники вывозятъ ихъ
 за границу на Вѣтку, съ украинскихъ помѣщиковъ
 взыскиваются подати за нихъ“. На это послѣдовало
 рѣшеніе: „выслать раскольниковъ черниговскаго и ста-
 родубскаго полковъ, записанныхъ въ подушный окладъ,
 по многимъ причинамъ нельзя; гетманъ отправить на-
 дежнаго офицера, который если найдетъ незаписан-
 ныхъ въ оклады, внесетъ такихъ въ окладъ; жалобы
 объ обидахъ раскольниковъ будетъ разбирать гетманъ
 съ довѣреннымъ отъ правительства. „Но съ того вре-
 мени прошло много лѣтъ и жители „Еленки“ вмѣстѣ
 съ другими стародубскими старообрядцами измѣнились.

Въ сентябрѣ 1845 года я въѣхалъ въ Еленку рано, подѣ впечатлѣніемъ еще недавнихъ торжествъ клинцовскихъ. Для меня приготовлена была уже здѣсь почетная встрѣча и квартира въ домѣ главнаго и почетнаго въ посадѣ купца Максима Кондратьевича Гусева. Встрѣчали члены Ратуши въ мундирахъ и съ хлѣбомъ-солью, а добрый хозяинъ мой предложилъ къ моимъ услугамъ не только квартиру, но и весь домъ свой. Я просилъ депутацію къ 10 часамъ на утро пригласить жителей посада на собраніе въ церковь. Мнѣ охотно обѣщали. Прощаясь со мною, всѣ, по обычаю старообрядцевъ, кланялись мнѣ въ ноги, прося благословенія. Начало было отличное! Все было для меня добрымъ знакомъ, обѣщавшимъ полный успѣхъ моему дѣлу...

Въ половинѣ одиннадцатаго, въ субботу, отправились мы съ Максимомъ Кондратьевымъ на собраніе. Церковь была полна народу. Какъ водится, положилъ я „началь“ предъ царскими вратами и поклонился собранію. Затѣмъ, объявивъ жителямъ посада царскую волю, увѣрялъ ихъ въ благоволеніи къ нимъ Государя, говорилъ имъ о Его попеченіи объ ихъ духовныхъ нуждахъ, о Его желаніи успокоить ихъ совѣсть и Высочайшемъ дарованіи имъ полной и ненарушимой свободы въ отправленіи богослуженія и исправленіи христіанскихъ требъ по древлепечатнымъ, святочтимымъ ими книгамъ, безъ малѣйшаго опущенія и нововведенія; объяснялъ имъ, что исполняя царскую волю, они исполняютъ и волю Господа нашего Іисуса Христа, заповѣдавшаго намъ чрезъ апостоловъ повиноваться предержавшей власти, устрояемой отъ самого Бога. Меня слушали со вниманіемъ.

— Вспомните, говорилъ я, самъ царь русской земли пріѣзжалъ къ вамъ и выстроилъ для того церковь. Не забыли еще я думаю его посѣщенія?

— Какъ забыть, говорили Еленковцы. Спасибо ему!

— Съ принятіемъ законныхъ священниковъ, продолжалъ я, вы оправдаете себя и въ отношеніи къ правиламъ святой православной церкви, изложеннымъ на вселенскихъ соборахъ святыми отцами, изъ которыхъ многіе по невѣденію ихъ и великой ревности вашей къ древлепечатному благочестію, не такъ исполнялись, какъ ихъ исполнять должно. Напримѣръ: вы, принимали священниковъ отъ Россійской церкви, епископами ея рукополагаемыхъ, а самихъ епископовъ удалялись. Вы знали, что безъ воли епископа отлучившійся священникъ во иной приходъ и совершающій священническое подвергается строгому запрещенію, что ясно показано и въ священнической грамотѣ, на основаніи правилъ церковныхъ: вы знали это, а пользовались именно такими священниками, бѣжавшими отъ своихъ епископовъ, и потому состоявшими подъ строгимъ запрещеніемъ. Вамъ также извѣстно было, что церковь безъ епископа не можетъ быть, но вы успокоивали себя тѣмъ, что „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“, а того не хотѣли знать, отъ кого зависить это премѣненіе, конечно не отъ священника, да и не отъ одного епископа, а цѣлаго собора епископовъ и то нужды ради;—всего менѣе, значить, отъ мірянина. А теперь, съ 1799 года, никакой нужды для старообрядцевъ не настоить, потому что по Высочайшему повелѣнію и съ разрѣшенія святѣйшаго правительствующаго Синода, всякій преосвященный архипастырь въ своей епархіи имѣетъ власть рукополагать священниковъ для васъ для служенія по старымъ книгамъ, лишь только вы изъявите свое желаніе и выберете кандидата для рукоположенія. И это дѣлается на основаніи указа отъ 15 марта 1799 г., состоявшагося по прошенію нижегородскихъ старообрядцевъ и Высочайше утвержденныхъ пунктовъ 1800 г. для московскихъ старообрядцевъ. А въ настоящее время, въ подтвержденіе данныхъ старообрядцамъ правъ Государю Императору благоутѣдно было самому пріѣхать къ вамъ и въ добрянской церкви торжественно обѣщать ихъ неприкос-

новенность. По окончаніи обѣдни, совершенной мною въ Добрянкѣ, онъ изволилъ спросить бывшихъ въ церкви старообрядцевъ: такъ ли священникъ служилъ обѣдню, какъ у васъ служили ее прежде, и довольны ли они его служеніемъ? Когда ему отвѣчали единогласно, что такъ именно, и что они довольны совершенною теперь у нихъ службою, тогда Государь сказалъ: „какъ она совершенна сегодня и какъ она совершалась прежде по старопечатнымъ книгамъ, такъ она и всегда будетъ совершаться у васъ безъ всякой перемѣны“.

Послѣ этого, друзья мои, чего вамъ еще желать? Остается благодарить помазанника Божія, молиться за него Богу и непрекословно исполнить волю его царскую.

— Да, самъ Царь пріѣзжалъ, слышались въ народѣ голоса. Спасибо, спасибо!..

— Умоляю васъ, говорилъ я, не откладывать душеполезнаго для васъ и важнаго для всего вашего потомства дѣло. Вы спасете и дѣтей своихъ!. Теперь же я ожидаю отъ васъ пріятнаго для себя отвѣча. Конечно, вы до моего пріѣзда уже подумали объ всемъ. Нынѣ вамъ остается только объявить мнѣ свое желаніе въ храмъ Божіемъ. Поймите, голосъ самого Царя зоветъ васъ! Боже васъ сохрани пренебречь имъ! Неужели захотите вы оскорбить отечески пекущагося о васъ Государя Императора, нарочито пріѣзжавшаго къ вамъ и самое правосудіе Божіе, располагающее волею царей? Сердце царево, знаете сами, въ руцѣ Божіей. Поймите, говорю, друзья мои, какъ важны и дороги настоящія минуты для васъ и вашего потомства! Чтобы дать вамъ свободу воспользоваться ими съ пользою для себя, я удалюсь отъ васъ на время въ святой алтарь и тамъ стану съ молитвою о васъ у престола Божія..

Съ этими словами, я ушелъ отъ нихъ въ алтарь. Минута была для моихъ собесѣдниковъ рѣшительная! Подъ впечатлѣніемъ воспоминаемыхъ мною событій въ Добрянкѣ, старообрядцы какъ русскіе подданные,

не могли не преклониться предъ своимъ Царемъ... Чувства всѣхъ были взволнованы и напряжены.. Я усердно молился въ эту великую для жителей „Еленки“ минуту. Отъ этой минуты, думалъ я, зависитъ участь дѣтей и всего потомства жителей... Вложи же, Боже, молился я, добрыя мысли въ сердца отцовъ и матерей будущаго потомства!.. Наконецъ меня позвали изъ алтаря. Я вышелъ и каково же было мое удивленіе? Предъ мѣстными иконами уже горѣли свѣчи и прежде, чѣмъ я приблизился къ народу, множество голосовъ встрѣтило меня изъявленіемъ общей готовности исполнить царскую волю и принять священника, какого благоволитъ дать имъ Государь. Я поклонился собранію, умѣвшему такъ скоро понять истинную свою пользу, и обратясь къ царскимъ вратамъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ заплѣлъ: *Днѣсь благодать Св. Духа насъ собра и вси взяли!* и т. д. Слышу, все собраніе заплѣло за мною. У многихъ полились слезы умиленія и восторга... Собраніе проплѣло еще *Царю небесный*. Когда я послѣ того обратился къ народу, меня поблагодарили за мой трудъ на ихъ пользу и просили завтра же совершить у нихъ богослуженіе въ этой самой церкви.

Съ великою радостію возвратился я домой, въ сопровожденіи добраго своего хозяина Максима Кондратьевича, прямо къ столу.

Вечеромъ, какъ въ Клинцахъ, такъ точно и въ „Еленкѣ“ совершилъ я малую вечерню съ канонами, торжественную всенощную, и на другой день, 16 числа, обѣдню, при многочисленномъ стеченіи народа, не помѣщавшагося въ церкви, и видѣлъ на лицахъ богомольцевъ выраженіе истинной радости. Долго жители Еленки не слышали въ своемъ посадѣ благовѣстническаго голоса колокола, потому что звонъ былъ запрещенъ старообрядцамъ. За то весь этотъ день звонъ не умолкалъ въ посадѣ. Когда я, заключивъ службу благодарственнымъ молебномъ съ многолѣтіемъ Государю Императору, вышелъ изъ церкви, меня останавливали

на дорогѣ, кланялись въ ноги, просили благословенія и искренно благодарили. Максимъ Кондратьевичъ устроилъ для насъ обильную трапезу и угощалъ всѣхъ, приговаривая: „Слава Богу по премногу“! При прощаніи мнѣ заявили желаніе, чтобы я отслужилъ вечерню и въ другой ихъ церкви Іоанно-Предтеченской; „да будетъ, говорили, едино стадо и единъ пастырь“! Побужденіе святое и достойное уваженія. Я отслужилъ праздничную вечерню св. Іоанну, Предтечи Господню, соединяя съ службою ему службу св. мученицамъ Софіи и тремъ ея дочерямъ. По окончаніи службы, на солеѣ встрѣтилъ меня Гусевъ и нѣсколько почетнѣйшихъ прихожанъ. Послѣдніе пожелали знать отъ меня: кто будетъ распоряжаться опредѣленіемъ священниковъ къ ихъ церквамъ, скоро ли они будутъ присланы и откуда? Не успѣлъ я начать отвѣтъ свой, какъ Гусевъ, всегда отличавшійся рвеніемъ, вздумалъ отвѣчать имъ вмѣсто меня и отвѣчалъ съ большою запальчивостію. Прихожане обидѣлись, сразу остановили его, и просили меня, чтобы я удалилъ его изъ церкви и далъ имъ свободно поговорить со мною, а не съ нимъ, иначе они уйдутъ изъ церкви, потому что знаютъ его нравъ; если онъ останется въ церкви, то имъ нечего будетъ дѣлать.

— Почтеннѣйшій Максимъ Кондратьевичъ! Бога ради, сказалъ я, не оскорбляйтесь на своихъ согражданъ. Я знаю ихъ глубокое къ вамъ уваженіе. Не оскорбить они хотѣли васъ своими словами; я нахожу въ нихъ свидѣтельство о вашей ревности къ св. дѣлу. Ею вы истинно уподобляетесь пророку Іліи, который не щадя обличалъ въ свое время Израиля. Но вѣдь вамъ извѣстно изъ слова, читаемаго по каѳизмахъ 20 іюля, что Ілія именно за свою святую ревность и взятъ былъ изъ среды израильтянъ на небо. Вотъ и они не могутъ вмѣстить вашей ревности. Поступите, какъ Ілія, оставьте ихъ. Я поговорю съ ними самъ на свободѣ, и скоро приду къ вамъ, чтобы поблагодарить васъ за послушаніе.

— Васъ, батюшка, я во всемъ послушаю,—отвѣчалъ мой хозяинъ. А этихъ дураковъ слушать нечего.

Я не знаю, что и вы-то съ ними дураками станете говорить! При этомъ онъ махнулъ рукой и ушелъ изъ церкви.

Тогда я удовлетворилъ желанію оставшихся, стараясь дать имъ успокоительные отвѣты на ихъ вопросы. Я сказалъ имъ, что священники будутъ избраны для нихъ въ Калужской губерніи и конечно изъ лучшихъ, и что выборъ ихъ и размѣщеніе по церквамъ и приходамъ, вѣроятно, будутъ возложены на меня.

— Чѣмъ скорѣе,—сказали прихожане,—тѣмъ лучше!.. Послѣ того я простился съ ними, поблагодаривъ ихъ за усердіе къ святому дѣлу. Почти всѣ проводили меня до дома Гусева, гдѣ была моя квартира.

Гусевъ встрѣтилъ насъ у своего дома, и не только не напомнилъ о бывшей съ нимъ непріятности, а еще былъ готовъ всѣхъ провожавшихъ меня принять къ себѣ. Двое изъ нихъ и вошли съ нами въ домъ,—именно тѣ, которые обидѣли его въ церкви, что бы извиниться предъ нимъ. Весь вечеръ провели мы вмѣстѣ. Мои гости выражали самую непритворную радость о случившемся. Видно было, что они сами сознаютъ, что вступаютъ совсѣмъ въ новыя отношенія къ своему духовенству и Государю...

На другой день, часу въ десятомъ, простившись дружелюбно съ Максимомъ Кондратьевичемъ и всѣми новыми прихожанами, поѣхалъ я въ ближайшій отъ Еленки посадъ „Воронку“.

ГЛАВА XVII.

Старообрядческій посадъ «Воронка». — Отличительный характеръ жителей. — Устройство домовъ. — Тайные подземные ходы. — Начало поселенія раскольниковъ въ этомъ посадѣ. — Сильное вліяніе Вѣтки — Бѣглые поцы. — Состояніе посада въ 1845 году. — Собраніе жителей для бесѣды. — Предназначенное упорство собравшихся. — Осмотръ раскольниковыхъ часовенъ. — Неудовольствіе по этому случаю ратушныхъ и всего посада. — Запечатаніе раскольниковой часовни. — Отъѣздъ въ посадъ «Лужки».

Радостныя и необыкновенно торжественныя событія въ посадѣ Клинцовскомъ были, какъ слишкомъ

ясные и теплые дни, предвѣстниками грозы, ожидавшей меня въ лежащихъ на пути посадахъ Воронкѣ и Лужкахъ. Посады эти искони не были согласны въ вѣрѣ съ прочими посадами, почитали жителей ихъ отступниками и еретиками, и ни въ чемъ никогда съ ними не соединялись. Грубость и невѣжество жителей посада Воронки, были издавна извѣстны во всей Черниговской губерніи. Они вмѣстѣ съ Лужками, ближайшимъ посадомъ своимъ, въ богомоленіи со всѣми прочими посадами въ Стадубѣхъ не сообщались и почитали ихъ отпадшими отъ вѣры, и смотрѣли на нихъ какъ на еретиковъ, единственно изъ за того, что во всѣхъ тѣхъ посадахъ, не иначе принимали бѣгствующихъ къ нимъ священниковъ, какъ съ объявленіемъ о нихъ гражданскому начальству, которое сносилось съ начальствомъ духовнымъ той епархіи, въ которой служилъ явившійся къ нимъ священникъ, — дѣйствительно ли онъ былъ служителемъ той церкви, которая поименована въ грамотѣ его, и не состоитъ ли подъ запрещеніемъ или судомъ, прося о семъ у вѣдомленія. Если что либо подобное оказывалось за явившимся къ нимъ священникомъ, то они ни въ какомъ случаѣ такового не принимали. Воронковцы же и Лужковцы не пренебрегали такими и принимали ихъ съ распростертыми руками, — почитая грѣхомъ имѣть соотношенія, по ихъ понятію, съ еретиками о такомъ важномъ предметѣ, какъ принятіе священника, по любви къ древнему благочестію приходящаго къ нимъ. Два посада эти, по закоренѣлости своей въ расколѣ были ревностными въ распространеніи раскола не только въ посадахъ черниговской губерніи, но и во многихъ мѣстахъ Россіи. Миссіонеръ Смѣльскій, какъ близъ ихъ живущій и постоянно съ ними занимавшійся, доносилъ мнѣ, что въ продолженіи успенскихъ постовъ, не менѣе пяти сотъ семействъ пріѣзжаютъ съ Дону, Кавказа, Сибири и другихъ мѣстъ Россіи, исповѣдаться и причащаться у бѣглыхъ поповъ Воронки и Лужковъ, не говоря уже о сосѣднихъ посадахъ черниговской губерніи, въ которыхъ, съ 1838 г.

не было священниковъ и которые потому, за крещеніемъ младенцевъ и вѣнчаніемъ браковъ, постоянно, въ большомъ числѣ, пріѣзжали въ эти посады. Посады эти были искони камнемъ соблазна всѣмъ посадамъ и сильнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію и утвержденію въ Стародубѣ единовѣрія...

Дома раскольниковъ этихъ посадовъ устроены такимъ образомъ, что ворота всегда находятся на заперти, такъ что проникнуть въ домъ нельзя прежде, пока хозяинъ не увидитъ изъ окошка пришедшаго къ нему. На дворѣ же сдѣланы калитки, соединяющія сосѣдніе между собою дома, съ тѣмъ, чтобы скрывающіеся люди имѣли возможность, до открытія воротъ, пройти въ смежные дома. Даже погреба, устроиваемые подъ домами, имѣютъ между собою сообщеніе...

Таковымъ укрывательствомъ особенно пользуются бѣглые попы, исправляющіе у нихъ всѣ таинства и обряды вѣры. Поимка бѣглыхъ поповъ въ этихъ посадахъ представляетъ для чиновниковъ преслѣдующихъ ихъ двоякаго рода опасность: а) опасеніе при таковой поимкѣ возбудить смятеніе въ народной толпѣ и подвергнуть себя за то лишенію мѣста, б) пожертвованіе лично собою. Въ собравшейся всегда по сему случаю толпѣ, женщины раскольницы приносятъ въ фартукахъ своихъ песокъ, коимъ засыпаютъ глаза у поимщиковъ, чтобы тѣмъ самымъ освободить изъ ихъ рукъ пойманнаго попа и доказать преслѣдователямъ ударами, наносимыми имъ безвѣстною рукою, степень опасности, заключающейся въ подобныхъ поимкахъ...

Находящіеся между раскольниками въ этихъ посадахъ, въ самомъ маломъ числѣ, единовѣрцы не имѣли никакой возможности противодѣйствовать этимъ безпорядкамъ: они сами нерѣдко подвергались разнаго рода притѣсненіямъ, потому что низшая полиція и ратуши здѣсь состоятъ изъ тѣхъ же раскольниковъ, которые желая отучить посадскихъ жителей отъ принятія единовѣрія, клеветуютъ на вступающихъ въ оное—въ уголовныхъ преступленіяхъ, или, подъ предлогомъ небла-

гонадежности, отдають ихъ въ солдаты по общественнымъ приговорамъ. Раскольникамъ, напротивъ, ратуши потворствуютъ какъ въ судахъ, такъ и въ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ. Здѣсь раскольниками собиралось съ каждой ревизской души мужскаго пола по 6 руб. сер., съ тою цѣлю, что когда будетъ нужна денежная помощь къ исполненію, или сокрытію ихъ общихъ неправильныхъ дѣйствій, то такую сумму употреблять либо на подкупъ чиновниковъ, изслѣдующихъ дѣло, либо для вознагражденія членовъ ратуши, исполняющихъ рѣшенное въ пользу раскольниковъ дѣло...

При первомъ извѣстіи о какихъ нибудь событіяхъ правительственныхъ и церковныхъ въ сосѣднихъ посадахъ, воронковцы и лужковцы сбѣгались туда первые и производили безпорядки.. Словомъ, эти два посада были однимъ изъ тѣхъ гнѣздъ раскола стародубскаго, гдѣ именно нужно было явиться самому Государю лично, вмѣсто Добрянки. Только Его присутствіе и личное обаяніе какъ Царя и могло подвигнуть эти посады къ какой либо переменѣ на лучшее!

Заселеніе Воронки началось въ слѣдъ за образованіемъ раскола въ Россіи 1667 г., когда нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ Козьма, службу имѣя въ церкви всѣхъ святыхъ на Кулишкахъ, совѣтъ положи: съ духовными дѣтьми своими отыти въ стародубскіе предѣлы. Бяше ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаеи и другъ Гаврила Ивановичъ, его же въ нѣкоихъ напастѣхъ укрываше. Полковникъ, видя Козму попу, любовное пріятство всѣмъ съ нимъ сущимъ показа и на прошеніе ихъ написа листъ, посла къ атаману курковскому Ламакѣ, повелѣвая листомъ отвести имъ на жительство мѣсто. И тамо вси, пришедшіе съ Козмою, поселишася; причемъ многіе народы, оставляющіе своя природныя мѣста, течаху въ стародубскую область и тамо пустыни населяюще. По сихъ прииде еще попъ изъ Бѣлева Стефанъ, имѣя на себѣ крещеніе и ставленіе старое. Службу по обычаю простыхъ для собра-

нія творяше, литургіи же никакоже касаяся, ниже прочихъ тайнъ дѣйствованіе. Новая же тако ненавидя, яко аще бы кто къ нему отъ таковыхъ крещенъ пришелъ, не второкрестя на общеніе не приимаше. Новорукоположенцевъ за священныя не вѣняше“. У Журавлева сказано, что Козма первый ввелъ перекрещиваніе между суевѣрами. Это не только несогласно съ извѣстіемъ Ивана Алексѣева, сочинителя статьи о бѣгствующемъ священствѣ, но несогласно и съ характерами Козмы и Стефана. Послѣдній былъ дикій фанатикъ, тогда какъ Козма „человѣкъ быше свободныя мысли, града Москвы“. О Стефанѣ и Алексѣевъ говоритъ: „Бяше прикрутъ и твердъ“. Потому несомнѣнно, что перекрещиваніе ввелъ Стефанъ ⁽¹⁾.

Вѣтка на посадъ Воронку имѣла самое большое вліяніе. Бѣглые попы выходили оттуда въ Воронку и Лужки, и какъ только являлся къ раскольникамъ священникъ, бѣжавшій отъ своего мѣста и архіерея, они отбирали у него ставленную грамоту, безъ которой его уже нигдѣ не принимали. Если попъ нуженъ и любъ былъ имъ, они оставляли его у себя, а если онъ оказывался лишнимъ, или почему нибудь не нравился имъ, то они старались передать его другой старообрядческой общинѣ, нуждающейся въ попахъ. Прежде условливались въ цѣнѣ за попа, потомъ проданнаго попа сажали въ телѣгу, переодѣтаго съ фальшивымъ паспортомъ; въ крайнемъ случаѣ прятали его даже въ возу, какъ контрабандный товаръ... Но ставленную грамоту давали въ руки не ему, а провожатому, который дорогою старательно берегъ ее отъ своего спутника. По пріѣздѣ на мѣсто, провожатый бралъ за попа деньги, и передавалъ его грамоту новой общинѣ. Иногда безъ предварительныхъ условій о цѣнѣ, бѣлаго попа возили отъ общи-

⁽¹⁾ Перекрещиваніе введено первыми и главными расколоучителями и удержалось во всей силѣ въ безпоповщинѣ, въ бѣглопоповщинѣ же оно скоро было оставлено. *Прилнч. ред.*

ны къ общинѣ, предлагая сдѣлать духовную куплю. Перевозка и перепродажа бѣглыхъ поповъ доставляла обильную жатву исправникамъ и становымъ, которые отличались въ этихъ случаяхъ не только чуткостію и находчивостію, но и необыкновеннымъ остроуміемъ. Какъ высока была нравственность слобожанъ посада Воронки въ концѣ XVIII вѣка, показываетъ намъ раскольничій синаксарь 1792 г., гдѣ фанатикъ раскола, въ заботахъ поддержать колеблющійся расколъ, пишетъ: „Ангелу *Воронковской* церкви нациши: вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой, его же подъемлещи на избіеніе трудниковъ и старцевъ, хотящихъ разрѣшиться отъ суетнаго міра-сего и пріяти вѣнцы мученическіе съ отцы святыми брынскими. Сего ради зѣло накажутся богохульники и суетвѣры, поносящіе имя твое, хлопощина и млатобойщина. Дерзай, чадо мое возлюбленное, и не преставай умножати число мучениковъ и святителей на небесахъ. Никто тя не одолѣетъ, ни въ судахъ стародубскихъ и губернскихъ, ни въ лѣсахъ и борахъ малевскихъ, гдѣ подвижники твои назирають проѣзжихъ щепотниковъ и надъ ними мясничаютъ ⁽¹⁾“.

Въ бытность въ стародубѣ Андрея Іоаннова, въ „Воронкѣ“ была часовня вѣтковскаго согласія, одна изъ упорнѣйшихъ. Во время моего посѣщенія въ посадѣ считалось жителей до 2500 мужеск. и 2800 жен. пола.

Когда съ И. И. Тютчевымъ мы пріѣхали въ „Воронку“, то, по указанію уѣзднаго исправника, остановились на судовой квартирѣ. Явились сюда скоро члены ратуши съ хлѣбомъ солью, и поздравили меня съ пріѣздомъ. Я поблагодарилъ ихъ за ихъ вѣжливость, объяснилъ цѣль своего пріѣзда и Высочайшую волю и спросилъ ихъ: желаютъ ли они исполнить ее? Они отвѣчали, что безъ общества ничего не могутъ сказать объ этомъ. По распоряженію ихъ, скоро собрано было на дворѣ челоуѣкъ до пятидесяти. Лишь только я взглянулъ на собранное общество, какъ невольно спросилъ

(1) «Синаксарь» напечатанъ въ сборникѣ Кельсіева, т. I.

ратушныхъ: что, эти люди все посадскіе жители, или есть тутъ и изъ другихъ посадовъ? Мнѣ отвѣчали, что тутъ все воронковцы. [Признаюсь, я не могъ представить себѣ, чтобы въ одномъ посадѣ можно было подобрать такую буйную на видъ партію... Одинъ другаго казался грубѣе; мрачные взгляды ихъ изъ подлобья ясно говорили, что они готовы рѣшиться на все; былъ только двѣнадцатый часъ, а уже всѣ они были пьяны.

Нужно было, однакоже, вступить въ бесѣду съ ними. Я кротно заговорилъ съ ними, что присланъ къ нимъ Государемъ Императоромъ, съ Царскимъ Его словомъ,—что Онъ, какъ отецъ, заботится объ нихъ и ихъ церквахъ,—что Онъ желаетъ, чтобы церкви ихъ не были безъ священниковъ, а они безъ пастырей, и потому обѣщаль въ Добрянкѣ всѣмъ старообрядцамъ прислать хорошихъ священниковъ изъ Калужской губерніи, которые будутъ отправлять у нихъ богослуженіе безъ малѣйшей перемѣны, по древлепечатнымъ до-никоновскимъ книгамъ, такъ что ни одна іота, или черта не будетъ измѣнена въ нихъ. Чего вамъ еще болѣе желать? сказалъ я. Если бы многоуважаемые предки ваши, въ свое время, слышали такую царскую милость, то они радостію возрадовались бы, съ благодареніемъ Господу Богу, нисколько не колеблясь, приняли бы волю царскую и съ величайшею готовностію исполнили бы ее, по заповѣди апостола: *нѣсть власть, аще не отъ Бога*. Во имя Божіе, спрашиваю васъ: желаете ли вы принять даруемыхъ вамъ священниковъ, съ тѣмъ непреложнымъ условіемъ, чтобы предоставленная вамъ свобода богослуженія по вашему желанію не была нарушаема, а напротивъ, чтобы вы были охраняемы и защищаемы?

Мнѣ отвѣчали, что отступниками воронковцы не были и не будутъ, и между ними нѣтъ ни одного Іуды предателя; что какъ доселѣ у нихъ было, такъ будетъ и всегда, а воля царская пусть, что хочетъ, то и творить...

Горько отзывались въ душѣ моей эти слова фанатизма и дерзости противъ самого Государя!.. Что же мнѣ тутъ можно было ждать? Благоразуміе заставляло вооружиться терпѣніемъ и испытать мѣры кротости.

Я съ искреннею любовію, самымъ кроткимъ тономъ, заговорилъ было съ своими собесѣдниками на эту же тѣму; меня не стали слушать и прямо начали одинъ за другимъ расходиться.. Тогда уже мнѣ не оставалось ничего положительно дѣлать, какъ возвратиться въ комнату.

Я спросилъ ратушныхъ: для моего собственно пріѣзда подготовлено такое избранное общество, съ какимъ я имѣлъ дѣло, или на всякій подобный случай? Ратушные отвѣчали увѣреніемъ, что всѣ посадскіе жители тѣхъ же мыслей, какія мнѣ высказаны были.

За чаемъ я спрашивалъ ратушныхъ объ ихъ церквахъ. Была,—говорили они мнѣ, церковь у насъ, да сгорѣла, а теперь только двѣ часовни. Я изъявилъ желаніе посмотрѣть часовни. Переглянувшись другъ съ другомъ и пожавъ плечами, ратушные отзывались, что не знаютъ, гдѣ найти ключи?

Ключи должны быть у старосты, или у пономаря, если нѣтъ священника, замѣтилъ я.

— Старосты у насъ нѣтъ, отвѣчали они, а ключи беретъ тотъ, кто выходитъ изъ часовни послѣ службы послѣднимъ; они у него и хранятся до слѣдующаго воскресенья или праздника..

Я посмотрѣлъ въ глаза тому, кто мнѣ это говорилъ и сказалъ: за кого же ты меня, другъ милый, принимаешь, что рассказываешь мнѣ, какъ ребенку, такія нелѣпости?

По всему этому приему и началу ясно было, что успѣхъ мой въ этомъ посадѣ сомнителенъ. Событія Добрянскія въ единственномъ изъ всѣхъ уголковъ Стародубья не произвели здѣсь никакого благопріятнаго впечатлѣнія.. Кора невѣжества и вѣковаго упорства была такъ толста, что прошибить её нужно было много усилій такихъ, которые были выше моихъ силъ. За мною

оставалось одно право: терпѣніе, великодушіе и осторожность...

Во время преднамѣренно злыхъ объясненій со мною ратушныхъ, которые были первые изъ упорныхъ раскольниковъ посада, подошелъ ко мнѣ становой и спросилъ:

— Вамъ угодно осмотрѣть часовни?

— Да, я хочу быть въ нихъ!—отвѣчалъ я.

— Слушаю-съ! сказалъ становой и скрылся отъ насъ.

Прошли какія нибудь четверть часа, какъ онъ опять явился, держа въ рукахъ связку ключей, и пригласилъ меня пожаловать въ часовни. Онъ приказалъ идти за нами и членамъ ратуши. Такимъ образомъ насъ составила компанія человекъ въ десять. Мы нашли двери часовни—первой, которую осматривали, открытыми настежь. Къ удивленію своему, я не нашелъ въ ней ни иконостаса съ иконами, ни клиросовъ; только одна икона висѣла на восточной стѣнѣ. Все это было вынесено раскольниками вонъ. Тутъ значитъ нечего было мнѣ дѣлать! Я вышелъ изъ часовни и спросилъ о другомъ молитвенномъ домѣ. Становой сказалъ, что другая часовня не близко, на противоположномъ концѣ посада.

Мы нашли лучшимъ сѣсть въ экипажъ и ѣхать. Когда мы проѣхали весь посадъ, мой спутникъ остановилъ тележку у одного амбара, отперъ дверь съ западной стороны и предложилъ мнѣ войти. Что же я здѣсь увидѣлъ? у восточной стѣны высокій въ нѣсколько ярусовъ иконостасъ, наполненный иконами; большія иконы нижняго яруса были въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ; клиросы на приличныхъ мѣстахъ, оѣбенные хорурвьями; боковыя стѣны также украшены св. иконами. Въ общемъ это былъ богато украшенный и весьма помѣстительный домъ. Недоставало только оконъ; всего было только одно, надъ иконостасомъ, подъ самымъ потолкомъ. Зданіе стояло отдѣльно отъ посадскихъ домовъ и снаружи казалось просто кладовымъ

амбаромъ. Сбѣжавшіеся къ осмотру жители посада, были сильно недовольны нашимъ посѣщеніемъ и выразили свое неудовольствіе тѣмъ, что когда мы осмотрѣли часовню и вышли, никто изъ нихъ не хотѣлъ запереть ее, а когда становой заперъ и отдавалъ имъ ключи, не взяли ихъ. Это обстоятельство заставило меня вспомнить, что старосты у нихъ нѣтъ. А такъ какъ нельзя же оставить ключи отъ часовни у чиновника, то обратясь къ Тютчеву, я предложилъ ему озаботиться береженіемъ общественнаго имущества, на томъ основаніи, что изъ членовъ ратуши никто не хотѣлъ ни запереть часовни, ни взять ключи отъ нея. Тютчевъ тотчасъ же приказалъ становому запечатать часовню.

Мигомъ явились у становаго всѣ принадлежности къ опечатанію. Съ видимымъ удовольствіемъ исполнивъ приказаніе Тютчева, становой какъ-то особенно взглянулъ на воронковцевъ. Я тотчасъ понялъ причину его удовольствія, и чтобы умѣрить его восторгъ, предложилъ Тютчеву, не угодно ли будетъ ему приложить и свою печать? Тютчевъ приложилъ. Черезъ это двойное припечатаніе нашъ услужливый становой лишился довольно хорошей доходной статейки, что было ему, замѣтно, не по вкусу...

Послѣ всего, что я видѣлъ въ Воронкѣ и зналъ о жителяхъ этаго посада, мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить ихъ въ покоѣ. Почва здѣсь была слишкомъ еще жестка и груба для проповѣди единовѣрія. Впрочемъ я рѣшился еще разъ испытать терпѣніе свое и прибѣгнуть къ христіанской кроткой бесѣдѣ съ жителями. Ко мнѣ ни одинъ изъ посада не явился. Сгонять посадъ полиціей значило испортить все дѣло. Оставалось самое лучшее предоставить заблудшихъ времени. Я такъ и сдѣлалъ.

Не теряя времени, мы выѣхали съ Тютчевымъ въ „Лужки“.

И апостолы, сказалъ я Тютчеву дорогою, отрясали прахъ съ ногъ своихъ тамъ, гдѣ ихъ не принимали...

ГЛАВА XVІІІ.

Посадъ „Лужки“. — Начало заселенія посада раскольниками. — Состояніе жителей въ 1845 году. — Мѣры правительства противъ своеволій посада. — Осмотръ лужковской раскольниковской церкви. — Тревога жителей. — Обращеніе миссіонера Смѣльскаго къ лужковцамъ. — Отказъ ихъ на его предложеніе. — Мое обращеніе къ жителямъ посада. — Преднамѣренное уклоненіе ихъ отъ онаго. Слабое вліяніе событій въ Добрянкѣ на лужковскій посадъ. — Отѣздъ въ старообрядческій посадъ „Чуровичи“.

Что въ „Лужкахъ“ меня ожидало тоже, что и въ „Воронкѣ“, въ этомъ я ни на минуту не сомнѣвался. И тотъ и другой посадъ считались издавна родными братьями по буйству предъ властями, упорству въ расколѣ и по торговлѣ бѣглыми попами.

Заселеніе Лужковъ раскольниками началось съ 1700 г., когда бѣжавшіе изъ Россіи поселились въ земляхъ бунчуковскаго товарища Ивана Ильича Рубка (¹).

Во время моего посѣщенія посада Лужковъ въ 1845 г., въ немъ было до 5,400 жителей обоего пола.

Во владѣніи обывателей посада состояло земли 2,408 дес. 156 саж.; въ томъ числѣ; подъ поселеніемъ и выгономъ 114 дес. 2,002 саж., пахотной 1953 десят. 435 саж., сѣнокосной 64 дес. 1,175 саж., лѣсу 240 дес. 590 саж., неудобной 35 дес. 394 саж.

Раскольники посадовъ Лужковъ и Воронки состояли между собой въ тѣсныхъ связяхъ не только по религіозному единомыслію, но и по вліянію матеріальныхъ интересовъ, ибо находящіеся между ними въ большомъ числѣ богатые купцы, доставляя занятіе и пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ бѣдныхъ обывателей, содержали сихъ послѣднихъ въ совершенной отъ себя зависимости.

Комитетъ гг. министровъ, разсматривая дѣло объ учрежденіи особаго полицейскаго управленія въ раскольниковыхъ слободахъ черниговской губерніи, для

(¹) Универсал. Гетмана 20 сент. 1709 г. Универсал. стародубскаго полковника отъ 12 сент. 1701 года.

усиленія надзора за ними, нашелъ неудобнымъ учредить въ сихъ слободахъ, особливо въ Лужкахъ и Воронкѣ отдѣльное полицейское управленіе на особыхъ правилахъ, такъ какъ предпринимаемая правительствомъ для ослабленія раскольниковъ мѣры — главнѣйшія состоятъ въ томъ, чтобы подчинить раскольниковъ общимъ государственнымъ постановленіямъ, съ цѣлью не подать повода раскольникамъ: 1) мыслить, что они могутъ составить отдѣльное общество; 2) считать сію мѣру стѣснительною, какъ исключительно для нихъ предназначаемую и тѣмъ поддержать недовѣрчивость къ распоряженіямъ правительства и упорство въ ихъ заблужденіяхъ, 3) жаловаться на обременительные сборы для покрытія расходовъ, предполагаемыхъ въ большомъ размѣрѣ, новаго управленія. Но комитетъ думалъ, что можно достигнуть той же цѣли учрежденіемъ тамъ полицейскихъ управленій въ ограниченномъ составѣ, не выходя изъ общихъ правилъ. Въ видахъ пресѣченія открытыхъ безпорядковъ въ посадахъ черниговской губерніи, положено: опредѣлить въ Лужки и Воронки особыхъ полицеймейстеровъ, подобно тому, какъ по тѣмъ же причинамъ, опредѣлены были полицеймейстеры въ заштатный городъ Судиславль (костромской губерніи), и посадъ Сольцы (псковской губерніи), гдѣ большая часть жителей раскольники.

Согласно съ симъ заключеніемъ комитета министровъ, черниговскій, полтавскій и харьковскій генераль-губернаторъ Кокошкинъ, въ бытность Его Императорскаго Величества въ Кіевѣ, представилъ особую записку: о мѣрахъ необходимыхъ для водворенія въ раскольничьихъ селеніяхъ черниговской губерніи, особливо Лужковъ и Воронки, большого порядка и благоустройства. Государь Императоръ, утвердивъ въ Лужкахъ и Воронкѣ особыхъ полицеймейстеровъ, приказалъ особую для сего сумму въ годъ отнести на особый сборъ жителей помянутыхъ посадовъ и слободъ по преподаннымъ для сего генераль-адъютанту Кокошкину правиламъ, а на остальныхъ разложить толь-

ко сумму, потребную на усиленіе средствъ земской полиціи, дабы такимъ образомъ отличить людей, болѣе покорныхъ и сочувствующихъ видамъ и желаніямъ правительства отъ тѣхъ, кои являютъ себя неисполнителями его требованій, и кои, подъ личиною религіозности, таятъ преступные свои виды и замыслы.

Когда мы съ Тютчевымъ пріѣхали въ Лужки, то намъ отвели квартиру въ хорошемъ домѣ, и съ тою же церемонією, какъ и въ Воронкѣ, члены ратуши просили принять отъ нихъ хлѣбъ соль. Послѣ первыхъ объясненій съ ними, я пригласилъ ихъ проводить меня до ихъ успенской церкви. Церковь со всѣхъ сторонъ окружена уже была, когда мы подходили къ ней, множествомъ народа, большею частію женщинами и дѣвками, собравшимися защищать церковь. Удивляться этому преобладанію женскаго элемента въ защитникахъ старообрядческихъ церквей нечего: въ подобныхъ случаяхъ у нихъ и молодые и безбородые парни наряжаются въ женское платье. Въ это самое время явился къ намъ миссіонеръ свящ. Павелъ Смѣльскій, имѣвшій мѣстопробываніе въ одномъ малороссійскомъ селѣ, близъ Лужковъ. Я тотчасъ присоединилъ его къ своему обществу.

Церковь не представляла ничего особеннаго. Главнымъ украшеніемъ ея былъ иконостасъ съ древними иконами, между которыми много было серебряныхъ вызолоченныхъ. Алтарь былъ запечатанъ, чистоты и опрятности никакой.

Во время нашего обзора вошелъ исправникъ съ просьбою отъ прихожанъ, чтобы я дозволилъ войти въ церковь троимъ изъ нихъ для объясненія со мною. Когда они вошли, мы были на правомъ клиросѣ. Посланные помолились передъ иконами, подошли ко мнѣ, и стали говорить, чтобы я не опечатывалъ ихъ церкви. Я старался увѣрить посланныхъ, что я присланъ не опечатывать ихъ церкви, а распечатывать, что и въ Воронкѣ не я запечаталъ, а г. чиновникъ Тютчевъ. Это ихъ дѣло, а не мое. Если угодно вамъ,—продолжалъ

я, удостовѣриться въ томъ, что я не обманывалъ васъ, стоитъ вамъ только изъяснить мнѣ свое желаніе, чтобы я завтра служилъ въ этой церкви, и я сію же минуту распечатаю алтарь и буду молиться съ вами. Посланные и слышать не хотѣли объ этомъ.—Послушайте, не грѣшите Бога ради,—говорилъ я,—примите правильныхъ священниковъ; вѣрьте, что вы сдѣлаете этимъ угодное Богу и избавитесь отъ тяжкаго грѣха. Противиться Цомазаннику Божію—тяжкій грѣхъ, а противиться явной истинѣ—еще болѣе; это грѣхъ смертный, противъ самаго Духа Божія. Не давая мнѣ продолжать моей рѣчи, посланные стояли на своемъ.

День уже миновалъ, становилось темно; посадъ былъ весь на ногахъ и окружалъ церковь со всѣхъ сторонъ, готовясь къ буйству.

Такой, явно неблагоклонный пріемъ лужковцевъ, прямо не предвѣщалъ мнѣ ничего хорошаго въ моемъ дѣлѣ. Тютчевъ рѣшился запечатать лужковскую церковь. Я сказалъ ему: а кто будетъ отвѣчать начальству, если церкви не дадутъ запечатать, да и насъ поколотятъ? и при этомъ съ своей стороны совѣтовалъ ему не приступать къ запечатанію церкви. Тютчевъ согласился, и избавился отъ очевидной бѣды...

Когда мы возвратились на квартиру, то о. Смѣльскій, вставъ съ своего мѣста, обратился къ лужковцамъ съ такою рѣчью:—„любезные лужковцы! Возьмите меня къ себѣ священникомъ. У васъ священникъ былъ Павелъ, и я Павелъ же. А что я служу у малороссійской церкви, это воля не моя, а власть начальства; а я уважалъ древнее благочестіе всегда: вы сами можете свидѣтельствовать объ этомъ. Вы знаете, что на церкви, въ которой я служу, вмѣсто четырехконечнаго креста поставилъ я осьмиконечный, и всѣхъ хохлятъ крещу въ три погруженія, какъ и вы, а службу хотя по новымъ книгамъ отправляю, но безъ пропусковъ. Любезные лужковцы!—продолжалъ о. Павелъ, протягивая къ нимъ обѣ руки:—вотъ при такомъ цар-

скомъ свидѣтель, возьмите меня. Увѣряю васъ Богомъ, что вы довольны будете мной“!

— Благодаримъ покорно, — отвѣчали Смѣльскому съ усмѣшкою лужковцы... подождите немного!

Вмѣсто обиженнаго миссіонера, я рѣшился было вступить въ кроткую бесѣду съ жителями, но они не стали слушать меня очевидно по условію, заранѣе составленному; и просто передъ нашими глазами всѣ разошлись...

Дѣлать было нечего! Черезъ полицію заставлять слушать увѣщанія значило идти на бунтъ... Скорбя глубоко душою о грубости и закоренѣлости нравовъ жителей посада Лужковъ, я задавалъ себѣ вопросъ оставшись одинъ: что было бы, если бы самъ Государь, вмѣсто Добрянки, явился здѣсь и сдѣлалъ тоже, что въ Добрянкѣ? Ужели и тогда не было бы здѣсь успѣха? Сила царскаго обаянія очевидно подавила бы вѣковое упорство, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но я одинъ былъ безсиленъ здѣсь что либо сдѣлать... Вліяніе событій въ Добрянкѣ, было здѣсь до того слабо, что не пробудило въ жителяхъ никакой благодарности къ Государю за его безпримѣрное отеческое вниманіе къ стародубскимъ старообрядцамъ, такъ недавно оказанное...

Ночь въ Лужкахъ мнѣ не спалось. Такъ грустно было на душѣ за мрачныя и непривѣтливныя событія въ Воронкѣ и Лужкахъ. Что оставалось дѣлать? Идти по домамъ съ проповѣдью на устахъ значило идти на прямыя оскорбленія, которыя, пожалуй, могли повести и къ преступленіямъ уголовнымъ; собирать посадъ чрезъ полицію значить вызывать жителей на прямое буйство...

Скрѣпя сердце и помолившись Богу, испрашивая сквозь слезы прощенія людямъ, которые не видятъ, что творять, я рѣшился оставить Лужки.

Поутру пришелъ Тютчевъ проститься со мной, потому что онъ получилъ новое порученіе отъ губернатора. Мы выѣхали изъ Лужковъ въ одно время, онъ въ Новозыбковъ, а я въ посадъ „Чуровичи“.

ГЛАВА XIX.

Посадъ «Чуровичи». — Первоначальные поселенцы посада. — Характеръ жителей. — Всегдашняя зависимость посада отъ другихъ. — Состояніе жителей въ 1845 году. — Часовня перемазанцевъ. — Бесѣда съ старообрядцами посадскими. — Ихъ нерѣшительность. — Колебанія. — Благопріятный результатъ бесѣды. — Дружественное прощаніе съ жителями посада. — Отъѣздъ въ Посадъ «Климовъ».

Старообрядческій посадъ „Чуровичи“, находящійся въ 50 верстахъ отъ уѣзднаго своего города „Новозыбкова“, былъ одинъ изъ выселковъ изъ за польскихъ рубежей. Пользуясь разрѣшеніемъ Императрицы Екатерины II, старообрядцы многочисленными толпами поселились на привольныхъ черниговскихъ равнинахъ и внесли расколъ въ Малороссію, гдѣ онъ былъ прежде совсѣмъ неизвѣстенъ. Посады преднамѣренно уклонялись отъ всякаго сообщенія съ туземцами, а малороссіяне смотрѣли на раскольниковъ, какъ на чудовищъ какихъ, и съ своей стороны, чуждались всякихъ связей съ неуважавшими православной церкви. Всѣ посады были проникнуты тогда одинаковымъ духомъ религіознаго сектаторства, но не всѣ были равно упорны въ дѣлахъ вѣры, не всѣ въ своихъ вѣрованіяхъ мыслили одинаково. Одни держались старины безсознательно, по внушеніямъ и ученію своихъ отцевъ; другіе — по преданіямъ, съ давнихъ лѣтъ укоренившимся, пользовались первенствомъ предъ прочими и законодательствовали въ дѣлахъ вѣры, придавая своимъ превратнымъ толкованіямъ видъ новаго ученія, увлекательнаго для простыхъ и безграмотныхъ людей.

„Чуровичи“ былъ однимъ изъ посадовъ, находящихся въ безграничномъ подчиненіи и вліяніи Воронки и Лужковъ. По сердцу чуровичане были мягче буйныхъ воронковцевъ и лужковцевъ. Въ мое посѣщеніе посада „Чуровичей“ въ немъ было жителей 1,416 муж. 1,716 жен., 3,132 обоюбого пола; въ томъ числѣ: дворянъ 8 муж. и 4 женщ., купцовъ 52 муж. и 48 женск., мѣщанъ 1,340 муж., 1,629 жен., безсрочно и временно

отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ 16 муж. и 45 жен.; домовъ 530.

Очевидно народъ тутъ былъ болѣе темный, чѣмъ просвѣщенный, болѣе жившій чужимъ умомъ жителей Воронокъ и Лужковъ, чѣмъ своимъ.. Мало бывалые, довольно бѣдные и зависимые отъ капиталистовъ богачей другихъ посадовъ, чуровичане мало имѣли и своей собственной воли, приставаая всегда къ тѣмъ, кто ихъ сильнѣе. Въ Чуровичахъ существовала издавна церковь усненія Божіей Матери вѣтковскаго согласія.

Пріѣхавъ 18-го сентября въ „Чуровичи“, я остановился на судовой квартирѣ, въ которой нашель новозыбковскаго исправника Сербодольскаго. Встрѣчей этой я былъ очень доволенъ. Сербодольскій распорядился, чтобы собрались жители Чуровичъ, и наполнилъ ими двѣ большихъ комнаты. Сверхъ того явилось многое множество бабъ и дѣвокъ, которыя толпились на дворѣ и на улицѣ у оконъ дома. Началось, по обыкновенію, тѣмъ, что я объявилъ чуровичанамъ, для чего я пріѣхалъ къ нимъ и кто меня послалъ. Я прибавилъ: Государь любитъ васъ и жалѣетъ, какъ отецъ дѣтей своихъ. Знаетъ онъ, что нѣтъ у васъ священниковъ: вотъ онъ и приказалъ мнѣ привести къ вамъ отцовъ и пастырей духовныхъ изъ калужской губерніи, какъ пожелали добрянскіе старообрядцы. Я пріѣхалъ къ вамъ, чтобы извѣстить васъ о такой царской милости. А въ слѣдующій мой пріѣздъ, если хотите, я привезу вамъ хорошаго священника, который.....

Не успѣлъ я окончить свою рѣчь, какъ всѣ чуровичане въ обѣихъ комнатахъ, а ихъ жены и дѣвки на улицѣ и на дворѣ, будто какъ по командѣ, въ одинъ мигъ завопили: „батюшка, отецъ родной! сдѣлай милость, не привози, дай намъ сроку хоть одинъ годикъ!“ Эта неожиданность удивила меня и исправника. За громкими воплями цѣлаго посада мнѣ нельзя было говорить.

Наконецъ намъ удалось возстановить порядокъ и тишину. Тогда я спросилъ чуровичанъ: „а чрезъ годъ

то примите священника? „Примемъ“, — отвѣчали мнѣ въ одинъ голосъ, впрочемъ съ оговоркою: „когда примутъ и въ другихъ посадахъ“. Нечего было дѣлать: надобно было согласиться на ихъ просьбу.

Зная полную зависимость посада Чуровичей отъ Воронки и Лужковъ, я и не настаивалъ на безотлагательномъ принятіи единовѣрія, вполне увѣренный, что если бы чуровичане согласились на это тутъ же, то воронковцы и лужковцы съѣли бы ихъ, если такъ можно выразиться, живыми.. Для меня уже и это было важно, что чуровичане покорно меня слушали и дали обѣщаніе принять единовѣріе въ слѣдъ за другими. Виды на утвержденіе здѣсь единовѣрія были вѣрные, судя по приему. Меня слушали и убѣждались, но боялись на рѣшительный шагъ. Нужно было уважить и обстоятельства, и зависимость и бѣдность людей..

Я просилъ исправника отпереть церковь посадскую и проводить меня къ ней. Исправникъ тотчасъ увидѣлъ въ собравшейся толпѣ церковнаго старосту и приказалъ ему отпереть церковь и ожидать насъ. Смотримъ: чуровичане спѣшатъ туда же, стараясь быть на мѣстѣ прежде насъ. Церковь и колокольня была въ Чуровичахъ деревянная, довольно хорошей архитектуры, и еще не старой постройки; иконостасъ приличный; иконы слободской, довольно хорошей иконописи; въ ризахъ серебряныхъ были только двѣ иконы, у царскихъ вратъ; алтарь очень хорошъ; въ церкви и алтарь чисто и опрятно. Осмотрѣвъ церковь, и выйдя изъ алтаря, я обратился къ собравшимся прихожанамъ съ слѣдующей рѣчью: „друзи мои! въ церкви у васъ хорошо, все есть и все въ порядкѣ. Недостаетъ одного: священника, безъ котораго церковь совсѣмъ круглая сирота, потому что безъ него никто не можетъ ничего совершать въ ней. Посмотрите у васъ въ ратушѣ все въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ. А не будь въ ней бургомистра и ратмановъ, опредѣленныхъ законною властію, всѣ дѣла въ ней прекращаются. Если найдется смѣльчакъ, и станетъ, безъ всякаго права,

распоряжаться въ ратушномъ присутствіи, его отдадутъ подъ судъ, да и тѣхъ судятъ, которые послушаютъ дерзкаго; все, чтобы онъ ни сдѣлалъ, уничтожается и считается недѣйствительнымъ. Отнесите сказанное мною, почтенные чуровцы, къ церкви. Какъ ратуша, безъ законныхъ судей излишняя и бесполезная комната, такъ и церковь не существуетъ безъ законныхъ священниковъ. Если гражданскій судъ такъ строгъ къ самовольнымъ распорядителямъ въ Ратушѣ и къ тѣмъ, которые имъ повинуются,—то еще болѣе строгъ судъ церковный къ самовольнымъ беззаконнымъ священникамъ, распоряжающимся въ церкви и къ тѣмъ, которые ихъ слушаютъ. Судъ гражданскій временный и человѣческій, а судъ церковный вѣчный и божественный.

Слушатели внимали мнѣ и молчали. Знакъ былъ добрый и я рѣшился проложить путь къ ихъ сердцамъ.

— Добрые и дорогіе во Христѣ братья мои, продолжалъ я, сами вы понимаете, какъ нуженъ вамъ священникъ и помимо церковной службы: больнаго исповѣдать и причастить, прочесть для него разрѣшительную молитву, дать молитву родильницѣ, наречь имя новорожденному;—да мало ли для чего нуженъ священникъ! А у васъ съ 38 года нѣтъ его, можетъ быть и до того времени не было. Богъ дастъ, въ слѣдующій разъ я вамъ привезу его.

Желаете?

Всѣ молчали..

— Молчаніе, сказалъ я, знакъ согласія. Благодарю васъ душевно за Ваше доброе желаніе.

Всѣ переглянулись и какъ будто испугались чего то...

Чтобы воспользоваться минутою, я рассказалъ имъ тутъ подробнѣе событіе въ Добрянкѣ и обаятельность царскаго посѣщенія подѣйствовала наконецъ на моихъ слушателей. На лицахъ многихъ высказывалась особенная радость и удовольствіе...

Бесѣду свою съ чуровичанами я кончилъ тѣмъ, что взялъ съ нихъ слово: принять законнаго священника, когда привезу имъ.

Всѣ согласились.

Я обратился благодарить Бога къ царскимъ вратамъ и положилъ обычный „началь“. Со мной замолились и всѣ присутствующее.. За тѣмъ, помолившись, я поклонился чуровичанамъ и дружески простился съ ними до будущаго, предположеннаго свиданія.

Изъ „Чуровичей“ я поѣхалъ въ „Климовъ“ посадъ.

ГЛАВА XX.

Покровскій монастырь.—Краткая исторія онаго.—Ггумень Рафаилъ—Собраніе въ монастырѣ представителей стародубскихъ слободъ на совѣщаніе.—Бесѣда съ сими представителями въ церкви.—Первое совѣщаніе.—Составленіе проекта прошенія Государю Императору. — Новыя совѣщанія 21 сентября. — Третье совѣщаніе старообрядцевъ и окончательное изготовленіе общаго прошенія на Высочайшее имя. — Уклоненіе нѣкоторыхъ лицъ отъ подписи сего прошенія. — Особый журналъ, составленный по этому случаю —Окончаніе соборныхъ совѣщаній въ Покровскомъ монастырѣ.—Мой отъѣздъ изъ монастыря.

Близъ посада Климова находится мужской старообрядческій Покровскій монастырь, и такъ какъ близко было 20 сентября,—день, назначенный для собора изъ представителей старообрядческихъ слободъ въ этомъ монастырѣ для рѣшенія вопроса о принятіи благословеннаго священства, согласно съ волею Государя Императора, то я и остановился въ Покровскомъ монастырѣ прежде дѣйствій своихъ въ Климовскомъ посадѣ.

Монастырь Покровскій пользовался глубокимъ уваженіемъ у всѣхъ—старообрядцевъ еще во времена знаменитаго настоятеля попа Михайла Калмыка. Къ Калмыку съ уваженіемъ обращались иногородныя поповщинскія общества, посылая въ его монастырь щедрую милостыню. Многіе монастыри, въ особенности Казанскій, были въ полной отъ него зависимости и питали къ нему паническій страхъ. Въ силу этого къ нему уваженія возвысился и управляемый Калмыкомъ Покровскій монастырь, который не потерялъ своего уваженія и доселѣ. Основаніе этого монастыря очень древнее.. Старообрядцы во вторую выгонку изъ Польши съ Вѣт-

ки въ 1764 г. вывезли въ Россію покровскую церковь, которая между слободами Митьковки и Климовой вновь собранная въ 1765 г. бѣглыми попами и освятилась; къ ней за громкое имя, изъ разныхъ странъ Россійской имперіи не только мужескій, но и женскій полъ стекался, какъ въ древній Іерусалимъ..

Постриженные монахи, обѣщавшіеся иночествовать, и дѣвицы, придерживавшіеся горячо вѣтковской церкви и съ бревнами сюда выѣхавшіе, по устроении Покровскаго монастыря, просили слобожанъ для своего поселенія спокойнаго мѣста.

Въ 1765 году слободской конторы бурмистръ Алексѣй Хрущевъ съ товарищами, по общему совѣту, отвели, близъ Климовой въ дачахъ Митьковскихъ, поле, сажень на сто квадратныхъ, на всѣ четыре стороны, гдѣ убѣжавшіе и пристроились.

Попъ Михайло, природный калмыкъ, и виду весьма неинтереснаго, съ общаго согласія духовныхъ и мірскихъ, опредѣлился въ Покровскомъ монастырѣ начальникомъ, почему и близъ находившійся дѣвичій монастырь, поступилъ подъ его же управленіе.

Калмыкъ монастырь оградилъ деревянною досчатою со всѣхъ сторонъ оградой, а на сквозномъ проходѣ чрезъ монастырь по краямъ сдѣлалъ двое воротъ, съ берегу же отъ рѣки нѣсколько калитокъ: посреди нѣ монастыря поставилъ новую часовню посредственной величины, деревянную же. Эту часовню въ 1787 году Михайло Калмыкъ освятилъ на старинномъ антиминсѣ церковью во имя казанскія пресвятыя Богородицы. Съ 1766 по 1789 годъ, т. е. въ двадцать три года, явились въ притонѣ этомъ всякаго чина и возраста, какъ матерей и сестеръ въ черничествѣ, такъ и бѣлыхъ муштинъ до седми сотъ душъ. Хозяйствовалъ и служилъ у нихъ поппъ Михайло Калмыкъ, который діакона при себѣ никогда не терпѣлъ и каждую жену, или молодую дѣвку, безъ всякаго замедленія и справокъ постригалъ властительски и съ начала своего

здѣсь пребыванія всякаго званія народу постригъ по 1790 годъ въ монашество до шести тысячъ душъ...

Когда Михайло Калмыкъ изъ Покровскаго монастыря прїѣзжалъ въ сосѣдній Казанскій ⁽¹⁾ праздновать со своими крылошанами, молодыми старцами и бѣльцами; то монахи держали правый, а монахини съ дѣвицами лѣвый крылось, и на сходку ходили вмѣстѣ съ обоихъ крылосовъ. По окончаніи же службы, позволялось идти каждому старцу и бѣльцу къ матерямъ и сестрамъ въ келію. Слѣдствіемъ такихъ сближеній было то, что въ слободахъ частенько у ратуши среди-народно монахи и монахини, цѣпями скованные, въ трудахъ упражнялись за ихъ частое другъ друга посѣщеніе... Тогда же годныхъ чернецовъ въ солдаты отдавали, а матерей съ сестрами публично предъ судейскою палками наказывали...

Въ 1772 году, въ Покровскомъ монастырѣ придѣлана была къ знаменитой Покровской церкви, вывѣзенной съ Вѣтки, вторая теплая церковь, во имя святаго Николая чудотворца, освященная попомъ Михайломъ и при ней монашествующихъ находилось близь ста человѣкъ, а монахинь и непостриженныхъ бѣльцовъ до пятидесяти. Всѣ были вѣтковскаго согласія.

Съ прїѣздомъ Андрея Іоаннова въ стародубскія слободы, какъ въ Казанскомъ монастырѣ, такъ и въ Покровскомъ многіе приняли единовѣріе. Въ 1791 году личнымъ распоряженіемъ губернаторъ Бибииковъ передалъ ключи отъ церквей монастырскихъ о. Андрею, и о. Андрей совершилъ въ нихъ молебствіе. О. Андрей склонилъ здѣсь на принятіе благословеннаго священства много такихъ, которые даже у своихъ поповъ не бывали на исповѣди по десяти лѣтъ и болѣе, а истинной церкви Божіей не знали съ самой колыбели.. Кроме того, число расположенныхъ къ благословенному священству въ Покровскомъ монастырѣ увеличилъ со-

(1) Покровскій мужскій монастырь отстоитъ отъ Казанскаго женскаго всего въ 3 верстахъ.

трудникъ Андрея Іоаннова Яковъ Бѣляевъ, по какимъ то неудовольствіямъ перешедшій на время изъ Никодимова монастыря въ Покровскій. Обладая даромъ слова и старообрядческою начитанностію, онъ многихъ въ Покровскомъ монастырѣ „просвѣтилъ познать едину, святую, соборную церковь“.

Когда я пріѣхалъ въ Покровскій монастырь, то здѣсь настоятелемъ былъ о. Рафаиль, который встрѣтилъ меня какъ стараго знакомаго со слезами на глазахъ и привѣтствовалъ словами: „Христосъ посреда насъ“! Я отвѣчалъ старцу: „есть и будетъ“!

Первымъ словомъ о. Рафаила была благодарность ко мнѣ за освобожденіе его изъ подъ ареста въ Черниговѣ и за возвращеніе въ свой монастырь. Не жалуюсь и не ропщу, любезный отецъ, сказалъ о. Рафаиль, на то, что меня взяли по подозрѣнію. Господи помилуй, да кому же не наскучили наши бѣглые попы и притѣсненія, которыя терпятъ изъ за нихъ старообрядцы отъ чиновниковъ? Губернаторъ много меня убѣждалъ и уговаривалъ подать собою примѣръ въ принятіи благословеннаго священства. Скажу тебѣ по совѣсти, любезный братъ, что если бы я согласился на это, то не только не послужилъ бы для нихъ примѣромъ, а напротивъ сильно повредилъ бы всему дѣлу. Всѣ стали бы смотрѣть на меня, какъ на отступника и предателя, перестали бы со мною пить и ѣсть и имѣть общеніе въ молитвѣ, а когда я побылъ въ Черниговѣ подъ стражей, теперь они смотрять на меня, какъ на страдальца за вѣру и древнее благочестіе и многіе приходятъ ко мнѣ за совѣтомъ: какъ имъ быть, чего держаться? Я имъ всѣмъ говорю открыто: держаться священниковъ и принять ихъ, если уже самъ Государь за свою особу и за своего наслѣдника поручился, что все богослуженіе будетъ отправляться у насъ неизмѣнно попрежнему. Я и вышелъ полезнѣе правительству!

Послѣ чаю и ужина, о. Рафаиль отвелъ мнѣ особый покой въ своихъ келліяхъ и сказалъ, что у него

въ монастырѣ собралось множество старообрядцевъ, почти изъ всѣхъ посадовъ, до 100 человекъ. Это извѣстіе меня утѣшило. Значить старообрядцы сдержали свое слово. Оставалось съ умѣньемъ воспользоваться ихъ прїѣздомъ. Ночь на слѣдующій день я мало спалъ, думая о предстоящемъ трудѣ согласить представителей старообрядческихъ слободъ. Наконецъ наступило и утро 20-го сентября. Это былъ четвергъ. Вставши и помолившись Богу, я вошелъ въ келію о. игумена, который уже ожидалъ меня. Мы вмѣстѣ съ нимъ напились чаю и усердно помолившись Богу, въ десять часовъ отправились въ монастырскую церковь.

Когда мы вошли, то церковь была полна слобожанъ, кѣторые благочинно стояли. Насъ встрѣтили низкими поклонами. Я взошелъ на солею, положилъ предъ царскими вратами обычный „началь“, потомъ поклонился собранію и началъ свою рѣчь молитвою: Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ! Мнѣ отвѣчали: Аминь!

— Почтенные старообрядцы, сказалъ я, думали ли вы когда-нибудь о томъ, чтобы вамъ самимъ пришлось собраться въ семъ святомъ храмѣ для сужденія о такомъ важномъ предметѣ, каково богоустроенное священство? Что касается до меня, то я съ самаго отъѣзда своего изъ посадовъ въ столицу, съ 1827 года, желалъ быть у васъ и видѣть васъ. И нынѣ являюсь къ вамъ съ благодатною вѣстію, и отъ кого же? Отъ самого Государя Императора, который соизволилъ лично возложить на меня это порученіе въ своемъ кабинетѣ петергофскаго дворца, 5-го августа сего года, а потомъ подтвердить свое Высочайшее соизволеніе 29-го числа въ „Добрянкѣ“, въ присутствіи старообрядцевъ, почти изъ всѣхъ посадовъ.

Хотя я въ этомъ собраніи вижу многихъ изъ тѣхъ, которые сами видѣли Государя въ Добрянкѣ и слышали его слова, но считаю нужнымъ объявить ихъ всѣмъ вамъ еще разъ, въ общемъ вашемъ собраніи, такъ какъ они объясняютъ цѣль моего посольства къ

вамъ. По окончаніи божественной литургіи, совершенной мною въ Высочайшемъ присутствіи въ добрянской церкви, Его Величеству угодно было спросить всѣхъ старообрядцевъ, находившихся въ церкви: такъ ли теперь священникъ служилъ, какъ прежде служили у васъ? Такъ точно, — отвѣчали ему. Такъ вы довольны такой службой? опять спросилъ Государь. Довольны, Ваше Величество, отвѣчали со всѣхъ сторонъ. Когда такъ, знайте, сказалъ Государь, — что такъ она и всегда будетъ исполняться у васъ безъ всякой перемѣны. Я обѣщаю вамъ это за себя и за своего наслѣдника! При этомъ Государь Императоръ изволилъ указать рукою на присутствовавшего въ церкви цесаревича Александра Николаевича. Постарайся увѣрить ихъ въ этомъ, сказалъ потомъ Государь, обратясь ко мнѣ.

Вотъ я съ чѣмъ посланъ къ вамъ, почтенные слобожане! Для исполненія спасительной для васъ воли царской, я и предстою предъ вами теперь въ святомъ храмѣ, съ полною увѣренностію, что послѣ царскихъ словъ, такъ торжественно произнесенныхъ въ церкви Божіей, въ присутствіи Наслѣдника и многихъ сановниковъ, предъ многочисленнымъ собраніемъ старообрядцевъ, и теперь со всею точностію повторенныхъ мною предъ вами также въ церкви Божіей, — послѣ всего этого я увѣренъ, что вы не потребуете отъ меня новыхъ еще увѣреній. Прошу васъ всѣхъ, здѣсь собравшихся, написать слышанныя вами царскія слова не на бумагѣ, а на сердцахъ вашихъ, и передавать ихъ потомкамъ вашимъ изъ рода въ родъ.. Для настоящаго и будущаго времени эти слова стали закономъ и краеугольнымъ камнемъ, твердымъ охраненіемъ и утвержденіемъ дреняго, такъ усердно содержамаго вами благочестія. Готовность исполнить царскую волю, заявленная уже многими просьбами, поданными отъ посадовъ гражданскому губернатору, торжественное открытіе богослуженія въ церквахъ посадовъ, — все это даетъ утѣшительную надежду на близкій, достойный такого прекраснаго начала, конецъ. Мы для того и

собрались сюда, чтобы начатое порознь, хотя и со всею искренностію, довершить единодушнымъ общимъ согласіемъ, къ общему благу и общей радости.

Собраніе выразило полное довѣріе къ моимъ словамъ.

— Прошу выслушать меня, почтенное собраніе, сказалъ я вновь. Мы приближаемся къ самому дѣлу. Его Превосходительство, губернаторъ Павелъ Ивановичъ Гессе, передалъ мнѣ въ подлинникахъ девять прошеній отъ старообрядцевъ, жителей посадовъ. Главное содержаніе всѣхъ прошеній одно: изъявленіе желанія и готовности принять правильныхъ священниковъ, на правилахъ единовѣрія, то есть: съ сохраненіемъ и соблюденіемъ всего, что относится до Божественной службы, таинствъ и другихъ христіанскихъ требъ неизмѣнно въ томъ видѣ, въ какомъ оныя совершались при патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, и изложены въ старопечатныхъ до-никоновскихъ книгахъ. Сходныя въ этомъ главномъ и существенномъ содержаніи, прошенія довольно разнообразны въ остальномъ; въ одномъ больше подробностей и пунктовъ, а въ другомъ меньше. Хотя эти разности не составляютъ противорѣчій между просьбами, и не измѣняютъ существеннаго содержанія — одного во всѣхъ просьбахъ; но, по моему мнѣнію, въ дѣлѣ такой высокой важности должно быть полное единство. Нѣтъ нужды во многихъ просьбахъ. Я нахожу лучшимъ: всѣ поданныя прошенія замѣнить однимъ общимъ, въ которомъ существо дѣла и подробности были бы изложены, согласно единодушному желанію старообрядцевъ всѣхъ посадовъ. Поэтому я предлагаю вамъ, на основаніи упомянутыхъ мною прошеній, составить проектъ одного общаго прошенія; потомъ съобща разсмотрѣть его въ полномъ собраніи, исправить, если понадобится, примѣнительно къ общему желанію, и наконецъ утвердить подписомъ всѣхъ, собравшихся здѣсь. Такое единодушное прошеніе будетъ имѣть болѣе цѣны въ глазахъ высшаго начальства, будетъ служить выраженіемъ

согласія между посадами въ настоящее время, да и на будущее устранить всѣ поводы къ спорамъ между вами. Позвольте же узнать, почтенные представители посадовъ, согласны ли вы на мое предложеніе?

Слобожане немного подумали; потомъ выразили свое согласіе.

— Итакъ, я прошу васъ, сказалъ я, поручить кому-нибудь изъ среды себя составить проэктъ прошенія и приготовить его на завтрашній день.

Прошло болѣе получаса, пока всѣ совѣщались, кому бы поручить это дѣло. Наконецъ выбрали злынского купца Ивана Петровича Санникова и шеломовскаго мѣщанина Петра Парамонова Ульянова, съ тѣмъ условіемъ, чтобы мы съ о. Рафаиломъ помогли имъ. Мы не отказались. Я положилъ „началь“ и поблагодарилъ Бога предъ иконами за первый успѣхъ среди многочисленныхъ представителей слободскаго старообрядческаго населенія. Со мною всѣ помолились.

Передъ выходомъ изъ церкви о. казначей пригласилъ меня къ о. Рафаилу въ келію, а всѣхъ прочихъ въ трапезу за братскій обѣденный столъ.

Вечеромъ пришли къ о. Рафаилу Санниковъ и Парамоновъ, избранные обществами для составленія проэкта, и просили меня доставить имъ прошенія, о которыхъ я говорилъ на собраніи. Я отдалъ имъ эти документы, да и самъ, по ихъ приглашенію, долженъ былъ идти съ ними въ казначейскую комнату, гдѣ мы и засѣли за работу. Во все это время И. И. Тютчева не могли нигдѣ отыскать. Онъ уѣхалъ, какъ оказалось съ Сербодольскимъ въ его усадьбу, поручивъ сказать мнѣ, что они будутъ оба на слѣдующій день утромъ въ монастырѣ.

Приступая къ составленію проэкта, мы перечитали поданныя посадами просьбы, потомъ нижегородскіе пункты, московскіе 1800 г. Высочайше утвержденные, и секретный указъ 5 апрѣля 1845 г., данный отъ свѣтѣйшаго Синода, согласно Высочайшей волѣ, въ руководство преосвященныхъ по возникающимъ въ ихъ

епархіяхъ дѣламъ единовѣрцевъ. Затѣмъ мы составили планъ прошенія. Въ это время явился къ намъ Акимъ Ѳедоровичъ Карташевъ, „клинцовскій архіерей“, какъ величали его въ шутку. Я былъ очень радъ его приходу. Мы рассказали ему, что вычитали въ прошеніяхъ, и по какому плану хотимъ писать проэктъ. Онъ внимательно выслушалъ насъ и совершенно одобрилъ планъ, просилъ только насъ убѣдительно включить въ проэктъ, чтобы разрѣшено было, если обстоятельства и нужда требуютъ, устроить въ посадахъ типографію для перепечатанія старинныхъ книгъ, употребляемыхъ единовѣрцами при богослуженіи. Надобно сказать, что Карташевъ имѣлъ свою типографію въ Клинцахъ и печаталъ въ ней церковныя книги для всѣхъ старообрядческихъ сектъ въ Россіи; но эта типографія была запрещена незадолго предъ этимъ.

Мы нашли его заявленіе непротивнымъ дѣлу, и имѣющимъ примѣръ въ типографіи, существующей въ Москвѣ при единовѣрческой церкви; впрочемъ эта типографія была тоже Карташева; по запрещеніи ея въ Клинцахъ, онъ перевезъ ее въ Москву и здѣсь устроилъ открыто, съ дозволенія правительства.

Составляя проэктъ, я держался Высочайше утвержденныхъ пунктовъ 1800 г. Чернякъ вышелъ у насъ изъ 8 пунктовъ. Противъ московскихъ пунктовъ, представители слободъ прибавили: 1) Чтобы старообрядцамъ дано было уполномоченное Высочайшею волею представительное лицо духовнаго сана, подъ какимъ бы то ни было названіемъ (архимандрита Покровскаго монастыря, протопресвитера, или оберъ-священника—это все равно) съ тѣмъ, чтобы все духовенство старообрядцевъ было въ его вѣденіи, чтобы онъ по своему благоусмотрѣнію имѣлъ право распоряжаться имъ и на вакантныя священнослужительскія мѣста представлять мѣстному епархіальному епископу кандидатовъ къ рукоположенію, чтобы сами старообрядцы обращались къ нему за разрѣшеніемъ во всѣхъ своихъ духовныхъ нуждахъ, сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ, чтобы сверхъ того,

онъ былъ по дѣламъ ихъ духовенства ходатаемъ и заступникомъ предъ начальствомъ духовнымъ и гражданскимъ. 2) Чтобы при церквахъ ихъ церковные старосты были избираемы ихъ приходскими обществами и въ благоустроении церквей и церковно-хозяйственномъ распоряженіи руководствовались приговорами общества, засвидѣтельствованными духовною властію, а по окончаніи каждаго года, давали бы отчетъ обществу. 3) Чтобы разрѣшено было, въ случаѣ нужды, устроить въ посадахъ типографію. Послѣ составленія черноваго проекта, мы много разъ прочитывали его, что нужно было поправляли и потомъ всѣ вмѣстѣ пошли къ о. Рафаилу, чтобы показать ему свой трудъ и узнать его мнѣніе. Приговоръ его очень интересовалъ насъ О. Рафаиль, выслушавъ проэктъ, обратился со слезами къ образу Божіей Матери и указывая на святую икону, сказалъ: „вотъ сама Царица Небесная да будетъ свидѣтельницею, что я по совѣсти не нахожу ничего лучше и полезнѣе этого для нашего старообрядчества; да и нечего намъ болѣе просить, развѣ только того, чтобы Господь вложилъ въ сердце Государя утвердить нашу просьбу“. — Трудившихся со мною надъ составленіемъ прошенія я попросилъ приготовить оное набѣло къ 10 часамъ слѣдующаго утра въ двухъ экземплярахъ. Вечеромъ, отходя ко сну, я благодарилъ Бога за низпосылаемую отъ Него помощь и содѣйствіе въ моемъ дѣлѣ.

Утромъ на другой день, 21 сентября, по моей просьбѣ, былъ приглашенъ Санниковъ. Онъ пришелъ съ переписанными прошеніями. Мы снова прочитали ихъ, и они опять заслужили одобреніе о. Рафаила.

Новое собраніе мы положили сдѣлать не въ церкви, а въ трапезѣ. Прошло немного времени; явился о. казначей съ извѣстіемъ, что всѣ уже собрались въ трапезѣ. Мы тотчасъ же собрались итти туда. При нашемъ выходѣ изъ келліи, явились Тютчевъ и Сербдольскій. Я поблагодарилъ ихъ за аккуратность, но просилъ, чтобы они дали возможность старообрядцамъ съ

большую свободу, въ ихъ отсутствіи, выразить свои желанія.

Войдя въ трапезу, и помолившись св. иконамъ, я поклонился почетному собранію и попросилъ садиться. Когда всѣ уѣлись по скамейкамъ, составивши полный соборъ, я пригласилъ Шеламовца Петра Парамонова Ульянова прочитатъ приготовленное наканунѣ прошеніе. Ульяновъ прочиталъ его очень удовлетворительно, со смысломъ. Когда онъ прочиталъ, то многіе голоса потребовали прочитатъ еще разъ. Ульяновъ снова прочиталъ. Послѣ того оба экземпляра пошли ходить по рукамъ: ихъ прочитывали отдѣльными группами. Осмотрительность старообрядцевъ была удовлетворена. Я спросилъ собраніе, нѣтъ ли чего лишняго въ прошеніи и не забыто ли что нибудь нужное, что бы нужно было исправить или дополнить, такъ какъ прошеніе было написано еще начерно. На мой вопросъ не было отвѣта. Для большаго удостовѣренія, А. Θ. Карташевъ предложилъ спросить cadaго лично, чтобы каждый, по своему понятію и убѣжденію, подалъ свой голосъ порознь. Это всѣмъ понравилось и меня просили исполнить совѣтъ Карташева. Карташевъ, не теряя времени, и приступилъ къ собранію голосовъ, обошелъ по скамейкамъ всѣхъ до одного и получилъ отъ всѣхъ согласіе, выраженное открыто предъ всѣми. Оставалось только переписать прошеніе на гербовой: но въ монастырѣ ея не оказалось; мы послали за ней въ Климовскую ратушу.

Такимъ образомъ, благодареніе Богу, и второе собраніе прошло благополучно, безъ всякихъ особенныхъ препятствій.

На этомъ собраніи многіе предлагали разные вопросы, напримѣръ: гдѣ будутъ учиться дѣти будущихъ священниковъ, какъ будутъ ходить ихъ жены — въ платьяхъ, или въ сарафанахъ и будутъ ли онѣ ходить въ старообрядческія церкви?

День былъ постный, пятница; о. казначей просилъ всѣхъ, послѣ собора, начиная съ меня, оттрапезовать съ братіею за монастырскою трапезою. Послѣ обѣда,

къ чаю, прошеніе было приготовлено. Оставалось только подписать его, — дѣло самое главное. Къ сожалѣнію, пришлось отложить его до слѣдующаго дня, потому что многихъ не оказалось за столомъ въ трапезѣ, а другіе считали грѣхомъ подписывать такую важную бумагу послѣ обѣда и хотѣли подписать ее не ѣвши и не пивши. Пришлось оставить бумагу неподписанною до слѣдующаго дня!

Вечеромъ пріѣхали въ монастырь изъ Климовой исправникъ съ Тютчевымъ освѣдомиться объ успѣхѣ дѣла. Я подробно рассказалъ имъ, какъ у насъ происходило дѣло, и на чемъ оно остановилось, не скрывая отъ нихъ своего опасенія за подпись бумаги, и просилъ ихъ непременно быть на слѣдующій день въ монастырь, если они и не останутся тутъ ночевать. Такъ кончился и второй день собранія старообрядцевъ въ Покровскомъ монастырѣ! Ночь на слѣдующій день прошла для меня въ большомъ безпокойствѣ. Утромъ я пошелъ къ утрени, и нашелъ въ церкви многихъ изъ посадскихъ; это меня успокоило.

Къ десяти часамъ собрались всѣ въ трапезу. Оказалось, что никто не уклонился отъ собранія; явились и Тютчевъ съ Сербдольскимъ и становымъ посада Климовой. Тотчасъ повѣрили переписанную прозьбу съ черновыми, нашли правильною и, помолившись Богу, приступили къ рукоприкладству, — сначала новозыбковцы, потомъ клинцовцы, еленцы и т. д. Когда очередь подписываться дошла до Злынцовъ то, къ удивленію всѣхъ, ревностный Иванъ Петровъ Санниковъ со своими товарищами, а за ними добрянцы, шелямовцы и сваяцковцы отказались отъ рукоприкладства, подъ тѣмъ предлогомъ, что жители ихъ посадовъ, по своей простотѣ, изъ за ихъ подписи и Богъ знаетъ что подумаютъ, и не станутъ съ ними ни ѣсть, ни пить. Но мы свидѣтельствуемся Богомъ, прибавляли отказавшіеся отъ рукоприкладства, что ничего болѣе не желаемъ, кромѣ того, или согласно съ тѣмъ, что написано въ прошеніи, да и жители нашихъ посадовъ спорить не будутъ и съ

усердіемъ примуть священниковъ на такомъ основаніи, какое указано въ прошеніи, примуть тѣмъ охотнѣе, что положеніе это будетъ тогда уже утверждено, и священники будутъ опредѣлены во всѣ главные посады. Не останемся же мы одни безъ священниковъ. Отказавшіеся отъ подписи объявили, что они готовы принять присягу въ томъ, что все будетъ именно такъ, какъ они говорили.

Что было съ ними дѣлать? Но такъ какъ все это было только на словахъ, то мы сочли не лишнимъ при нихъ же составить журналъ, прописать въ немъ объясненныя ими причины ихъ уклоненія отъ подписи и самыя ихъ увѣренія, сдѣланныя во имя Божіе, что они не откажутся отъ исполненія всего того, что написано въ прошеніи, составленномъ съ общаго согласія. Послѣ того подписанная просьба на Высочайшее Имя передана была мнѣ, вмѣстѣ съ журналомъ, для представленія, чрезъ оберъ прокурора Святѣйшаго Синода, Государю Императору.

Такъ кончилось трехдневное собраніе совѣщаній черниговскихъ старообрядцевъ и окончилось, благодаря Бога, успѣшно.

Климовскіе прихожане Троицкой и Покровской церкви старообрядцы, въ лицѣ своихъ представителей, обратились ко мнѣ послѣ этого съ просьбою, чтобы я въ слѣдующій день, — это было воскресенье, — совершилъ у нихъ въ Троицкой церкви всенощное бдѣніе и литургію, по примѣру посадовъ Клинцовъ и другихъ, такъ какъ этого хотятъ всѣ жители посада.

Я съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе и обѣщалъ исполнить ихъ желаніе. Поэтому поспѣшивъ проститься съ игуменомъ Рафаиломъ и со всѣми представителями посадовъ до будущаго свиданія, я сказалъ имъ, что думаю незамедлить съ прошеніемъ къ Государю. Всѣ они пожелали мнѣ всего хорошаго, братски простились и просили въ слѣдующій пріѣздъ привезти имъ священниковъ, напутствуя меня на дорогу хлѣбомъ солью.

Прошеніе было подписано всѣми собравшимися въ монастырѣ ⁽¹⁾, исключая уклонившихся, для которыхъ составленный нами журналъ былъ слѣдующаго содержания:

Журналъ 22 сентября 1845 года. Черниговской губерніи города Новозыбкова и старообрядческихъ посадовъ: Клинцовъ, Еленки, Климовой, Злынки, Шеломовъ, Свяцкой и Добрянки, во исполненіе Высочайшей воли на принятіе правильнаго священства, по своему собственному желанію для скорѣйшаго и единообразнаго исполненія оной, съѣхались изъ упомянутыхъ города и посадовъ избранные обществомъ старшіе жители и, по двухдневномъ совѣщаніи, составили, съ общаго согласія „положенія“, которыя чрезъ оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго Синода просятъ Высочайшаго утвержденія. И таковыя по неоднократно прочитываніи всѣ единодушно признали и согласились принять необходимыми. По заключеніи таковаго единодушнаго согласія святой молитвой, приступили къ подпису собственно ими составленнаго акта

(1) Вотъ полная подпись на подлинномъ прошеніи Государю: почетный потомственный гражданинъ Михайла Семеновъ Щербаковъ, добрянскій купецъ Семенъ Васильевъ Переплетчиковъ, добрянскій купеческій внукъ Григорій Полянскій, добрянскій мѣщанинъ Иванъ Антоновъ Кожевниковъ, добрянскій мѣщанинъ Василій Афанасьевъ Костылевъ, добрянскій мѣщанинъ Михайла Антоновъ Гребенниковъ, добрянскій мѣщанинъ Матвѣй Осповъ Костылевъ, добрянскій мѣщанинъ Григорій Романовъ Кожевниковъ, добрянскій купецъ Семенъ Ивановъ Щекотихинъ, добрянскій купеческій сынъ Григорій Константиновъ Козицъ, добрянскій мѣщанинъ Петръ Михайловъ Гребенниковъ, добрянскій мѣщанинъ Иванъ Ивановъ, добрянскій купеческій сынъ Михайла Семеновъ Переплетчиковъ, добрянскій мѣщанинъ Петръ Тихоновъ Головлевъ, Григорій Куницынъ, радульскій мѣщанинъ Михайла Землянскій, радульскій мѣщанинъ Тимофей Костылевъ, радульскій мѣщанинъ Петръ Стариковъ, радульскій мѣщанинъ Иванъ Быковъ, радульскій мѣщанинъ Филиппъ Сухоруковъ, радульскій мѣщанинъ Нифедъ Быковъ, радульскій мѣщанинъ Козьма Стариковъ, радульскій купецъ Абрамъ Ларіоновъ Шишкинъ, радульскій мѣщанинъ Варѣоломей Инохинъ, добрянскій мѣщанинъ Гаврила Мосѣковъ, добрянскій мѣщанинъ Ермолай Дороховъ, добрянскій мѣщанинъ Петръ Литвиновъ.

и подписались: новозыбковскіе, клинцовскіе, еленскіе и климовскіе жители, а прочихъ посадовъ: Злынки, Добрянки, Шеломовъ и Свяцкой жители, извиняясь и отклоняясь пустыми отговорками отъ подписа, засвидѣтельствовали однако предъ Богомъ, что они, по совѣсти и убѣжденію, признають ихъ за единственные и самыя полезныя постановленія, не только для посадовъ, но и для всѣхъ старообрядцевъ, которыя если Богъ и Государь изволить утвердить, то они первые будутъ исполнителями. Вслѣдствіе такового ихъ согласія и отзыва нужнымъ почли мы все это утвердить симъ журналомъ. На подлинномъ подписались Высочайше командированный с. петербургской единовѣрческой никольской церкви священникъ Тимоѳей Верховскій. Помощникъ правителя канцеляріи черниговскаго гражданскаго губернатора Иванъ Тютчевъ. Земскій исправникъ Сербдольскій, становой приставъ Зенченко.

При этомъ приложили и списокъ несогласившимся подписать акта, составленнаго, на принятіе правильнаго священства, представителями слободъ въ Покровскомъ монастырѣ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Вотъ этотъ списокъ:

Злынки.

Купецъ Иванъ Санниковъ.

Мѣщанинъ Климъ Воронинъ.

Мѣщанинъ Архихъ Козьминъ Воронинъ.

Мѣщанинъ Григорій Дмитріевъ Панковъ.

Государственный крестьянинъ Иванъ Ивановъ Карповъ.

Добрянки.

Купецъ Егоръ Петровъ Фокинъ.

Мѣщанинъ Акинфій Антоновъ Лукинъ.

Мѣщанинъ Матвѣй Никитинъ Строгоновъ.

Мѣщанинъ Иванъ Ефимовъ Фостенковъ.

Мѣщанинъ Яковъ Акинфиевъ Ипкинъ.

Мѣщанинъ Алексѣй Панкратьевъ Евстратовъ.

Шеломовъ.

Мѣщанинъ Иванъ Лазаревъ Сычевъ.

Мѣщанинъ Ефимъ Еремѣевъ Пайцовъ.

Радость моя при такомъ благополучномъ окончаніи дѣла въ „Покровскомъ монастырѣ“ была велика...

ГЛАВА XXI.

Старообрядческій посадъ „Климовъ“.—Начало заселенія онаго старообрядцами.—Исканіе единовѣрія при Никодимѣ. — Успѣхи Андрея Іоаннова въ Климовскомъ посадѣ.—Состояніе жителей въ 1843 году.—Открытіе службы въ троицкой церкви. — Вседневный звонъ. — Бесѣда съ принявшими священство въ домѣ П. П. Давыдова.—Донесеніе архіепископу черниговскому Павлу.—Отѣздъ изъ Климова посада.—Посѣщеніе Максаковского женскаго монастыря — Неурядида въ ономъ. — Самовольство игуменни.—Монастырскія растраты.—Жалобы инокинь. — Отѣздъ изъ монастыря въ Черниговъ.

Стародубскій посадъ „Климовъ“, находящійся въ новозыбковскомъ уѣздѣ и отстоящій отъ города въ 24 верстахъ, сталъ заселяться старообрядцами, въ слѣдъ за образованіемъ въ Россіи раскола, въ 1667 году. Въ 1667 году по вѣдомости войта Гладкова въ слободѣ „Климовой“ было жилыхъ дворовъ 94, бездворныхъ избъ пустыхъ, въ которыхъ жили вышедшіе въ степныя мѣста на поселеніе и бѣжавшіе (въ губерніи екатеринославскую, бѣлогородскую и астраханскую) 116 избъ; живущихъ въ Климовой м. п. отъ 1 до 15 л. 289, отъ 15 до 60 л. 536, престарѣлыхъ и увѣчныхъ

Мѣщанинъ Ѳеодоръ Ивановъ Непогодинъ.

Крестьянинъ Павелъ Петровъ Долговъ.

Свяжикой.

Мѣщанинъ Осипъ Яковлевъ Самолейкинъ.

Мѣщанинъ Александръ Ивановъ Сапожниковъ.

Мѣщанинъ Дмитрій Ѳеодоровъ Сиротинъ.

Мѣщанинъ Дмитрій Тимоѣевъ Свиридовъ.

Купеческій сынъ Ларіонъ Тимоѣевъ Икериновъ.

Всѣ сіи подписи скрѣпили своею рукою:

Высочайше командированный священникъ Тимоѣей Верховскій.

Помощникъ правителя канцеляріи гражданскаго губернатора Иванъ Тютчевъ.

Земскій исправникъ Сербодольскій.

36; всего 861 д. м., 682 д. жен. пола (въ вѣдомости показано, кто откуда и когда пришелъ въ Климову). Всѣ они были бѣглецы изъ государевыхъ волостей и посадовъ. Въ XVIII столѣтіи стародубскія слободы находились въ вѣдомствѣ кievской губерніи, отъ которой учреждена была въ слободахъ волостная контора, которая и называлась „волостною описныхъ раскольническихъ слободъ конторою“,—гдѣ къ нимъ изъ правительствующаго сената опредѣляемъ бывалъ управитель, а при немъ съ слободской стороны уполномоченный былъ изъ нихъ бурмистръ Алексѣй Васильевъ Хрущевъ.

Эта „Волостная контора“ была учреждена въ Климовой слободѣ, куда люди стекались по дѣламъ изъ всѣхъ слободъ, почему Климова слобода и отличала себя отъ всѣхъ прочихъ слобожанъ просвѣщеніемъ, которое вошло къ нимъ чрезъ письмоводство при конторѣ. Климовцы хотя и горды, но всѣхъ другихъ слобожанъ обходительнѣе, въ числѣ которыхъ издавна явились благоразумные и просвѣщенные люди. Это положеніе посада возвысило жителей такъ, что они одни изъ первыхъ стали искать соединенія съ православною церковію на правилахъ единовѣрія, и рѣшились изгнать отъ себя бѣглыхъ коповъ. Въ 1787 году они подали прошеніе таврическому преосвященному Амвросію, въ которомъ, испрашивая себѣ его благословенія, какъ своего съ этого времени архипастыря, просили его рукоположить для нихъ во священники діакона Іосифа Иванова. Преосвященный объявилъ довѣренному просителю, слобожанину Петру Шветову, что онъ, съ своей стороны, радъ былъ бы всею душою исполнить просьбу „согласныхъ“, но не имѣетъ соблаговоленія на то отъ свѣтлѣйшаго князя. По совѣту преосвященнаго, просители, не теряя времени, обратились къ самому князю. Потемкинъ сказалъ имъ: „я выпросилъ для васъ льготы въ своей губерніи. Кто желаетъ на старые обряды получить священство, милости прошу въ мое намѣстничество, а въ чужомъ намѣстничествѣ я не хозяинъ“. Климовцы писали преосвященному, что отказъ

въ рукоположеніи священника поставилъ ихъ въ горькое и отчаянное положеніе, и что они думаютъ обратиться къ графу Румянцеву, такъ какъ отъ Потемкина уже не ожидаютъ для себя ничего добраго. Амвросій не отвѣчалъ „согласнымъ“, которые видимо искали его совѣта и благословенія. Последнее письмо послано было къ преосвященному 23 іюля со священникомъ Никитою. А 22 сентября слобожане снова писали Амвросію, не пришлетъ ли онъ „во обрадованіе приверженность имѣющихъ къ святѣй церкви хотя единую строку своей руки“, и при томъ не соблаговолитъ ли дозволить, покрайней мѣрѣ, уже готовому священнику, именно упомянутому Никитѣ, отправлять у нихъ церковныя и домашнія духовныя требы? Преосвященный Амвросій сказалъ Никитѣ, чтобы пріѣзжали просители, „только бѣ безъ дальнихъ уговоровъ“.

Когда пріѣхалъ въ слободы, съ нетерпѣніемъ ожидаемый, священникъ Андрей Іоанновъ, 8 ноября 1788 года, то климовцы встрѣчали его съ веселыми лицами и сердечною радостію.

На третій день по пріѣздѣ Андрея Іоаннова климовцы потребовали отъ ратуши, чтобы климовская приходская успенская церковь была отдана въ вѣдѣніе Андрея Іоаннова, а служившій при ней бѣглый попъ Яковъ былъ устраненъ. Но 21 января послѣ обѣдни купецъ Антипъ Золотаревъ неожиданно приказалъ запереть церковь извнутри, и, въ присутствіи богомольцевъ, началъ ругать бывшихъ въ церкви, называлъ ихъ проклятыми отступниками, и съ угрозами требовалъ, чтобы они не смѣли болѣе входить въ церковь на молитву. Золотаревъ потомъ скрылся отъ поисковъ ратуши, и дѣло пріостановилось. Однакоже, чрезъ нѣсколько дней, Золотарева нашли и взяли подъ карауль; ключи были имъ отданы и вручены ратушею Андрею Іоаннову. 23 января климовцы, согласные на священство, сдѣлались собственниками успенской церкви.

Чрезъ два дня, въ недѣлю православія, Андрей Іоанновъ служилъ первую свою обѣдню въ климовской успенской церкви.

Послѣ взятія Успенской церкви принявшими священство, противная сторона приуныла, опасаясь и за остальные церкви. Потеря церкви возбуждала въ нихъ сильное негодованіе противъ Іоаннова, какъ главнаго виновника ихъ бѣдствій.

Открытыя непріязненные дѣйствія противъ него въ Климовой, сверхъ ожиданія, началъ одинъ изъ „согласныхъ съ церковію“, бургомистръ Злуницынъ, по дружбѣ къ обжалованному Андреемъ попу Калмыку перемѣнившій свое расположеніе не только къ Іоаннову, но и къ самому дѣлу благословеннаго священства. Въ Благовѣщеніе о. Андрей служилъ обѣдню въ успенской церкви; въ обычное время поднесенъ былъ младенецъ къ причастію. вмѣсто того, чтобы выйти со св. чашею за амвонъ, какъ было въ обычаѣ у тамошнихъ старообрядцевъ, о. Андрей сталъ причащать дитя въ царскихъ дверяхъ. И прежде онъ не разъ причащалъ, въ этой самой церкви, и дѣтей, и взрослыхъ у св. вратъ, и никто ему не говорилъ противъ этого ни слова. Но тутъ Злуницынъ, стоявшій на лѣвомъ клиросѣ, не выдержалъ. Онъ закричалъ на всю церковь: „что это за новость! Зачѣмъ священникъ не выходитъ за амвонъ“? Несмотря на то, что Андрей Іоанновъ искалъ миролюбиваго объясненія съ своимъ прихожаниномъ, Злуницынъ уклонялся отъ свиданія и заочно грозилъ проучить священника, и снова ввести въ церковь бѣглаго попа Якова: „не такихъ-де мы учивали“! Увѣдомляя преосвященнаго объ этомъ происшествіи, Іоанновъ выражалъ ему свое опасеніе за св. дары, св. миро и ризницу, которыя хранились въ успенской церкви, потому что народъ, по его словамъ, несказанно свирѣпѣлъ. Поступокъ Злуницына былъ предвѣстіемъ болѣе опасной бури, которая едва не стоила Іоаннову самой жизни. Возбудилъ бурю Михайла Калмыкъ, чуввшій, что до него добираются. Имѣя большія деньги, онъ

„умздилъ“ бургомистра Злуницына и другихъ слободскихъ властей, чтобы они помогли отнять отъ „согласныхъ“ ключи отъ успенской церкви. Чрезъ нѣсколько дней наступала недѣля вай. Несогласные собирались въ домъ слобожанина Донцова, и положили въ этотъ праздникъ отнять у Андрея Иоаннова ключи. „Согласные“, узнавъ объ этомъ случайно, предупредили ратушныхъ, и всеобщая прошла благополучна. Но во время обѣдни несогласные приставили къ церкви караульныхъ, а сами ожидали въ Казанскомъ монастырѣ окончанія службы, которую совершалъ въ успенской церкви Иоанновъ. Какъ только караульные извѣстили ихъ, что обѣдня оканчивается, они, въ числѣ пяти сотъ чело-вѣкъ, подъ предводительствомъ Золотарева и Донцова, съ крикомъ ворвались въ церковь. Съ безчестіемъ выгнали они прежде всего женщинъ, которыя стоятъ всегда отдѣльно отъ мужчинъ, по сохранившемуся въ старообрядческихъ церквахъ обычаю, заперли за ними боковыя двери и стѣснились у амвона. „Согласные“ просили о. Андрея сряду послѣ обѣдни начать молебенъ, рассчитывая на то, что въ продолженіи его разъяренная толпа разойдется или, по крайней мѣрѣ, успокоится. Но толпа не унималась. О. Андрей, не снимая съ себя ризъ, скрылся въ алтарѣ. Несогласные, тѣсясь къ иконостасу, кричали: „отдайте намъ назадъ ключи! вы еретики и за еретика архіерея Богу молитесь!“ и грозили за волосы вытащить священника изъ алтаря въ ризахъ. Донцовъ, подходя къ боковымъ алтарнымъ дверямъ, требовалъ, чтобы священникъ вышелъ вонъ. Согласные, въ церкви оставшіеся въ большомъ числѣ, стояли у самага иконостаса, закрывая собою входъ въ св. алтарь. Болѣе всѣхъ стояли за о. Андрея Петръ Мокѣевъ Мироновъ, Оома Злуницынъ и Григорій Евсѣевъ. Они старались удержать толпу отъ насилія, страшая ее законнымъ судомъ и царскимъ гнѣвомъ. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился этотъ мятежъ грубой, раздраженной натуры раскольниковъ, если бы не явились ратушные съ земскою по-

лицей, впрочемъ уже послѣ троекратнаго зова отъ согласныхъ. Ратушныя съ большимъ трудомъ разогнали толпу, которая цѣлыхъ три часа держала въ великомъ страхѣ Андрея Іоаннова и его защитниковъ. Самъ бургомистръ проводилъ перепуганнаго о. Андрея въ домъ Петра Мокѣева, изъ опасенія, чтобы его враги дорогою не сдѣлали надъ нимъ того, отъ чего едва удержались въ церкви. Хотя Андрей Іоанновъ съ прихожанами немедленно подалъ увѣдомленіе объ этомъ событіи стряпчему и потомъ неоднократно требовалъ суда надъ главными виновниками народнаго мятежа; но этому дѣлу суждено было тянуться и этотъ, и весь слѣдующій годъ, и все-таки кончиться ничѣмъ, благодаря множеству другихъ тяжбъ, возникшихъ между согласными и несогласными.

Послѣ долгой борьбы съ толпою невѣждъ климовцы благонамѣренные и умные наконецъ восторжествовали.

Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы въ посадѣ климовскомъ, строенная 1789 года, когда строители купцы и мѣщане къ святѣй православной церкви чрезъ Андрея Іоаннова присоединились, ими наконецъ окончательно была вручена законнымъ священникамъ, и лучшіе климовцы паствѣ преосвященнаго. Амвросія архіепископа екатеринославскаго покорились. Тогда же церковь святаго Іоанна предтечи крестителя Господня, съ устроенною вновь теплою, освящена 1795 года православными священниками, и при ней опредѣленъ священникъ Михайло Ларіоновъ Сорокинъ. При моемъ посѣщеніи, въ 1845 году, въ климовскомъ посадѣ считалось до 5,300 жителей обоего пола. Обыватели посада владѣли землею, въ количествѣ 2,807 дес. 253 саж.

Такъ такъ изъ Покровскаго монастыря въ Климовъ посадъ я поѣхалъ съ Петромъ Петровичемъ Давыдовымъ, то онъ и пригласилъ меня остановиться въ своемъ домѣ. Какъ только мы пріѣхали, Петръ Петровичъ, оставивъ меня со своими домашними, самъ отправился въ Троицкую церковь, гдѣ его уже ожидали прихожане,

для того, чтобы съобща сдѣлать распоряженіе касательно предположеннаго на слѣдующій день богослуженія. Усердные встрѣтили однако неожиданное препятствіе: такъ какъ при церкви уже много лѣтъ не было священника, то всѣ принадлежности Богослуженія, — облаченія, сосуды, крестъ и т. п. были убраны въ ризницу теплой Покровской церкви. Церковь на все лѣто запиралась крѣпкими замками, окна были закрыты, и ключи по принадлежности хранились у церковнаго старосты. Староста же, предъ вызовомъ въ Черниговъ, успѣлъ скрыться; и гдѣ онъ находился, было неизвѣстно, а безъ него не нашлось въ домѣ и церковныхъ ключей. Обратились къ исправнику Алексѣю Григорьевичу Сербодольскому съ просьбою, чтобы онъ, съ помощью слесаря, отперъ имъ церковь, на что сами не рѣшались, опасаясь препятствія со стороны несогласныхъ на принятіе благословенныхъ священниковъ. Исправникъ явился съ слесаремъ предъ западными церковными дверями. Въ это время я былъ уже въ Троицкой церкви, служилъ каноны и малую вечерню. Какъ только кончилась служба, я пошелъ въ Покровскую церковь и спросилъ исправника, скоро ли отопрутъ церковь? Онъ мнѣ отвѣчалъ: дряннъ слесарь-то: не можетъ до сихъ поръ всячаго замка снять, а между тѣмъ время идетъ. Чтобъ выбраться изъ толпы и уйти поскорѣе, я сошелъ съ паперти; въ это время рослая баба взяла меня крѣпко за руку и завопила: батюшка, пусть Троицкая церковь будетъ твоя, а намъ оставь Покровскую!

— Послушай, отвѣчалъ я, не надо мнѣ ни Троицкой, ни Покровской. Какъ обѣ онѣ были ваши, такъ вашими же обѣ и останутся навсегда. Меня послалъ Государь не церкви ваши отбирать, а въ церкви ваши давать вамъ священниковъ. Вотъ я привезу вамъ хорошаго священника: онъ будетъ съ вами молиться въ церквахъ Троицкой и Покровской по старинному, какъ у васъ и прежде молились. Вонъ посмотри ко, сказалъ я, успѣвъ высвободить свою руку изъ руки старухи, и указывая ей на умножавшуюся толпу, сколько у васъ

дѣвицъ-то, и всѣ вѣдь небось замужъ хотятъ, а какъ я привезу священника, такъ онъ всѣхъ ихъ и перевѣнчаетъ...

Недалеко отъ церковной ограды, по той же улицѣ, по которой я шелъ, былъ домъ купца Медвѣдева, Степана Лукьянова. Я вошелъ въ него; хозяина не было дома. Супруга его, Прасковья Θεодоровна, приняла меня ласково. Дочь невѣста и невѣстка, молодая вдова, подошли ко мнѣ подъ благословеніе. Явился скоро и хозяинъ дома, для котораго мое присутствіе въ его домѣ, было неожиданностію. Онъ началъ рассказывать мнѣ, что церковь не могли отпереть, а потому всенощная будетъ по утру и то не рано, и что Петръ Петровичъ уѣхалъ въ Покровскій монастырь къ о. Рафаилу за ризницею и сосудами къ завтрашнему дню. Съ сими словами онъ обратился къ своимъ домашнимъ и сказалъ: послушай жена и ты невѣстка! вотъ завтра у насъ въ церкви будетъ всенощная и обѣдня, такъ вы чтобы у меня были въ церкви! Я ничего знать не хочу и слушать не слушаю. Приготовлялся ужинъ и г. исправникъ, послѣ неудачной попытки отпереть церковь, вспомнилъ обо мнѣ.

— Слава Богу, сказалъ онъ, увидя меня съ примѣтнымъ удовольствіемъ; наконецъ то я васъ нашелъ! при этомъ онъ рассказалъ свою неудачу.

Въ четыре часа утра на другой день заблаговѣстили ко всенощной, я отслужилъ безпрепятственно всенощную и, почти сряду, обѣдню. Богомольцевъ собралось весьма много,—а затѣмъ и благодарственный съ многолѣтіемъ молебенъ Пресвятой Троицѣ о здравіи Государя. Цѣлодневный звонъ ознаменовалъ этотъ день.

Послѣ богослуженія Петръ Петровичъ угощалъ прихожанъ, въ домѣ своемъ, обѣденнымъ столомъ, за которымъ было очень много посѣтителей. Бесѣда была живая; тутъ были многіе изъ тѣхъ, которые всю службу простояли въ церковныхъ дверяхъ, не дерзая войти въ церковь. Когда я имъ замѣтилъ это, они отвѣчали, что, если бы Ваше Высокопреподобіе приказали всѣхъ насъ, въ одно время, втолкнуть въ церковь, то мы бы

навсегда и остались въ ней.. А самимъ намъ и желалось войти въ церковь, да не достало ни у кого храбрости первому показать примѣръ... Да Богъ милостивъ, всѣ будемъ ходить въ церковь, дай только Богъ уладиться этому дѣлу!

— Смѣю увѣрить васъ, почтеннѣйшіе, сказалъ я, обращаясь ко всѣмъ, что начавшій дѣло Государь Императоръ не оставитъ его безъ вниманія и приведетъ къ надлежащей цѣли, ради славы Божіей и вашей пользы. Только и вы должны содѣйствовать исполненію его предначертаній, ревностно поддерживая и поощряя другъ друга добрыми совѣтами. Съ упорными же обходитесь ласково, стараясь побѣдить ихъ упорство любовію, потому что суровость и упреки не ведутъ ни къ чему доброму и только усиливаютъ разномысліе и ожесточеніе..

За бесѣдою время у насъ непримѣтно прошло до полуночи. Всѣ радовались и благодарили Бога.

О состояніи Климовскаго посада я послалъ особое донесеніе архіепископу черниговльскому Павлу. По утру 24 сентября началъ я собираться къ выѣзду изъ посада Климова. Проводить меня въ дорогу пришли многіе изъ почетныхъ климовцевъ. Я отправился черезъ „Чуровичи“ въ Максаковскій женскій монастырь, 25 числа по утру я уже былъ на мѣстѣ, и былъ принятъ съ радушіемъ игуменьею Олимпіадою съ сестрами. Монахини Максаковскаго монастыря прежде находились въ Никодимовомъ, въ которомъ и я служилъ священникомъ съ 1818 по 1827 годъ; поэтому не смотря на восемнадцать лѣтъ, которые прошли со времени нашего разставанія въ Никодимовомъ монастырѣ, я еще встрѣтилъ между сестрами много знакомыхъ, которыя тогда провожали меня за двѣнадцать верстъ отъ Никодимова монастыря. По приглашенію игуменьи, я остался обѣдать у нея. Послѣ обѣда я предпринялъ прогулку за монастырь. Монастырь стоитъ на весьма возвышенномъ мѣстѣ, поднятомъ искусственно. Почти у самыхъ стѣнъ монастыря, у подошвы насыпи, стелется обширная луговая ровнина, на которую пріятно любоваться сверху,

съ аллеи, идущей подъ монастырскою стѣною. Думалъ было я пробить въ монастырь только нѣсколько дней, какъ неожиданное обстоятельство заставило меня прожить здѣсь около двухъ недѣль.

На другой же день послѣ моего пріѣзда одна изъ инокинь, моя родная сестра Нимфодора просила у игуменьи благословенія принять меня въ своей келліи; здѣсь въ короткое время собралось монахинь до десяти. Только что мы успѣли обмѣняться нѣсколькими словами, какъ вдругъ онѣ всѣ пали мнѣ въ ноги. Меня это непріятно изумило. Я просилъ ихъ встать и объяснить, въ чемъ дѣло. Старшая изъ нихъ, мать Маремьяна, объяснила мнѣ, что онѣ не знали бы чѣмъ и возблагодарить и почтить того, кто вошелъ бы въ ихъ положеніе и положеніе ихъ монастыря,—вразумилъ бы игуменью и наставилъ на истинный путь, а то ихъ монастырь доведенъ ею до совершенной нищеты. Игуменья не имѣетъ объ немъ и о сестрахъ ни малѣйшаго попеченія, заботится только о себѣ самой, о своей сестрѣ и племянницѣ и о другихъ своихъ родныхъ, окружающихъ ее; въ трапезу никогда не ходитъ; все, что монастырь получаетъ отъ казначейства и чрезъ сборщицъ отъ своихъ благодѣтелей, она употребляетъ на свое содержаніе и на свою трапезу, которая приготовляется для нея съ ея окружающими особо отъ стола сестеръ, на ея кухнѣ. Монахини сказали мнѣ, что ихъ игуменья, въ послѣднее время, даже продала съ монастырской колокольни два колокола, и что онѣ по неволѣ должны терпѣть все это, хотя уже и терпѣнья не стаетъ, такъ что будь гдѣ нибудь другой женскій единовѣрческій монастырь въ такомъ уединеніи отъ мірскихъ жилищъ и въ такой тиши, то онѣ давно переселились бы въ него. Тутъ монахини опять упали мнѣ въ ноги, умоляя со слезами помочь имъ въ ихъ горѣ. Чтобы успокоить ихъ, я обѣщалъ позаботиться о возстановленіи порядка въ ихъ обители, сколько это будетъ отъ меня зависѣть. Мнѣ удалось успокоить старицъ. Я видѣлъ, какъ они возвращались по келліямъ

благодушными и съ надеждою на лучшее управленіе въ монастырѣ. Мать игуменья скоро узнала о разговорѣ сестеръ со мною, и послѣ того какъ скоро которая нибудь изъ нихъ просила меня, въ присутствіи другихъ сестеръ, посѣтить ея келью. она старалась быть со мною при этомъ посѣщеніи и всячески отклоняла меня отъ выслушиванія жалобъ на нее монахинь...

Отпраздновавши праздникъ Покрова Божіей Матери въ монастырѣ и пробывъ еще нѣсколько дней въ ономъ для разузнанья хорошенько положенія его, я 7 октября, въ послѣ обѣдни и трапезы, отправился въ Черниговъ.

ГЛАВА XXII.

Бесѣда со старообрядцами черниговскими въ домѣ С. К. Сорокина. — Всеобщее ожиданіе скорѣйшаго водворенія правильнаго священства въ посадахъ. — Мои совѣщанія съ архіепископомъ и губернаторомъ черниговскими. — Вторичное прибытіе въ Добрянку. — Депутація немощныхъ совѣстію старообрядцевъ — Успокоеніе ихъ. — Выѣздъ изъ Добрянки въ С.-Петербургъ — Личное объясненіе съ графомъ Протасовымъ. — Представленіе С.-Петербургскому митрополиту. — Свиданіе съ А. И. Войцеховичемъ — Его отвѣты, поразившіе меня неожиданностію — Медленность въ С.-Петербургѣ по приведенію Высочайшей воли Государа Николая Павловича относительно упроченія единовѣрія въ черниговской губерніи. — Мой страхъ за послѣдствія такой медленности. — Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее, наконецъ, по докладу графа Протасова. — Вторичное командированіе меня, по Высочайшему повелѣнію, въ Черниговскую губернію.

Въ Черниговѣ я остановился у Ѳедора Кузьмина Сорокина, гдѣ и былъ принятъ съ радушіемъ; тогда же вечеромъ собрались у него и старые мои знакомые: Николай Михайловъ Цвѣтовъ, Кропивенцевъ Яковъ Яковлевичъ, и Тихонъ Осиповичъ Щелкановцевъ. Время прошло въ удовольствіи и общей радости. Всѣ благодарили Бога за успѣшное начало водворенія въ старообрядческихъ посадахъ порядка, и выражали нетерпѣливое ожиданіе того времени, когда будутъ опредѣ-

лены къ посадскимъ церквамъ законные, или, какъ принято у старообрядцевъ называть, правильные священники.

— Не нужно терять времени, говорили мои собесѣдники, иначе общее благопріятное настроеніе посадовъ можетъ пройти, и тогда дѣло единовѣрія въ черниговской губерніи опять заглохнетъ. Въ этомъ я былъ убѣжденъ еще глубже моихъ собесѣдниковъ...

Въ 10 часовъ утра, въ среду 10 октября, я былъ у высокопреосвященнѣйшаго Павла и нашелъ въ домѣ архіепископскопомъ игуменью Олимпіаду, которая ожидала меня, чтобы вмѣстѣ явиться къ Его Высокопреосвященству. Владыка чрезъ о. Теофана пригласилъ насъ въ гостинную, благословилъ меня, и указывая на игуменью, рекомендовалъ мнѣ ее говоря: „вотъ, о. протоіерей, рекомендую тебѣ игуменью; она самая добрая изъ всѣхъ игуменій моей епархіи; въ монастырѣ она истинная мать сердобольная для сестеръ, обо всемъ заботится и во всемъ хочетъ быть примѣромъ“. Благословивъ послѣ сихъ словъ игуменью, преосвященный пригласилъ насъ садиться. Бесѣда наша продолжалась до 12-ти часовъ, и состояла въ объясненіяхъ съ моей стороны, и какъ бы въ отчетахъ о своихъ дѣйствіяхъ въ посадахъ, между старообрядцами. Ровно въ 12 часовъ слугитель отворилъ дверь въ столовую и Владыка пригласилъ насъ къ трапезѣ.

Во время обѣда я передалъ преосвященному свой разговоръ съ черниговскими единовѣрцами, бывшій наканунѣ, рассказалъ съ какимъ сочувствіемъ стали они смотрѣть на послѣднія событія въ посадахъ, и какъ искренно желаютъ водворенія въ посадахъ законнаго порядка, чрезъ опредѣленіе правильныхъ священниковъ.

12-го октября, въ пятницу, я опять былъ у владыки и обѣдалъ. Время было самое благопріятное для того, чтобы исполнить данное мною обѣщаніе максимовскимъ монахинямъ; никто намъ не мѣшалъ; да и самому мнѣ хотѣлось помочь имъ въ ихъ крайнихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я имѣлъ и время и воз-

возможность удостовѣриться лично. Я рѣшился было высказать владыкѣ безъ преувеличенія самую сущую истину о состоянїи максаковской обители и ходатайствовать предъ нимъ, чтобы онъ ограничилъ своеволие настоятельницы и вмѣнилъ ей въ непремѣнную обязанность возстановить въ ея монастырѣ нарушенный ею порядокъ и спокойствіе, но меня удерживали отъ этого сдѣланный преосвященнымъ хорошій отзывъ объ игуменьѣ и личная доброта архипастыря... Я не былъ увѣренъ, что мое объясненіе дѣйствій игуменьи не въ ея пользу измѣнитъ понятіе объ ней владыки, и потому оставилъ свое намѣреніе до другаго, болѣе удобнаго времени, жалѣя сердечно объ монастырѣ...

При всемъ моемъ желанїи выѣхать поскорѣе изъ Чернигова, я не могъ выѣхать ранѣе 20-го октября и во все это время бывалъ по дѣламъ то у высокопреосвященнаго, то у г. губернатора Гессе; оба они очень заняты были дѣломъ старообрядцевъ; Николая Андреевича Долгорукаго въ это время въ Черниговѣ не было. Главное желаніе мое состояло въ томъ, чтобы ускорить опредѣленіе священниковъ въ тѣ посады, которые изъявили согласіе принять ихъ.

Объ этомъ я постоянно твердилъ и губернатору и владыкѣ. Пословица русская: куй желѣзо пока горячо, не выходила у меня изъ головы...

Я былъ очень радъ тому, что 24 сентября опредѣленъ былъ священникъ къ выстроенной вновь Государемъ Преображенской церкви въ Добрянкѣ, прїѣхавшій изъ Калуги упоминаемый мною выше о Іоаннъ Колпицынъ. Это отчасти развязало мнѣ руки, иначе нельзя было оставить царской церкви безъ службы и приходъ безъ священника.

20-го октября я простился съ владыкою и Гессе, поблагодаривъ ихъ за ихъ вниманіе ко мнѣ и содѣйствіе въ исполненїи Высочайше возложеннаго на меня порученія. Преосвященный Павелъ благословилъ меня на прощаньи образомъ св. Іоанна Предтечи, въ напутствіе и въ память совершеннаго мною въ Добрянкѣ

богослуженія, въ присутствіи Государя Императора и Наслѣдника Александра Николаевича. Знакомые и старообрядцы Черниговскіе на тройкахъ провожали меня до Седнева, выражая надежду скоро встрѣтить меня съ новыми законными священниками для посадовъ. Настроеніе черниговцевъ было отличное и я благодарилъ Бога за свои здѣсь успѣхами.

Ночью на 23-е октября я пріѣхалъ въ Добрянку и остановился въ домѣ купца Григорія Григорьева Полянского. Около одиннадцати часовъ утра явилась ко мнѣ депутація изъ шести человекъ, отъ имени тѣхъ малочисленныхъ добрянцевъ, которые, по старости лѣтъ, стѣснялись совѣстію ходить на Богомоленіе въ новую преображенскую церковь, и выражали въ своей просьбѣ желаніе, чтобы и къ ихъ церквамъ особо опредѣленъ былъ священникъ, и тѣмъ успокоена была ихъ совѣсть, такъ какъ они за великій грѣхъ для себя почитаютъ оставить прежнія свои церкви безъ службы. Я объяснилъ немощнымъ совѣстію, что священники будутъ даны имъ, но не на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ они принимали до сихъ поръ бѣглыхъ священниковъ и напомнилъ имъ Высочайшую волю, объявленную лично самимъ Государемъ въ Добрянкѣ при всѣхъ старообрядцахъ, говоря, что послѣ словъ Государя: „вольничать я вамъ не позволю“ и что „бѣглыхъ поповъ забыть нужно“, нечего уже и думать о старомъ порядкѣ принятія священниковъ. Депутаты, послѣ довольно длинной бесѣды, остались довольны моими убѣжденіями и увѣреніями и обѣщали, наконецъ, ходить въ царскую церковь.

Въ Добрянкѣ пробылъ я четыре дня и въ это время не разъ навѣстилъ о. Іоанна Колпицына. Съ самаго пріѣзда въ Добрянку, не переставалъ я думать, какъ мнѣ поступить: направиться ли еще разъ въ Клиницы, жители которыхъ просили меня посѣтить ихъ опять, до отъѣзда моего въ Петербургъ, и помолиться въ ихъ церквахъ Господу Богу, или изъ Добрянки прямо отправиться въ Петербургъ. Очень важно было посѣтить

Клиницы; но еще важнѣе ускорить опредѣленіе священниковъ ко всѣмъ старообрядческимъ церквамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прихожане изъявили желаніе принять ихъ. Чрезъ переписку изъ посадовъ съ Петербургомъ нечего было и думать устроить это дѣло какъ слѣдуетъ и съ должною поспѣшностію; оставалось признать за лучшее изъ Добрянки отправиться прямо въ Петербургъ. Я такъ и сдѣлалъ. 26-го октября, простившись еще разъ съ добрянцами, я отправился въ путь.

Въ Могилевѣ, на обратномъ пути въ Петербургъ, застигла меня такая дурная погода, что нельзя было и глазъ показать на дворъ, и я вынужденъ былъ прожить въ этомъ городѣ почти двое сутокъ, и только 4 ноября прибылъ въ Петербургъ, встрѣченный семейными, родными и усердными своими прихожанами.

На другой день, 5 ноября въ 10 часовъ утра, явился я къ оберъ-прокурору св. Синода, графу Протасову. Онъ принялъ меня ласково, посадилъ и потребовалъ чаю, во время котораго разспросамъ его и конца не было. Я пробылъ у него около двухъ часовъ, и когда собирался уйти, графъ выразился, что онъ весьма доволенъ моими дѣйствіями въ посадахъ и что, получая мои донесенія, онъ доводитъ ихъ до свѣдѣнія Государя, который выслушивалъ ихъ съ удовольствіемъ.

— „Хорошо сдѣлали, сказалъ графъ, прощаясь, что пріѣхали въ Петербургъ.“

Я просилъ у графа позволенія представить ему въ слѣдующій отчетъ о своей поѣздкѣ.

— Прекрасно, — сказалъ графъ, если онъ только готовъ.

— Готовъ, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ я.

Отъ графа я оправился въ Невскую лавру, къ митрополиту, который также интересовался слышать отъ меня о моихъ дѣйствіяхъ среди старообрядцевъ, и распросовъ его было много. Я старался отвѣчать со всею искренностію, рассказывая обо всемъ такъ, какъ оно происходило.

Во вторникъ, на 3 день прїѣзда моего въ Петербургъ, въ 10 часовъ, явился я снова къ графу Протасову и представилъ ему отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ слободахъ по Высочайше возложенному на меня порученію. Съ отчетомъ представилъ я и прошеніе отъ старообрядцевъ восьми главныхъ посадовъ Черниговской губерніи на Высочайшее имя, составленное и подписанное на общемъ собраніи ихъ 22 сентября въ Покровскомъ монастырѣ. Графъ принялъ отчетъ и прошеніе, и долго распространялся относительно послѣдняго. Я, съ своей стороны, докладывалъ Его Сіятельству, что въ прошеніи нѣтъ ничего такого, что мѣшало бы утвердить его, и что оно написано совершенно въ духѣ Высочайше утвержденныхъ пунктовъ 1800 года.

Бъ это самое время человекъ доложилъ графу, что прїѣхалъ Преосвященный Полтавскій и желаетъ видѣть Его Сіятельство.

— Проси въ кабинетъ, сказалъ графъ.

Скоро вошелъ въ кабинетъ высокопреосвященный полтавскій Гедеонъ. Графъ попросилъ его благословенія. Когда я хотѣлъ сдѣлать тоже, графъ, взявъ меня за руки и обратясь къ владыкѣ, сказалъ: преосвященный, рекомендую Вамъ отца Верховскаго, и прошу полюбить его. Онъ намъ чудеса надѣлалъ въ черниговскихъ раскольническихъ посадахъ. Прошу Васъ, благословите его!

Преосвященный благословилъ меня и поцѣловалъ.

Графъ продолжалъ: преосвященный! О. Верховскій проситъ объ отпечатаніи малаго катихизиса, отпечатаннаго еще при патріархѣ Іосифѣ въ Москвѣ, съ книжки, представленной уже преосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ; я Вамъ ее пришлю и Вы потрудитесь заняться этимъ дѣломъ. Мнѣ же сказалъ графъ, чтобы я обращался по этому дѣлу къ преосвященному.

— Видѣли ли Вы Войцеховича? спросилъ меня затѣмъ графъ неожиданно.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Такъ Вы постарайтесь видѣть его завтра, или въ четвергъ; въ четвергъ онъ будетъ болѣе свободенъ.

Въ среду, 7 ноября, въ 10 часовъ утра, я былъ у Войцеховича въ кабинетъ, и былъ принятъ имъ съ радостіемъ. Онъ хотѣлъ слышать отъ меня обо всемъ, что произошло въ посадахъ послѣ его отъѣзда изъ Добрянки, со времени послѣдняго нашего свиданія. Я старался удовлетворить его распросы, и, послѣ трехъ часовой бесѣды, онъ остался совершенно доволенъ моими объясненіями и тою побудительною причиною моего прѣзда въ Петербургъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, которая не терпѣла отлагательствъ. Я, говорю, рѣшился въ такомъ экстренномъ дѣлѣ лучше лично ходатайствовать предъ начальствомъ, чѣмъ переписываться изда- лека, зная по опыту, что всякая переписка только замедляетъ дѣло, и не такъ успѣшно приводитъ къ цѣли... Въ настоящее время, объяснялъ я, чѣмъ скорѣе дѣйствовать, тѣмъ лучше, чтобы не дать времени неблагонамѣреннымъ и упорнымъ въ своей закоснѣлой враждѣ къ церкви слобожанамъ разстроить и снова совратить только что вступившихъ на истинный путь жителей.

Войцеховичъ на мои доводы о настоятельной необходимости дать скорѣе слобожанамъ священниковъ, къ удивленію моему, отвѣчалъ, что этимъ слишкомъ спѣшить не нужно, что главное уже сдѣлано, желаніе священства въ посадахъ возбуждено, и что слѣдуетъ только дать время и слобожане незамедлятъ сами явиться съ прошеніемъ о священникахъ.

Такой оборотъ дѣла въ Петербургъ огорчилъ меня до глубины души. Вотъ и желаніе Государя могло не исполниться и все дѣло, для котораго я такъ много трудился, встрѣтитъ можетъ самый непріятный оборотъ.

Опасенія мои сбывались. Прошелъ декабрь 1845 г., насталъ новый 1846 г., а дѣло упроченія единовѣрія въ посадахъ не подвинулось ни на шагъ. Мой духъ замиралъ отъ страха за послѣдствія... Прошли наконецъ январь и февраль 1846 г. и въ Петербургъ не являлось ни одного просителя, не подано было ни одной просьбы, не только въ Петербургъ, но и въ Черниговъ...

Я умолялъ графа Протасова не погубить святаго дѣла, такъ благополучно начатаго, и Протасовъ, наконецъ, представилъ на Высочайшую волю предположеніе о учрежденіи единовѣрческаго прихода въ Добрянкѣ и о послѣдствіяхъ сего, изложенныхъ въ моемъ отчетѣ.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе отправить меня въ Калугу для выбора въ Калужской епархіи благонадежныхъ священниковъ, а потомъ въ Черниговъ для опредѣленія ихъ въ Черниговскіе посады и я лишь 11 марта 1846 г. выѣхалъ изъ Петербурга, предпринявъ вторую поѣздку, послѣ напрасно проведенныхъ 4-хъ мѣсяцевъ здѣсь, въ черниговскія слободы, воспоминанія о каковой поѣздкѣ и составятъ 2 часть моихъ записокъ.

Жаль было потеряннаго времени, и мое сердце чужало, что земля удобренная и приготовленная для сѣмени, въ эти длинные 4 мѣсяца произрастила во многихъ мѣстахъ быліе травное... Скоро опытъ, къ моему огорченію, подтвердилъ мое предчувствіе.

Я 11-го марта отправился во второй разъ въ черниговскіе посады, воспоминанія о чемъ, какъ и о первой командировкѣ, надѣюсь оставить на память любознательнымъ изслѣдователямъ исторіи единовѣрческихъ церквей, сохраняя въ своихъ воспоминаніяхъ возможную точность и подкрѣпляя ихъ приложеніемъ официальныхъ документовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Verchovskij, Timofej A.

Starodub'e Zapiski T. A. Verchovskago komandirovannago v 1845 - 1848 g.
dlja ustrojstva edinověrija v černigovskich staroobrjad. posadach. [
Timofej Aleksandrovič Verchovskij]
Bd.: 1

Kazań 1874

Biogr. 3291 o-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10069297-3